

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК

Выпуск VI

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Государственно-патриотическая и военная мысль

МОСКВА

1994

Очередной выпуск «Российского военного сборника» посвящен творческому наследию российской послеоктябрьской эмиграции. Основное содержание составляют работы (фрагменты произведений) крупных представителей общественно-политической и военной мысли Русского Зарубежья. По мнению редакции, эти труды имеют не только историческое, но и внеисторическое значение. Центральное место в них занимают проблемы России и ее армии. Указанная тема раскрывается также через аннотации около пятисот книг и статей, написанных эмигрантами. Прилагается перечень периодики, издававшейся русским воинством на чужбине.

Составитель и автор вступительной статьи И.В. Домнин

Редактор шестого выпуска «Российского военного сборника» А.Е. Савинкин

Издается при содействии
Министерства обороны Российской Федерации
и Гуманитарной академии Вооруженных сил.

Издание зарегистрировано
Московской инспекцией по защите свободы печати и массовой информации.

Свидетельство о регистрации № А — 0365 от 29 октября 1993 г.

© «Российский военный сборник»;

ГА ВС 1994 г.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЗАЩИТА РОССИИ. А. САВИНКИН	5
Истоки Белого движения. Защита чести и достоинства России. — Духовное возрождение. — К пониманию патриотизма. — Идеал Русской армии.	

ВОЕННАЯ ГРАНЬ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ. И. ДОМНИН	9
---	---

Обширность и малоисследованность духовного наследия воинства эмиграции. — Трагедия российского офицерства в революции. — Армия в изгнании. — Галлиполи. — «Русский Общевоинский союз» и его функции. — Н. Бердяев, П. Сорокин, Л. Карсавин и другие о войне, мире и армии. — Профессиональные взгляды военных авторов (Н. Головин, А. Геруа, А. Байов, А. Керсновский). — Культ военных знаний в военной среде Русского Зарубежья. — Многообразие и самобытность периодики воинства на чужбине.

ЧАСТЬ I. МЫСЛИ О РОССИИ, ВОЙНЕ И АРМИИ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ РОССИИ. И. ИЛЬИН	399
---	-----

Геополитические и исторические особенности России как факторы сложности ее государственной организации. — Сравнительная русская отсталость «определяется всецело данным нам историческим бременем». — «Русский соблазн» «бескачественным обилием и объемом». — «Необходимость качества» во всех областях: «от Генштаба до кооперации» — Политическая власть: сущность и драма. — Государственный смысл белой армии и ее духовная победа.

ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ. П. СОРОКИН	65
--------------------------------------	----

Первое положение «социальной медицины»: судьбы общества зависят от природы, свойств и поведения его членов. — Сохранение и усиление уцелевшего в России положительного биологического фонда». — Создание среды, обеспечивающей максимальное развитие личности и тормозящей ее порочные свойства. — Размещение населения в социальной пирамиде по его способностям.

МЫСЛИ О ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ БУДУЩЕМ РОССИИ. Н. ТИМАШЕВ	86
--	----

«Будущий демократический строй с необходимостью заложен в русском прошлом». — Народовластие, а не народоправство. — Социально-психологическая сложность демократической системы. — Изменчивость демократии — лишь отражение многообразия жизни. — Несостоятельность доводов противников народовластия. — Демократии быть: политический путь к расцвету российской экономики и культуры.

ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ. А. КЕРСНОВСКИЙ	94
---------------------------------------	----

Соотношение рациональной и иррациональной частей военного дела. — Военное искусство — достояние личности, научность — удел коллектива. — Военное и литературное искусство как барометр национального самосознания. — Военная наука есть «патологическая социология».

НАУКА О ВОЙНЕ. Н. ГОЛОВИН	99
---------------------------------	----

Клаузевиц как «отец положительной военной науки». — Вклад в «науку о войне» русской военной мысли на рубеже XIX и XX веков. — Потребность в «социологии войны» и неизбежность становления этой науки. Принципы и законы в военном деле. — Прикладной метод в науке о ведении войны.

ПОЛЧИЦА. А. ГЕРУА	110
-------------------------	-----

Пагубность системы «армий-полчищ». — Проблема патриотизма и российская социальная неразвитость. — Критика ведет к прогрессу, борьба с отечественной «пошлостью» — к возрождению России. — «С идеями пушками не сражаются». — Служба партии или государству? — Взрывы в народе детонируют в армии.

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ ДО МИРОВОЙ ВОЙНЫ. П. ЗАЛЕСКИЙ	117
---	-----

«Условность» военной подготовки в частях. — Черты русского военного быта: эксплуатация служебного положения в личных целях и профессиональное невежество. — Покорность и услужливость — основные требования. — «Русская армия не знала, что такое она сама». — Нужда государства в военной доктрине.

НАЧАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СТРОИТЕЛЬСТВА БУДУЩЕЙ РУССКОЙ АРМИИ. А. БАЙОВ	123
--	-----

За речами о «вечном мире» государства готовятся к войне. — России войн не избежать. — Объективность принципов военного искусства и «кустарное» отношение к ним в русской армии. — Сила войск — в качестве их «материи» и «духа» (при решающей роли последнего). — Человек — главнейшее орудие войны. — Значение ума, воли и нравственности военачальника. — Влияние «национальной стихии» на военное искусство — Основные положения строительства армии будущей России.

О ВОИНСКОМ ВОСПИТАНИИ. А. БОЛТУНОВ..... 138

Недостаточное внимание военно-научной мысли к личности воина. — Психологический компонент «социального здания армии». — Психолого-педагогическое значение элементов военной подготовки. — Содержание и задачи воинского воспитания. — Авторитет воспитания. — Дисциплина есть сознательное послушание. — Офицер и система его подготовки. — Необходимость насущного интереса к армии у государственных руководителей.

КРАСНАЯ АРМИЯ. А. ЗАЙЦОВ, Е. МЕССНЕР..... 156

Из истории Красной армии. — Проблемы подготовки советских военных кадров. — Преследование авторитетов военной науки. — Рост и качественность технической оснащённости. — Геройское, но «полуинтеллигентное офицерство» как причина «кровавых» побед и поражений.

ЧАСТЬ II. АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АННОТАЦИИ КНИГ 163

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ 189

Авалов П., Адариди К., Акацитов М., Акулинин И., Алданов М., Александрова В., Александровский Г., Алексеев Н., Алемников Н., Амфитеатров А., Андрианов П., Анисимов О., Антоний (Храповицкий), Артемьев М., Ахаткин К., Бабкин Б., Байов А., Бармин А., Башмаков А., Бек-Мурза, Белогорский Н., Беляев В., Бердяев Н., Бернацкий М. Бинштак Г., Бицилли П., Бобров М., Болтунов А., Борисов В., Бубнов А., Бучинский Б., Валь Э., Варнект В., Вернадский Г., Верцинский, Винклер О., Вишняк М., Войтинский В., Волошин Г., Вязьмитинов В., Галай Н., Гермониус Э., Геруа А., Геруа Б., Гильфердинг Р. Гинс Г., Головин Н., Граф Г., Грулев М., Гудериан Г., Гулевич А., Гурко, Даватц В., Далин Д., Данилов Ю., Демидов И., Денике Ю., Деникин А., Дивеев, Добророльский С., Добрынин В., Доманевский В., Драгомиров В., Дрейлинг Р., Егоров А., Жекулин Н., Жиховский Г., Завротский А., Зайцев И., Зайцев К., Зайцов А., Залесский П., Зальф А., Зензинов В., Зеньковский В., Зинкевич М., Иванов Н., Иванович Ст., Изгоев А., Ильин И., Иордан К., Карпов Б., Карпович М., Карсавин Л., Катель И., Келчевский А., Керенский А., Керсновский А., Кизеветтер А., Киященко Г., Ключников Ю., Ковалевский П., Колесников Н., Кончаловский Д., Корф С., Краинский Н., Краснов П., Куракин А., Курганов И., Куш В., Лебедев В., Лукин А., Лукомский А., Львов Л., Любаневич О., Макинтош М., Маклаков М., Манштейн Э., Мариюшкин А., Масловский Е., Махин Ф., Мельгунов С., Месснер Е., Миллер Е., Милюков П., Молло Б., Муз В., Наживин И., Назанский В., Незнамов А., Николаевский В., Никольский Б., Новгородцев П., Новицкий Е., Нольде Б., Носков А., Обручев А., Ольховский П., Орехов В., Осипов А., Павлов Б., Парфенов П., Пасманик Д., Патронов И., Передельский А., Петров П., Пио-Ульский Г., Полянский В., Попов А., Пораделов Н., Пронин В., Пятницкий Н., Резанов А., Реймерс Н., Рихтер В., Рклицкий Н., Розеншильд-Паулин А., Рошефор, Руднев В., Русин А., Рыс П., Савченко П., Сагацкий И., Свечин М., Свицерский В., Святополк-Мирский Д., Сейфулин Л., Сербинович К., Симанский П., Синеоков В., Смирнов В., Соболев А., Солодков Н., Соколов В., Соколов К., Сорокин П., Спекторский Е., Станкевич В., Степанов И., Стогов Н., Струве П., Тараканов, Тарусский Е., Татаринов Е., Таубе М., Терещенко С., Тимашев Н., Трахо Р., Троцкий Л., Трубецкой Н., Унишевский В., Устрялов Н., Федотов А., Федотов Г., Флуг В., Франк С., Хвольсон К., Хитров Д., Цветаева М., Цуриков Н., Чернавин В., Чернов В., Чижов П., Чириков Н., Чухнов А., Шевельский Г., Шестов Л., Штейфон Б., Шуберский А., Юзефович А., Яхонтов В.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЬ К АННОТАЦИЯМ..... 253

История, исторические судьбы России. — Идеология, политика, русская государственность, национальный вопрос, религия и церковь, революция, российская контрреволюция и Белая борьба, Советская Россия, СССР, казачество. — Дух, духовность, этика, психология, воспитание, патриотизм. — Военная история, история военного искусства, история армии, «морская проблема» в русской истории. — Война, армия и политика, война и мир, армия и революция. — Военное знание. — Красная армия. — Будущая армия России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

УКАЗАТЕЛЬ ВОЕННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 255

Предисловие

ЗАЩИТА РОССИИ

Я решил умереть, потому что
слишком люблю Россию.

Генерал А. Крымов

Старая императорская армия была сильна любовью к своему Отечеству. Она честно выполняла свой долг в борьбе с внешними и внутренними врагами России. В условиях целенаправленного разложения ее здоровое ядро смогло выступить против разрушительных сил (Корниловская борьба в августе 1917 года). Лучшие офицеры и генералы организовали и начали затем «белое» движение по спасению страны от большевизма. «Если бы в этот трагический момент нашей истории, — писал впоследствии А. Деникин, — не нашлось среди русского народа людей, готовых восстать против безумия и преступлений советской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую Родину, — ею был бы не народ, а навоз для удобрения беспредельных полей Старого Континента, обреченных на колонизацию пришельцев с Запада и Востока. К счастью, мы принадлежим к замученному, но Великому Русскому Народу»¹.

Новая «орда» поработила Россию. Остатки белой армии последними покинули родную землю, завершив массовый исход лучших людей страны за границу. Появилась белая эмиграция — зарубежная Россия. Она существовала на основе любви к Отечеству и неприятия советской власти. Смыслом ее бытия стала самоотверженная работа по духовному возрождению России, воспитанию и развитию русской государственно-патриотической мысли. Сознательная духовная жизнь, — отмечал Петр Струве, — вместе с «беженством» переместилась за границу². Здесь началось возрождение (ренессанс) русского национального духа³.

Духовная защита России велась по разным направлениям как гражданскими, так и военными, сменившими меч на перо. Поддерживалась память о дореволюционной России, насаждались культ и идеализация прошлого (хранилища национального духа). Осмысливался трагический опыт революции, уроки и ошибки. Разрабатывалась постсоветская концепция национально-государственного развития России и ее Вооруженных

¹ Белая Россия. Репринтное издание 1937 г. Спб., 1991. С. 3.

² Струве П. Россия // Русская мысль. 1922. Кн. III. С. 104.

³ Струве П. Прошлое, настоящее, будущее // Русская мысль. 1922. Кн. I–II. С. 226.

сил. За двадцать лет активного существования белой эмиграция в разных странах мира на русском языке были изданы тысячи книг, многие сотни журналов и газет. Все они носили отечествоведческий характер, направлены были на познание и духовное возрождение России и ее армии.

На основе этой духовной работы в Русском Зарубежье возникло новое понимание патриотизма. Он уже не сводится только к борьбе против преступного режима, восстановлению «старой мощи», «твердой власти», «собираанию России как великого и единого государства» (последние задачи были решены самими большевиками). Рост угрозы мировой войны вызывает настороженное отношение к расчетам на освобождение России через вмешательство иностранной силы (интервенцию). Особенно после «прояснения» антинациональных, антирусских замыслов «крестового похода» Гитлера в Россию. Далеко не все белоэмигранты приняли прямое или косвенное участие в нем⁴. Многие из них предпочли в этих условиях занять позицию защиты России (противоречивый лозунг А. Деникина «Свержение Сталина и оборона России»). Они полагали, что, несмотря на определенный милитаризм, СССР остается существенно миролюбивым государством и должен естественно войти в «союз мира» западных демократий, причем не как политическая система, а как государство, как Россия. Мы, эмигранты-патриоты, — отмечал философ-публицист Г.П. Федотов на страницах предвоенной «Новой России», — участвуя хотя бы словом пока в оборонительном европейской фронте, «защищаем не сталинский фашизм, а нашу Родину, нашу Россию»⁵.

Наряду с этим социально-политическим содержанием патриотизм все более рассматривался как культурное творчество (творчество в духе) и национальное напряжение собственных сил. Именно этот акт, а не голая военная мощь, создает величие России, формирует праведную и благословенную любовь к Родине. «Содержание нашего идеала (за что любим. — Ред.), а не темп и страстность, с которыми мы его переживаем, должно определять в последнем итоге оценку нашего пути, — писал Г. Флоровский в конце 1921

⁴ Русский корпус, состоявший первоначально из эмигрантов и собиравшийся «включиться в дело борьбы за освобождение России от большевиков», боролся в основном с партизанами Тито; в Россию он немцами так и не был допущен. Русская Освободительная Армия пополнялась за счет советских военнопленных. Она стремилась взять на вооружение эмигрантскую идеологию («боремся против коммунистов за наше независимое самостоятельное отечество»), но сама оставалась зависимой от германского руководства, которое не допустило превращения ее в самостоятельную «третью силу». На немецкой стороне воевали в основном не белоэмигранты (их число было по естественным причинам ничтожно), а бывшие советские военнослужащие (около одного миллиона). См.: М. Назаров. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. Т. 1. С. 304–322.

⁵ См.: Федотов Г.П. Полное собрание статей в шести томах. Т. 4. Защита России. Статья 1936–1940 годов. YMCA-PRESS, 1988. С. 252.

года. Есть любовь к Отечеству праведная и святая, и она спасительна и действенна. И есть любовь греховная, и эта любовь — мерзость перед Господом...»⁶

На духовную сущность патриотизма указывал выдающийся русский философ и государствовед И.А. Ильин, полагая, что любовь к Родине должна быть осмысленной, как творческий акт духовного самоопределения: отечество необходимо найти и реально испытать (сделать «моим отечеством»). Родина обретается именно живым и непосредственным духовным опытом; человек, лишенный его, будет лишен и патриотизма. Именно духовная жизнь есть то, за что и ради чего можно и должно любить свой народ, бороться за него и погибнуть за него⁷.

Философ считал, что «Россия будет существовать, расти и цвести, если в ней воцарится дух чести, служения и верности; ибо дух бесчестия, жадности и предательства поведет ее опять по путям революции, распада, “переделов”, “социализма” и “интернационализма”, по путям позора и бессилия»⁸. Ему хотелось, чтобы белая армия стала творческой основой, ферментом, цементом русской национальной армии, чтобы в недрах ее она сделалась орденом чести, служения и верности и тем самым возродила не только русскую армию, но и русскую гражданственность. Армии отводилось особое место в деле воспитания и укрепления духовного характера русского народа:

«Русская армия искони была школой русской патриотической верности, русской чести и стойкости. Самое воинское звание и дело заставляет человека выпрямить хребет своей души, собрать свою распущенную особу, овладеть собою и сосредоточить свои выносливость и мужественность. Все это элементарные предпосылки характера. Армия невозможна без дисциплины и усердия. Армия требует высокого качества. Она гасит в душах лень и похоть раздора. Она приковывает волю к воинской чести, чувство единства и солидарности — к своей воинской чести, а сердце — к родине. Это есть школа характера и государственно-патриотического служения.

В будущей России отношение народа к армии обновится и углубится. Народ не должен и не смеет противопоставлять себя своей армии, как это было перед революцией: “Мы — рабочие, крестьяне, штатские, ‘интеллигенция’, а они — ‘военщина, орудие реакции, усмирители, насильники’ ”. Это болезненное и позорное отношение исчезнет навсегда. “Мы” — русский народ; и в ней — наше особое, почетно-ответственное, знаменосно-собранное “мы”, наша армия: наша честь, наша надежда, наша сила, основа нашего национального

⁶ Флоровский Г. О патриотизме праведном и греховном // На путях. Кн. II. Геликон-Берлин, 1922. С. 250.

⁷ См.: И.А. Ильин. О сущности правосознания. Мюнхен—Москва, 1993. С. 93–96.

⁸ И.А. Ильин. Родина. Русская философия. Православная культура. Составитель Е.С. Троицкий. П., 1992. С. 33.

существования. Кость от нашей кости и кровь от нашей крови. Она состоит из нас; и все в нее вливаемся; ее интерес — наш интерес; ее победа — наша победа; ее разложение — наша гибель. Она — представительница нашего национального рыцарства; крепостная стена нашей национальной свободы.

Принадлежность к ней — не “воинская повинность”, а почетное право. Неспособность носить меч есть дисквалификация человека. Воинское знамя есть священная хоругвь всего народа. Военный инвалид есть почетное лицо в государстве. Русский народ будет искать после революции радостного, искреннего единения со своей армией; и он будет прав в этом, созидавая ее любовью и честью и участь у нее служению, жертвенности и характеру»⁹...

На своем горьком опыте изгнанники убедились, что Россия держалась не только сильным духом, но и крепкой армией. Белое движение проиграло борьбу, потому что старая армия разложилась, а новая так и не стала организованной боевой силой, приспособленной к условиям Гражданской войны. Эвакуированные из Крыма военные кадры нельзя было сохранить как наличную воинскую организацию, но следовало «всемерно блюсти дух и идею армии», так как «без крепкой дисциплинированной армии Россия не может быть восстановлена»¹⁰.

При жизни белая эмиграция не смогла и не могла решить своих политических задач, но она оставила огромное духовное наследие, ценности и ориентиры для развития государственно-патриотического воспитания будущих Вооруженных сил освобожденной России.

Духовное возрождение армии невозможно сегодня без изучения и осмысления государственно-патриотической и военной мысли Русского Зарубежья, белой идеи и традиции. Мы должны также знать имена, позиции и деяния русских офицеров-патриотов, которые честно, преданно и беззаветно служили «шпагой и пером» своему Отечеству.

С первыми результатами этой работы читатель сможет познакомиться на страницах данного Сборника, подготовленного самоотверженным творческий трудом подполковника Домнина Игоря Владимировича.

Редактор

1994 г.

⁹ И.А. Ильин. Творческая идея нашего будущего. Об основах духовного характера. Публичная речь, произнесенная в 1934 году в Риге, Берлине, Белграда и Праге. Новосибирск, 1991. С. 11–12.

¹⁰ Струве П. Историко-политические заметки о современности // Русская мысль. 1921. Кн. V–VII. С. 210.

ВОЕННАЯ ГРАНЬ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В последние годы немало сказано и написано о Русском Зарубежье (российской послеоктябрьской эмиграции) и его многогранном и великом культурном наследии. В наше сознание прочно вошли имена И. Бунина и М. Цветаевой, В. Набокова и М. Алданова, Н. Бердяева и И. Ильина, С. Дягилева и А. Павловой, И. Стравинского и С. Рахманинова, К. Шагала и М. Добужинского, Й. Сикорского и В. Зворыкина и многих других, олицетворяющих это наследие и прославивших на чужбине отечественную культуру.

В то же время явно недостаточно исследуется военно-духовная жизнь эмиграции¹¹, а между тем воинство составляло едва ли не половину всех покинувших родину в 1918–1922 годах¹². Оказавшись за границей, оно не растворилось бесследно в чуждой социальной среде, а духовно сплотилось, организовалось в союзы и группы. Бывшие солдаты, офицеры и генералы ревностно соблюдали ритуалы, хранили традиции и реликвии русской армии, не оставляли профессиональных интересов, выпускали массу военно-периодических изданий, создавали военно-учебные заведения, вели военно-научную работу, писали книги¹³.

Их труды по осмыслению насущных вопросов военного бытия в значительной степени дополнялись соответствующими взглядами видных представителей общественно-научной мысли и публицистики Зарубежья.

Это наследие чрезвычайно обширно и во многом актуально. Оно в сочетании со здоровыми государственно-патриотическими идеями российской эмиграции может и должно быть использовано в деле духовного становления Вооруженных сил обновляющейся России.

Беда лишь в том, что для абсолютного большинства читателей остается неведомым военно-общественный пласт культуры Русского Зарубежья. Попыткой восполнить это неведение является данный выпуск, основное содержание которого предваряется кратким очерком военно-духовной жизни эмиграции.

¹¹ На сегодня практически нет источников с обобщенным материалом о жизнедеятельности военных эмигрантов. Те или иные ее стороны (эпизоды, персоналии) лишь затронуты в книгах: Ковалевский П.Е., Зарубежная Россия. Париж, 1970; Любимов Л. На чужбине. М., 1963; Мейснер Д.И. Миражи и действительность. М., 1966; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1987; Международная конференция «Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940-е гг. Сборник материалов. М., 1993 г. и др.

¹² Принято считать, что в эти годы Россию оставило около двух миллионов ее граждан (см. вышеуказанные источники).

¹³ Началось переиздание отдельных книг (в основном мемуарного характера) военных авторов эмиграции, среди которых: Деникин А. Очерки русской смуты. М., 1991; Белое дело. П., 1992; Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. М., 1992; Керсновский А. История русской армии. Т. 1. М., 1992 и др.

I. О воинстве Русского Зарубежья

Если существующие за границей группы и объединения иногда называются Русской Армией, то — в условном смысле... В действительности Русская Армия существует лишь в русских сердцах...

Н. Рклицкий

Трагедию российского офицерства «на переломе» революции и Гражданской войны проникновенно и точно выразил В. Высоцкий:

В куски
Разлетелась корона,
Нет державы, нету трона, —
Жизнь, Россия и законы —
Все к чертям!
И мы —
Словно загнанные в норы,
Словно пойманные воры,
Только — кровь одна с позором
Пополам.
И нам
Ни черта не разобраться
С кем порвать и с кем остаться
Кто за нас, кого бояться,
Где пути, куда податься, —
Не понять!
Где дух? Где честь? Где стыд?!
Где свои, а где чужие,
Как до этого дожили,
Неужели на Россию
Нам плевать?!

Поставленные революцией перед дилеммой: «с кем порвать и о кем остаться», — офицеры вынуждены были делать выбор или в пользу новой власти или против нее. Третьего пути — быть нейтральным — политика большевиков не оставляла¹⁴. По этому поводу И.А. Ильин писал: «Нет отсрочек и укрыться некуда. И не много путей перед тобою, а всего два: к Богу и против Бога. И если не встанешь и не обнаружишь себя, то тебя заставят встать и обнаружиться: найдут... у станка и у алтаря, в имуществе и в детях, в произнесенном слове и в умолчании»¹⁵.

Согласившиеся служить «советам» становились военными специалистами Красной армии. Несогласные уходили в стан контрреволюции. Из двухсотпятидесятитысячного офицерского корпуса конца 1917 года к концу 1918 года большая часть оказалась в белых армиях, в т.ч. около 70% военной элиты¹⁶...

Почти все офицеры, воевавшие против большевизма, после поражения белых в Гражданской войне покинули родину. Оказавшись на чужбине, они составили основу воинства Русского Зарубежья, численность которого превышала полмиллиона человек. Центры сосредоточения военной эмиграции находились в Турции, Болгарии, Югославии, Франции, Германии, Чехословакии, Китае, США, Аргентине... Более мелкие группы имелись в десятках других стран на всех континентах.

Символическим прологом истории русского зарубежного воинства может служить «галлиполийское сидение» — пребывание остатков армии генерала Врангеля в лагере для военных поселенцев на полуострове Галлиполи (территория Турции) в 1920–1923 гг.¹⁷

Путь туда изгнанников в одной из поэм отражен В. Маяковским:

От родины
в лапы турецкой полиции,
К туркам в дыру,
в Дарданеллы узкие,
Плыли
завтрашние галлиполийцы,
Плыли вчерашние русские...

¹⁴ Приказы и директивы Реввоенсовета Республики осенью 1918 г. предписывали всем офицерам, не участвовавшим на тот момент в Гражданской войне, идти на службу советской власти. При отказе — смерть и угроза семье. (См.: Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. М., 1988. С. 109–111).

¹⁵ Русская мысль. 1923. Кн. 6–8. С. 231–232.

¹⁶ См.: Кавтарадзе А.Г. Указ. соч. С. 194–197.

¹⁷ В местечке Чатаалджа (недалеко от Константинополя) находился Кубанский казачий корпус; на острове Лемнос — Донской казачий корпус; в Бизерте — остатки флота Врангеля.

В Галлиполийском лагере сосредоточилось более 20 тысяч человек, главным образом, личный состав 1-го армейского корпуса Добровольческой армии под командованием генерала А.П. Кутепова.

Несмотря на тяжелые полевые условия (пустынная местность, нехватка топлива, плохое питание, болезни), Кутепову и его помощникам удалось организовать и наладить жизнь и быт беженцев. Это было достигнуто посредством жесткой дисциплины, постановки боевой учебы и опоры на культурные и духовные ценности, которые чтит и которыми обладали изгнанники. Действовали (несмотря на импровизированный вид) офицерские школы и курсы, читались лекции по военным и общим дисциплинам (многие офицеры и генералы имели блестящее образование, опыт преподавательской работы), устраивались смотры художественной самодеятельности, издавались газеты, складывалась «галлиполийская» литература... Центром духовной жизни выступала Русская православная церковь. Исправно и неукоснительно соблюдались обряды, отмечались религиозные праздники. Вера помогала людям выстоять.

В последующем под руководством «главнокомандующего Русской Армии» генерала П.Н. Врангеля происходило расселение военнослужащих из лагерей, завершившееся к середине 1923 года...

Главной проблемой бывших военных, оказавшихся в чужих странах, в чуждой социальной среде, было трудоустройство. В отличие от гражданских эмигрантов, которые часто могли работодателям предложить свои профессиональные услуги, русские офицеры почти никому не были нужны. Потому их основной контингент, приспосабливаясь к условиям жизни в беженстве, становился вахтерами, разнорабочими, водителями такси¹⁸...

Всюду, где обосновывались бывшие военные, они создавали свои группы, союзы, клубы... Назревала необходимость их объединения, централизации. 1 сентября 1924 года приказом Врангеля провозглашалось создание «Русского Обще-Воинского Союза» (РОВС), в который включались все воинские эмигрантские организации, изъявившие на то желание. В середине 20-х годов в Союзе состояло около 100 тысяч членов, затем их количество постепенно уменьшалось. В своем административном управлении РОВС делился на Отделы, находившиеся в странах наибольшей концентрации воинства.

¹⁸ Бывали исключения, и вот пример. В 30-х годах Парагвай, где жила большая группа русских офицеров, вел войну с Боливией. Офицеры откликнулись на просьбу правительства Парагвая о помощи и во многом способствовали успеху кампании.

Отдельные русские офицеры, поступив на службу в армии государств, ставших их прибежищем, дослужились до генеральских чинов. Например, во Франции таких было пятеро, в т.ч. сын М. Горького — Пешков. (См.: Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. Париж, 1971. С. 303.)

Такая структура позволяла поддерживать связь между всеми военными группами Зарубежья и сохранять подобие армии. В разное время РОВС возглавляли генералы П.Н. Врангель, А.П. Кутепов, Е.К. Миллер, А.П. Архангельский, А.А. фон Лампе...

В первые годы существования Союза его руководители пытались организовать подрывную работу против СССР. Они планировали выступление против Советской России (если бы нашлось государство, готовое к интервенции¹⁹). Но практически все замыслы лидеров РОВСа (благодаря внедрению в его ряды агентуры) становились известны советским спецслужбам, и какой-либо серьезной военной угрозы Союз для Советской России, конечно, не представлял. К тому же, оба самых «боевитых» начальника — Кутепов и сменивший его Миллер — были похищены НКВД.

Основной функцией РОВСа оставалась духовно-объединительная. Наряду с поддержанием традиций, пополнением военных знаний, сохранением военных реликвий группы и организации, составлявшие Союз, заботились и о материальной поддержке своих самых нуждающихся членов (в особенности инвалидов, больных). «Небывалым еще в русской истории воинским братством», «орденски спаянным национально-патриотическим единомыслием, единочувствием и единоволлием» называл РОВС И.А. Ильин²⁰.

Жизнь воинства Зарубежья протекала в общей среде российской эмиграции, а эта среда была достаточно политизированной. В ней существовали десятки политических партий, группировок, движений, и почти все они старались привлечь «армию» на свою сторону. «Отношения к русской армии, покинувшей Россию, стояло в центре всех идеологических сплетений Зарубежной России», — писал ученый и один из видных общественных деятелей Зарубежья К. Зайцев²¹.

Однако с самого начала военные руководители стремились оградить свои организации от политических склок и дразг. В РОВСе, например, участие в деятельности каких-либо политических партий считалось несовместимым с членством в Союзе. Вместе с тем, так или иначе политические симпатии у военных, безусловно, имелись (традиционно в армейской массе были сильны монархические настроения), иногда небольшие группы офицеров все же заявляли о приверженности тем или иным идейно-политическим течениям. Были, например, сторонники евразийства, некоторые состояли в таких движениях, как «Младороссы», «Крестьянская Россия», «Русский фашизм»... Но при всех оттенках идейно-политических взглядов воинства эмиграции их объединяло резкое неприятие большевизма на родине, и поэтому часть из них в годы Второй мировой войны оказались в рядах небезызвестной

¹⁹ См.: Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. С. 122–156.

²⁰ Ильин И.А. Наши задачи. М., 1992. С. 161–162.

²¹ Возрождение. 1926. № 257. С. 2.

«Русской Освободительной Армии» (РСА) генерала А. Власова, Русского Охранного Корпуса в Югославии, в казачьих формированиях... Кстати, одним из организаторов и вдохновителей профашистского казачества выступал генерал П.Н. Краснов²².

В то же время не все из бывших белогвардейцев занимали такую позицию. Были и те, кто сражался с фашизмом и в Испании в 1936–37 гг., и во Франции при ее оккупации в 1940–44 гг.²³

Напомним, что от сотрудничества с гитлеровцами отказался и генерал А.И. Деникин.

Война разметала воинство эмиграции (особенно жившее в странах Восточной Европы и Китае), разорвав многолетние внутренние и внешние связи. Резко сократилась его численность: одни погибли, естественную смерть других ускорили лишения.

В постепенном восстановлении прочных уз, воссоздании групп и союзов заключалась основная деятельность в первые послевоенные годы, для чего в 1949 году был создан «Совет Российского Зарубежного воинства». Впоследствии в военных организациях велась главным образом духовно-историческая работа.

Несколько военных обществ существуют в эмиграции и по сей день. Среди них — РОВС (куда входят по большей части потомки его первых членов), «Объединение Кадет Российских Зарубежных Кадетских Корпусов» (в ней состоят те, кто учился в русских кадетских корпусах в Югославии в 50-е годы) и др. Они являются как бы тонким мостиком в прошлое Русского Зарубежья, во времена, когда отвергнутые своей страной, на чужбине жили воины старой России в надежде на свое если не физическое, то духовное возвращение на родину...

Вернуться во плоти им, по большому счету, было не суждено. Зато до нас дошел дух, запечатленный в многочисленных книгах, статьях, письмах, дневниках... И сегодня имеется возможность познакомиться с их богатым творческим наследием...

При этом следует учесть, что в военно-духовный «багаж» эмиграции входят воззрения не только военных авторов. Об этом «багаже» в следующем разделе.

²² После войны выданный англичанами советским властям Краснов был казнен в 1947 г. вместе с генералом Власовым.

²³ См.: Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. С. 175–177.

II. Военная тема у авторов эмиграции

Осмысление войны с русской точки зрения представляется для нас, русских, практически в величайшей степени важным.

Л. Карсавин

Разными путями идут зарубежная и... советская военные мысли. Но возможен день, когда они сольются в российскую военную мысль, творческую силу военной мощи будущей России.

Е. Месснер

Военная тема постоянно занимала умы эмиграции, что было совершенно естественно для авторов военных и характерно для многих гражданских²⁴. Интерес последних к данной теме вызывался главным образом милитаризмом эпохи первой половины XX века, ролью войны в революционных потрясениях России, а также традицией обращения к военным вопросам еще на родине.

Одним из первых в Зарубежье о соотношении войны и мира высказался М.А. Таубе²⁵. По его мнению, все стремления дать народам вечный мир подпадают под три системы: мир — через поглощение всех в одном мировом государстве; мир — через субъективный отказ от войны; мир — через добровольное, договорное учреждение Союза народов или государств. Последнее казалось ему предпочтительнее и реальнее.

Свою точку зрения на причины войны и условия мира в конце Второй мировой войны высказывал философ и социолог П.А. Сорокин. Он полагал, что к войнам ведет несовместимость противоположных ценностей в человеческом обществе, число войн возрастает в период радикальных изменений высших ценностей (на смену частнособственническим приходят ценности обобществления; национальным — националистические или интернациональные и т.п.). Условиями же мира считал: «переоценку многих современных ценностей», внедрение «во все государства и народы системы новых ценностей» (общечеловеческих) и основных норм; ясное ограничение суверенности всех государств в отношении войны и мира; учреждение высшей

²⁴ Лишь на примерах излагая (пока без аналитического освещения) взгляды и тех, и других, считаем, что их мысли интересны не только исторически, но и важны для глубокого понимания сущности и явлений войны и военного дела, и прежде всего теми, кто сегодня посвятил себя профессии защитника родины.

²⁵ Михаил Александрович Таубе — известный в дореволюционной России и в эмиграции ученый-правовед. (См.: аннотированный указатель.)

международной власти, обладающей правом обязательных и принудительных решений во всех конфликтах. Сорокин выражал веру в реальность осуществления такого плана. «С мудростью, мужеством... во славу Божию и прославление человека мы можем, наконец, приступить к постройке Храма Вечного Мира», — писал ученый²⁶.

Несмотря на надежду и борьбу за мир, общественная мысль эмиграции стремилась постичь его противоположность — войну, ее историческую сущность, ее смысл, ее природу.

Неоднократно к этим вопросам обращался один из крупнейших русских философов Н.А. Бердяев. Они близки ему еще и потому, что во всей его философии, историософии большое место уделялось теме насилия, а война есть воплощенное насилие, его социальная абсолютизация.

Война, по Бердяеву, двулика: она сеет смерть, но ведется во имя мира; через войны объединялись общества «в большие исторические тела» и через них идет вражда и раздор народов; война «обращена не к низшим только, а и к высшим инстинктам человеческой природы, к инстинктам самопожертвования, любви к родине...» Война — зло, «но не столько зло сама по себе, сколько связана со злом и является последствием зла более глубинного», — полагал мыслитель²⁷.

Похожие мысли находим у известного философа и педагога В.В. Зеньковского: «В войне полнее всего выступает стихия саморазрушения бытия, напряженнее всего прорываются силы зла, и в то же время войны, эта «варварская форма прогресса», нередко являются переломами в жизни народов, знаменующими их действительный расцвет»²⁸. Он говорил о «натуральной двойственности войны», «сочетании высочайшей неправды с бесспорной правдой».

Прошедший через войну философ и публицист Ф.А. Степун решительно отказывался «религиозно или философски оправдывать не идею войны, а современное ее воплощение». Война вызывала в нем отвращение, но в то же время порождала любопытные наблюдения. Он полагал, что война — «прекрасная школа для практического изучения диалектики Гегеля», поясняя мысль следующим образом: «В мирной обстановке каждая вещь есть в известной мере вещь мертвая, могила тем потребностям, которые ее породили, тем духовным напряжениям, которые ее создали. Видя лампу, мы не чувствуем мрака лучины и чада, которые ею отменены; и стоя у камина, мы не переживаем... того холода, ветра и осенней ночи, которые в нем преодолены. В мирное время мы ощущаем вещи с пошлостью

²⁶ Новый журнал. 19–4. Кн. 7. С. 251.

²⁷ Бердяев Н.А. Философия неравенства // Русское Зарубежье. 1991. С. 190–193.

²⁸ Современные записки. 1926. Кн. 29. С. 294.

аналитических суждений: лампа есть лампа, камин есть камин. А... на войне лампа есть лампа, а кроме того, она есть и мрак и лучина и чад»²⁹.

Войну как факт русской истории предлагал осмысливать философ Л.П. Карсавин, считая необходимым дружное сотрудничество военных специалистов с историками и философами. «В величайшей степени важным» представлялось ему понимание войны «для нас, русских» с «русской точки зрения», ведь с начала века Россия пережила две войны, приведших к революции и столь сильно изменивших ее облик. Он полагал, что во многом это произошло из-за утраты правящим слоем «чувства своеобразия русской культуры» (а в войне происходит «самораскрытие культуры»), «величия и великодержавия России».

Наиболее же ярким и стойким носителем народных идеалов и традиций, по мнению философа, является армия (что определяется ее «народною природою»). Она живет «общими основаниями» народной идеологии, потому народные идеалы живы в армии еще и тогда, когда в обществе они уже перерождаются, а сама армия нередко становится жертвой «за старые и не ею совершенные грехи». Но именно в связи со своею обращенностью к прошлому армия более обращена к будущему, чем всякого рода «прогрессивные» элементы общества. «В силу своей консервативности армия истинно прогрессивна», — делает вывод Карсавин, будучи уверенным в том, что те остатки русской армии, которые подняли белое знамя, тоже приняли участие в созидании новой России — своею самоотверженною гибелью за ее великодержавие»³⁰.

В сущности, многие мыслители Зарубежья сходились в такой оценке белой армии. Например, философ и богослов Г.В. Флоровский писал, что белое дело «питалось чувствами чистыми и святыми», и под белое знамя влекла «не какая-нибудь программа, а чисто нравственное задание — положить конец преступному надругательству и разврату». Но в социально-политическом смысле он считал белое движение «попыткой не считаться с жизнью, пойти напролом»³¹.

Идеологом белого движения в эмиграции называли философа и правоведа И.А. Ильина. Действительно, он посвящал белому воинству книги, статьи, многие выступления³². Прежде всего он не считал белую армию побежденной, напротив, был уверен в ее духовной победе, потому что побеждает тот, кто согласился потерять все свое «для спасения чего-то Божьего», тот, кто слил «судьбу свою с судьбою Блага». Ильин утверждал: «Дело Русской Добровольческой армии есть дело русской национальной чести, русского патриотического

²⁹ Степун Ф.А. Записки прапорщика-артиллериста. Прага, 1926. С. 22–23.

³⁰ Карсавин Л.П. Армия и революция. (См. аннотированный указатель.)

³¹ На путях. Утверждение евразийцев. Кн. II. Москва—Берлин, 1922. С. 240.

³² См.: аннотированный указатель.

горения, русского народного характера, русской православной религиозности», «...весь путь белой армии приобретал единый государственный смысл... обращенный к будущему, к основам возрождающейся в будущем новой великой... России»³³.

Пытаясь заглянуть в завтрашний день своей родины, мыслитель надеялся, что отношение народа к армии «обновится и углубится», ибо армия — «наша сила, наша надежда, основа нашего национального существования». Словно в напутствие потомкам он писал: «Русская армия всегда была школой русской патриотической верности. Самое воинское звание и дело заставляют человека выпрямить хребет своей души, собрать свою распущенную особу, овладеть собою, победить свой «страх»... Армия невозможна без самообладания и усердия. Армия требует воинского качества. Она гасит в людях распущенность, лень и склонность к раздору. Армия невозможна без характера, патриотизма и жертвенности. Ее лозунг: “Жить для России и умереть за Россию”»³⁴.

С пристальным вниманием относились в эмиграции и к Красной армии. Особенно заметно интерес к ней возрос в 30-х годах, когда становилось ясно, что России не избежать новых испытаний войной.

В начале 30-х годов известный в Зарубежье писатель Ст. Иванович в книге «Красная армия» проанализировал состояние «вооруженной силы» СССР и ее особенности, весьма скептически отозвавшись о ее боеспособности. Из анализа следовало, что Красная армия занимается чем угодно (в основном участвует в политических и хозяйственных кампаниях), только не боевой подготовкой. Подобная оценка была типичной и преобладающей.

Проблемы обороноспособности Советской России с середины тридцатых годов находились в центре внимания эмигрантской публицистики военно-политического характера. Один из лидеров движения «Оборончество» (суть которого состояла в недопущении войны против СССР) А.Ф. Керенский считал, что сталинская диктатура, являясь мощным централизующим началом, в то же время — источник слабости СССР, потому что присущая режиму необходимость репрессий привела к уничтожению в числе лучших людей России и командного состава армии. Особенно удручающе подействовала на эмиграцию расправа над маршалами Егоровым и Тухачевским (которых, несмотря на антипатию к ним, многие в эмиграции признавали авторитетными и грамотными военачальниками), поскольку становилась очевидной перспектива бездарного управления войсками в самый опасный исторический момент. Обладавший одним из самых «острых» перьев в эмиграции публицист П. Берлин по этому поводу писал: «Современная армия,

³³ Русская мысль. 1923. Кн. 6–8. С. 237, 242.

³⁴ Спутник Русского Христианского Националиста. Женева, 1937. С. 36–37.

возглавляемая такими героями конмарксизма, как Буденный, или такой каботажной красой, как Дыбенко, такой же анахронизм, как современный аэроплан, управляемый извозчиком»³⁵.

Мотивы обороны России в 1935–1941 гг. мощно звучали в серии статей философа и публициста Г.П. Федотова. «Мы с тревогой и болью следим отсюда за перебоями русского надорванного сердца. Выдержит ли? Выдержит ли оно новое военное напряжение?..» — писал Федотов, и ему уже тогда, в 1936–37 гг., была ясна не только неизбежность войны для Советской России, но и характер этой войны — «на истощение, в которой не мужчины даже, а матери решают дело»³⁶.

С началом Великой Отечественной войны тема «Война и Россия» становится у публицистов Зарубежья на первый план и обогащается многими интересными работами (например, таких авторов, как тот же Г. Федотов, Н. Тимашев, М. Вишняк, Ю. Деннике, Д. Далин, Б. Никольский в др., печатавшихся в нью-йоркском «Новом журнале» в 1942–1945 гг.)³⁷.

Как видим, общественная мысль эмиграции не обходила вопросы военного бытия. Она постоянно подвергала их анализу, чутко реагировала на военно-политическую обстановку в мире, рассматривая ее в основном сквозь призму интересов России (СССР).

Профессионально военную проблематику на чужбине разрабатывало русское воинство. Природа и опыт Первой мировой войны, история русской армии и ее будущее в контексте судеб России, современная военная организация и ее элементы, духовный фактор в военном деле — вот основное из отраженного в тысячах книг и статей военных авторов.

Самым видным и авторитетным военным умом эмиграции был генерал-лейтенант, профессор Н.Н. Головин³⁸, еще до Первой мировой войны написавший около десяти

³⁵ Новая Россия. 1937. № 30.

³⁶ Новая Россия. 1936. № 4. С. 9.

³⁷ См.: аннотированный указатель.

³⁸ Судьба Николая Николаевича Головина, родившегося 22 февраля 1875 г. в Москве в семье генерала, поначалу складывалась типично для выходцев из военной элитарной среды: Пажеский корпус, служба в войсках, учеба в академии и вновь служба. В 1903 г. он был приглашен читать курс тактики во Владимирское военное училище (С.-Петербург). В 1905–1907 гг. Головин занимается исследовательской работой и редактирует «Вестник Общества ревнителей военных знаний». В 1907 г. защищает диссертацию по военной психологии на звание экстраординарного профессора (одну из первых в России) и начинает преподавать в Академии Генерального штаба.

Первую мировую войну он начал в должности командира полка. Неоднократно награждался за высокий профессионализм и доблесть, имел контузии. Войну закончил генерал-лейтенантом, начальником штаба Румынского фронта.

Весной 1917 г. офицерами Генерального штаба всех фронтов избирался начальником военной академии, но в силу обстоятельств к этой работе не приступил.

Революцию в октябрьском воплощении не принял, ибо сущностью большевизма считал «ставку на преступные темные стороны масс» и «разрыв с моралью». В лагерь контрреволюции пришел не сразу, оказался в нем, не желая сотрудничать с советской властью. В 1919 г. по просьбе А. Колчака временно руководил обороной Омска. Основной же его деятельностью в годы Гражданской войны была военно-дипломатическая миссия в Европе (во Франции и Англии), где он добивался от правительств бывших союзников России помощи белым армиям.

научных работ по военной психологии, службе Генерального штаба, методике обучения в высшей военной школе...

В начале 20-х годов он одним из первых военных ученых проанализировал роль в современной войне танков и авиации³⁹ и пришел к выводу, что через несколько лет применение этих технических средств будет определять успех в бою. Головин выразил уверенность, что Россия обязательно станет великой танковой державой. Об авиации говорил как о «новом методе» не только стратегии, но и политики.

С особым вниманием следил ученый за состоянием (и техническим, и организационным) Красной армии. Скептически оценивая научные основы ее строительства в начале 20-х годов, пытался определить основания и параметры «будущей Российской вооруженной силы». Он полагал, что необходимыми условиями создания новой армии должны быть: тщательное изучение «западной техники» и опыта минувшей войны; наличие комплексной научной программы военного строительства; долгий период мира для России («который придется, может быть покупать ценой национального унижения»)⁴⁰.

По мнению Головина, в силу усложнения и самой войны и методов управления, государство нуждается в военной доктрине, которая представляет «чисто практическое приложение выводов военной науки в условиях определенной войны»; выработать ее без учета «государственных, экономических, национальных» условий невозможно. Психологически же доктрина есть некое «общественное мнение», состоящее из ряда идей, усвоенных и живущих в сознании коллектива. В качестве практической рекомендации он писал, что в основе доктрины «будущей российской армии» должна лежать «идея готовности

Последние 23 года жизни — период эмиграции. В течение всего этого времени Головин вел напряженную научную, преподавательскую и организаторскую деятельность. Ему принадлежит главная заслуга в создании русской зарубежной военной школы. Им написано более ста трудов и работ, около двадцати из которых являются крупными исследованиями. Часть из них переведена на все основные европейские языки. Он преподавал на высших военных курсах, читал лекции в военных академиях Франции, США, Югославии, Чехословакии, состоял профессором Русского историко-филологического факультета в Парижском университете, редактировал несколько печатных органов, сотрудничал со многими эмигрантскими и заграничными изданиями.

После оккупации Парижа (где жил и работал ученый) в 1940 г. фашистами ими было создано Управление делами русской эмиграции, и престарелый Головин назначен «председателем совещания при начальнике Управления». Однако в основном деятельность генерала сводилась к военным обзорам на страницах «Парижского вестника» — органа Управления.

Похоронив в 1943 г. жену и будучи тяжело больным, Н.К. Головин начинает угасать, и смерть настигает его 10 января 1944 г.

До недавнего времени о Головине у нас почти ничего не говорилось (статья в несколько строк о нем имеется в Большой советской энциклопедии), творчество его не изучалось. Первое (кандидатское) исследование социологической грани наследия ученого осуществил майор И.В. Образов в конце 1922 г. (см. ряд публикаций И. Образова в журналах «Социологические исследования», 1992, № 3; «Военно-исторический журнал», 1992, № 12); дореволюционные взгляды К. Головина по военной психологии кратко отражены в издании: Военно-психологические взгляды русских военных деятелей XVIII–XX веков. М., 1992.

³⁹ Головин Н.Н. Авиация в минувшую войну и в будущую // Военный сборник. 1922. Кн. 3; Головин Н.Н. Танки в минувшую войну и будущую. Прага, 1924.

⁴⁰ Военный сборник. 1922. Кн. 3. С. 50.

к борьбе с западными соседями при полном уважении к боевым качествам их войск и к современности их вооружения»⁴¹.

Следуя своему принципу детального изучения опыта «последней войны», ученый в четырех больших томах сделал разбор «кампании 1914 года на Русском фронте». В результате он пришел к следующим выводам: Россия была к войне не готова, что выразилось и в ошибочности «плана войны», и в преступной небрежности военного министерства при снабжении армии; стратегия была принесена в жертву политике (широкие боевые действия начинались не в соответствии со стратегической целесообразностью, а по просьбе союзников, что приводило к неоправданным жертвам русской армии); фронт держался в основном благодаря боевому опыту и героизму офицеров и солдат. Ошибки и промахи начального периода войны во многом обусловили дальнейший неуспех, что в конечном итоге приблизило революцию. Однако анализ главным образом военных действий Головина не удовлетворил, и он в другом труде («Военные усилия России в мировой войне») рассматривает политические, исторические, правовые, демографические, экономические, социально-психологические факторы, влиявшие на ведение войны Россией, и делает заключение: страна не выдержала «военного напряжения» и «перенапряжения»⁴², «...Россия оказалась пораженной без решительной победы ее врагов над Российской Армией на театре войны. Империя... начала разлагаться изнутри; это разложение передалось Армии; развал же Армии в свою очередь привел к развалу всего Государства»⁴³.

Только война сделала возможной революцию в России. Революция породила контрреволюцию, которая в их противоборстве могла победить, но не победила. И ученый, проследив сложный путь развития контрреволюционного движения, попытался определить причины его поражения, которые видел в следующем⁴⁴. Огромный рост антибольшевизма в конце 1917 — начале 1918 года не соответствовал внутренней консолидации контрреволюции. Различные ее течения (интеллигентское, крестьянское, военное...) не нашли общего языка в силу чрезмерной социальной расчлененности между собой. «Процесс социально-психологического выздоровления от революционного угара» этих сил оказался «расцеплен во времени» у массы крестьянства. Он протекал гораздо медленнее. Контрреволюционные вспышки (восстания) происходили стихийно, несогласованно. «Белое движение», имевшее в основе армию (офицерство), будучи, прежде всего, продуктом психологии большой войны, не созрело политически и социально. Оно оказалось

⁴¹ Головин Н.Н. Мысли об устройстве будущей российской Вооруженной силы. Общие основания. Белград, 1939. С. 43.

⁴² Термины, введенные Головиным в научный оборот и постоянно им использовавшиеся.

⁴³ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. Париж, 1939. С. 5.

⁴⁴ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. (См.: аннотированный указатель.)

«оторванным от народных масс и изолированным в недрах самой интеллигенции»⁴⁵. Кроме того, ошибкой «белых вождей» Головин считал их желание восстановить Россию в прежней унитарной ферме.

Долгие годы посвятив многочисленным исследованиям в военной области, профессор Головин пришел к убеждению, что до сих пор аналитики войны изучали главным образом способы ведения войны, а не саму войну, и изложил свое видение проблемы в серии докладов, объединенных в 1938 году в книгу⁴⁶. Содействие в этой работе ученому оказал крупнейший русский социолог П.А. Сорокин.

По мнению Н. Головина, наука о войне должна представлять собой ее социологическое исследование и призвана «изучать законы статики, динамики и эволюции войны». В качестве основных опор социологии войны должны служить: радикально перестроенная военно-историческая наука, психология войны как часть социальной психологии и статистика войны. О предназначении этой науки автор высказался образно: «Трудно ожидать, что это приблизит человечество к миру. Одно... можно утверждать, — ходить около пропасти с открытыми глазами менее рискованно, нежели завязанными».

В методологическом плане в социологии войны как бы синтезированы те отрасли военно-научного знания, в рамках которых Головиным создана значительная часть его трудов (военная история, военная психология, статистика (в любом из его исследований — масса статистических таблиц, выкладок, документов)) .

Головин, конечно, был не единственным военным аналитиком на чужбине, благо, по ироничному замечанию А.В. Геруа, «мозгов и перьев» в среде военной эмиграции было «в избытке». И к категории таким образом охарактеризованных людей в первую очередь следует отнести самого генерал-лейтенанта А.В. Геруа⁴⁷, одного из авторитетнейших военных писателей Зарубежья. Основное убеждение, вынесенное им из мировых и

⁴⁵ Головин Н.Н. Указ. соч. Ч. V. Кн. 12. С. 92–96.

⁴⁶ Головин Н.Н. Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж, 1938.

⁴⁷ Сведения о жизни Александра Владимировича Геруа крайне скудны. И даже в мемуарах его брата (Б.В. Геруа, генерал-майора, бывшего профессора академии Генштаба) почти ничего о нем не говорится. Известно лишь, что А.В. Геруа родился в 1870 г. в дворянской семье. По окончании Пажеского корпуса служил в лейб-гвардии Егерском полку. Окончил академию Генштаба. Активное участие принимал в Русско-японской войне, Первую мировую прошел в действующей армии на различных командно-штабных должностях и закончил ее в должности начштаба Румынского фронта (сменив Н.Н. Головина). В Гражданскую войну принял сторону контрреволюции и подобно Головину в основном выполнял посланническую миссию, являясь «Военным представителем Юга России в Румынии». Годы эмиграции провел в балканских странах.

Любовь к литературе и тяга к писательству существовали в нем смолоду. До революции вышли его книги «Суворов-солдат» (1900 г.) и «После войны о нашей армии» (1907 г.). В эмиграции публиковался в основном в «Русском военном вестнике», «Вестнике военных знаний», «Военном сборнике», газете «Новое время». Последняя публикация встречается в 1939 г. Дальнейшая судьба писателя нам неизвестна: ни его позиция во Второй мировой войне (если дожил до нее), ни дата и место смерти (как не была это известно, например, А.А. Герингу — собирателю материалов о воинстве эмиграции, редактору «Военной были» (см. «Вестник». 1966. № 138. С. 2)).

российских катаклизмов 1914–20 гг., — это опасность «вооруженного народа» для существования государства и самого народа⁴⁸.

А. Геруа считал, что если исторически пока не обойтись без вооружений, то надо активно стремиться к их сокращению. Если человечество все еще не способно существовать без войн и армий, то необходимы такие армии, которые обеспечивали бы скоротечность и гуманность войн. Отсюда — его идея «малых армий», их «профессионализма», необходимость технического совершенства вооружений. Воевать, если придется, должны хорошо обученные, «качественные» вооруженные силы, а не «пушечное мясо». Военным кредо генерала было «сокращение страданий от войны»⁴⁹. Вопросы государственной обороны Геруа рассматривал и сквозь призму социально-психологического фактора, ибо, по его убеждению, военную систему страны невозможно изменить «без изучения психологических особенностей армейской массы и среды, ее породившей, т.е. всего народа»⁵⁰.

Видя теснейшую связь армии с политикой, Геруа пытался следующим образом определить их соотношение. Армия по отношению к политике может занимать четыре положения: «активное», «пассивное», «нейтральное» и «политиканское». При первом идейные течения из верхов армии переливаются в правящие круги и народную массу и ведут за собой все общество (довоенная Германия). При втором — армия «не позволяет себе идейной агрессивности, хотя бы и были в наличии интеллектуальные ... силы» и армия «идет на буксире политики» (довоенная Франция). При третьем — армия еще живет старым укладом, без самостоятельного идейного движения, вопросов политики «боясь, как черт ладана» (большая часть армий). При четвертом («советско-политиканском») политика «вливается в армию из масс снизу», «войска направляются извне при посредстве политических органов, влитых в организацию армии», «политика, не задерживаясь на вершинах командования ...пронизывает сверху вниз весь аппарат армии». Армия может оказывать политическое воздействие путем «обратного тока» на правящие круги и массы⁵¹.

Остро ощущая корневую зависимость военной стороны современного общества от всей совокупности социальных факторов, вслед за Головиным (или параллельно с ним) А. Геруа

⁴⁸ Главные мысли генерала А. Геруа нашли отражение в его книге «Полчища» (см. аннотированный указатель.) «Задача... труда доказать, что пока существует “Вооруженный народ”, не может быть мира ни внешнего, ни, что самое главное, внутреннего, для мира, прежде всего, нужен “Разоруженный народ”. Как “постепенно” перейти от “Вооруженного народа” к “Разоруженному народу” — вот цель настоящей работы. Клич — “Все к оружию” — должен и может быть для главной народной массы заменен девизом — “Долой оружие”, — писал автор.

⁴⁹ Геруа А. Полчища. София, 1923. С. 397.

⁵⁰ Геруа А. Указ. соч. С.7.

⁵¹ Вестник военных знаний. 1929. № 1. С. 12–15.

приходит к выводу: «В настоящее время не только на очереди, но и на деле стоит перед нами социологический метод военной науки, организации и стратегии»⁵².

А. Геруа считал, что наибольший ущерб военному делу наносит односторонний, замкнутый подход к его проблемам. «Ни организация, ни наука не терпят монизма. Даже при “национальном творчестве” в этих областях необходим широкий многовековой международный фундамент. Только так мы не заблудимся среди полуавторитетов, полумыслей, полудел», — писал генерал А. Геруа⁵³.

Наряду с Головиным и Геруа, одним из крупнейших представителей военной мысли Русского Зарубежья был генерал-лейтенант А.К. Байов⁵⁴.

Главным в его творчестве являлась проблема русского национального военного искусства, отечественной военной истории. В эмигрантский период деятельности ученого его внимание во многом сосредоточивалось на разработке основ будущей армии России и ее военной доктрины.

Исходным моментом строительства новой «Русской армии» Байов полагал духовное начало: «внушение армии в соответствии с ее душевными потребностями того, что может питать ее... волю к победе, во имя чего она должна воевать...»; «воспитание... армии в направлении и в целях развития... нравственного элемента...» Среди других основных положений воссоздания вооруженной силы Алексей Константинович выделял: следование общим военным принципам; максимально выгодное, в соответствии с их свойствами использование современных технических средств; «преимущество качества над количеством»; высокий уровень подготовленности начальников и др.

Генерал считал, что армия сможет успешно выполнять задачи только при установленной «общности языка», «общности понимания обстановки», «единства взглядов»,

⁵² Вестник военных знаний. 1933. № 4. С.26.

⁵³ Вестник военных знаний. 1933. № 4. С. 27–28.

⁵⁴ Алексей Константинович Байов родился 8 февраля 1871 г. в г. Умани в семье генерала. По окончании Киевского кадетского корпуса, Императорского Археологического института и 2-го Константиновского военного училища служил в лейб-гвардии Егерском полку (вместе с А.В. Геруа). Любовь к военно-историческим работам, увлечение «русской военной стариной» проявились у А.К. Байова в молодости. Подпоручиком он подготовил историю своего полка. После окончания академии Генштаба, проходя службу в Виленском военном округе, написал первый ученый труд «Русская армия в царствование Императрицы Анны Ивановны». После этого начинается его карьера ученого. Будучи профессором академии Генштаба и являясь с 1904 г. в ней «правителем дел», Байов создает «Курс истории русского военного искусства» и преподает его в течение нескольких лет.

Первую мировую войну проводит в действующей армии. В годы Гражданской войны, первоначально заняв нейтральную позицию, от сотрудничества с Красной армией отказался и был вынужден эмигрировать в Эстонию. Там он провел всю оставшуюся жизнь: преподавал в военном училище, занимался научной работой. Большая часть написанного им в эмиграции остается неизвестной. А.К. Байов обладал большим авторитетом и влиянием в военной среде Русского Зарубежья. Умер в 1935 г. в Таллинне.

(Довольно подробно жизнь и деятельность А.К. Байова описана в кн. Б. Штейфона «Национальная военная доктрина. Профессор А.К. Байов и его творчество». См.: аннотированный указатель.)

обеспечивающего единство духа во всех чинах армии, т.е. «другими словами, при существовании... военной доктрины»⁵⁵.

Доктрина, по Байову, должна быть национальной, выработанной русскими самостоятельно и в соответствии с особенностями русского народа, из среды которого образуется Русская армия, без подражания каким бы то ни было иностранцам — ни победителям, ни побежденным; отражать духовную и материальную стороны военного дела; предполагать «для начальствующих лиц... широкое военное развитие... умение научно мыслить в сфере военных идей и действий, знание современных технических средств... т.е. постоянно учиться... всем офицерам... до генералов включительно»⁵⁶.

Ученый, понимая, что создать доктрину в условиях Зарубежья невозможно, призывал «подготавливать ее, собирать... материал» и «не переставая быть Русским ...помнить духовное содержание Русского народа...».

Частично влияние Байова сказывалось в творчестве другого, своеобразного автора эмиграции А.А. Керсновского⁵⁷. Он на основе исследований исторического пути русской армии, в ходе постоянного аналитического освещения многочисленных военно-политических и собственно военных проблем приходит к следующим выводам. Русское военное искусство, уходящее корнями глубоко в отечественную историю, имеет ярко самобытный характер, в то же время вытекающая из его духовных основ мощь русского военного гения «нами недостаточно осознана». Там, где российские государи и полководцы не озирались «на Запад», — были победы, где преобладало «слепое подражание» — всюду ожидало поражение. Военные неудачи России конца XIX — начала XX века, по мнению Керсновского, помимо прочего, объясняются отсутствием национальной военной доктрины,

⁵⁵ Вестник военных знаний. 1933. № 4. С.15.

⁵⁶ Вестник военных знаний. 1933. № 4. С. 22–24.

Наряду с перечисленными Байов выдвигает более двадцати принципов, на которых должна основываться военная доктрина. Он и многие другие авторы Зарубежья мыслили доктрину применительно к армии, а не к государству.

⁵⁷ Биографических сведений об Антоне Антоновиче Керсновском отыскать пока, к сожалению, не удалось. Известно лишь, что он принадлежал к более молодому (по сравнению с упомянутыми личностями) поколению. В дореволюционной военной печати имя его не фигурирует. Но в Зарубежье он один из активнейших публицистов. Жил и работал в основном в Париже, печатался в разных странах. Главной ареной его печатных выступлений были «Русский военный вестник» (впоследствии «Царский вестник»), «Часовой», газета «Время» (Шанхай) и др.

Керсновский — военный историк, аналитик в военно-политической и в сугубо военной сферах. Последнее наиболее поразительно, если учесть, что он не получил военного образования (по словам Б. Геруа. См.: Вестник военных знаний. 1933. № 4. С. 38). Однако общая его образовательность также впечатляет широтой, культурологическими и философскими знаниями. Творческий натиск Керсновского неугас. Он публикует материалы о военно-политическом состоянии в мире; делает военно-стратегические обзоры разных стран и регионов; пишет о «танковом вопросе» в СССР, подводном флоте Германии, «воздушных маневрах в Англии»; разъясняет «политику роялистов во Франции» и «лейбористов в Великобритании» и т.д.

В известном смысле памяти Керсновского повезло. Главный его труд «История Русской армии» начал издаваться на родине в 1992 г. (издательство «Голос»). Остается лишь надеяться, что издание будет доведено до конца.

которую он рассматривал как часть общенациональной государственной доктрины, полагая, что обе они должны быть разработаны в «послебольшевистской России». Эту Россию Керсновский представлял монархической, считая, что в «русских условиях» «всякая другая формулировка исключается». «Коммунистическое варварство, демократический маразм, тоталитарно-диктаторское богоборчество одинаково растлевают страну ... развращают вооруженную силу», — писал Антон Антонович⁵⁸.

Он полагал, что вооруженная сила — один из элементов политики, и что утверждение «армия вне политики» — нелепо, ибо «армия как раз вооруженная политика»⁵⁹. Будущую армию России Керсновский (как и Геруа, и Байов) видел «малой» и «качественной». Ее духовно-организационным стержнем, ведущей силой по праву считал офицерский состав, говоря, что высокий престиж офицера в обществе — ключ к решению проблемы офицерского корпуса.

Если А. Керсновский обращал свои взоры как к прошлому, так и к будущему, то часть военных писателей эмиграции сосредотачивалась на историческом анализе (либо просто на мемуарах) российской жизни. К таким авторам принадлежал, например, генерал-лейтенант П.И. Залесский, который жестко и нелюбезно высказывался о социально-политическом, экономическом и военном укладах дореволюционной России⁶⁰. По его мнению, «в русском государственном организме» долгое время копились «смертоносные бациллы», на присутствие которых рельефно указывали войны второй половины XIX – начала XX века; армия страдала «хронической неготовностью... своей организации и великой бесталанностью верхов», но власти убаюкивали себя, не желая заниматься последовательным реформированием. Вывод Залесского относительно революции («возмездия») таков: «...катастрофа, постигшая Россию, слишком грандиозна (по пространству и последствиям); ее не могли создать отдельные лица или партии... Ее создали века безумия! Она — дело многих поколений»⁶¹.

Большим авторитетом как человек и как публицист пользовался в Зарубежье генерал А.И. Деникин⁶². Огромное внимание уделил Антон Иванович новой истории России: его «Очерки русской смуты», «Старая армия», «Путь русского офицера», — были хорошо знакомы каждому «читающему» эмигранту. Вместе с тем, он постоянно обращался к

⁵⁸ Керсновский А.А. *Философия войны*. Белград, 1939. С. 77.

⁵⁹ Там же. С.76.

⁶⁰ См.: аннотированный указатель.

Павел Иванович Залесский традиционно в своей публицистической деятельности (а писал он с конца XIX в.) отличался критическим подходом и остротой тем.

⁶¹ Залесский П.И. *Возмездие*. Берлин, 1925. С. 11.

⁶² Как историческая фигура Деникин широко известен. Публицистикой Антон Иванович занимался с 90-х годов XIX в., печатался в военных изданиях. О написанном им в эмиграции см. в аннотированном указателе.

политической реальности, анализируя ее с точки зрения интересов и судьбы России, резко осуждал вторжение Германии в СССР, до конца жизни (1947 г.) надеялся на «освобождение» родины от большевизма, которое, по его мнению, должно произойти «изнутри», ибо советский «режим» неизбежно себя изживет. Деникин считал, что такое «освобождение» оздоровило бы международное политическое положение, «вернув Россию на нормальных началах в международный товарообмен и открыв ему огромный рынок; оно предоставило бы широкое поле деятельности иностранному капиталу, техническим знаниям, энергии и труду — не для эксплуатации, конечно, России, а для сотрудничества в обоюдных интересах»⁶³.

Столь же знаменитым деятелем и писателем в Русском Зарубежье был генерал П.Н. Краснов⁶⁴. Основной формой изложения своих социально-исторических взглядов (имеется в виду тема «Россия — революция — армия») он избрал беллетристику, поскольку полагал, что в изгнании условий для объективного исследования русских событий нет и, главное, нет «исторического удаления», без которого нет и объективности. В то же время им написаны многочисленные статьи, рецензии и т.п. в различных эмигрантских изданиях, где отражены взгляды автора на те или иные проблемы. Так, войну Краснов воспринимал как возможное проявление «закона природы», призванного сохранять земные силы (подразумевается, что войны дают толчок дальнейшему развитию и совершенствованию общества). Вместе с тем, он осуждал агрессии против мирного населения, выступая за «метод христианских войн»: боевые действия против войск противника и милость к поверженным. Постоянно подчеркивая важность духовной стороны в военном деле, Краснов старался обосновать необходимость изучения военной психологии, ибо решающим фактором войны считал человека.

Много писал Петр Николаевич о казачестве: вел борьбу с теми, кто выступал за образование «самостийного» государства «Кзакии», настойчиво разъяснял историческую миссию казачьих поселений как форпоста российских рубежей, доказывал целесообразность сохранения (воссоздания) этой функции казачества в посткоммунистической России.

Военная эмиграция, и особенно флотская ее часть, всегда с большим интересом относилась к работам адмирала А.Д. Бубнова, в основе его аналитических суждений находилась следующая философская позиция: «Вооруженная борьба будет существовать на земле до тех пор, пока будет существовать само человечество, ибо она есть неизменный

⁶³ Деникин А.И. Мировые события и русский вопрос. Париж, 1939. С. 86.

⁶⁴ Петр Николаевич Краснов публиковался в военных газетах с 1891 г. В эмиграции написал колоссальное количество (более 30 романов и повестей) произведений. В середине — конце 20-х годов был самым читаемым автором Зарубежья. Переведен на 9 языков. (Любопытно, что старший брат Петра Николаевича — Андрей Николаевич — был выдающимся русским ботаником, географом и публицистом; младший брат — Платон Николаевич — известным казачьим писателем).

спутник его прогресса, — и до тех пор генеральные штабы будут направлять деятельность дипломатий, ибо первым условием существования народов является их безопасность»⁶⁵. Бубнов в результате анализа истории морской политики и положения России определял, что главная «Русская морская проблема состоит в стремлении к обеспечению свободы и безопасности Черноморских морских путей», полагал, что именно это должно лечь в основание «Русской морской доктрины...»⁶⁶.

Значительный вклад в развитие русской военной мысли на чужбине внесли также: А. Болтунов⁶⁷, Б. Геруа, Ю. Данилов, С. Добророльский, В. Драгомиров, В. Доманевский, А. Зайцов, А. Келчевский, Я. Пятницкий, В. Флуг, Б. Штейфон и многие другие, сказать о которых подробнее в данном случае невозможно.

Труды и опыт всех вышеупомянутых авторов позволили теоретически обеспечить функционирование военной школы Зарубежья, т.е. своеобразных учебных и научных заведений, военно-научных обществ, всевозможных лекториев и «семинариев»... А их функционирование в свою очередь во многом стимулировало мыслительную, творческую деятельность военных изгнанников, создавало в их среде некий интеллектуальный накал, дух профессионализма и патриотизма.

3. Культ военных знаний

Эта огромная жажда военного знания — его поддержания, возобновления и развития — должна быть признана доказательством не только неугасимости надежды на возвращение на Родину, но и преданности военному искусству, независимо от надежды на возможность практического служения ему.

Е. Месснер

Значительная часть воинства эмиграции, имея пристрастие к военным знаниям, нуждалась в повышении своего профессионального образования. К тому же, многие из офицеров, вдохновляемые командованием «Русской армии», надеялись еще послужить

⁶⁵ Будучи Атаманом Войска Донского, Краснов в 1918 г. ввел в программу преподавания Новочеркасского военного училища курс военной психологии. Это был первый опыт преподавания данного предмета в России.

В 1927 г. в Берлине вышла книга Краснова «Душа армии. Очерки по военной психологии» (см. аннотированный указатель.)

⁶⁶ Морской журнал. 1935. № 89. С. 9.

⁶⁷ Зарубежный морской сборник. 1929. н. 3. С. 70.

«послебольшевистской» России в рядах ее вооруженных сил, для чего была необходима современная военная теоретическая подготовка. На этой почве в Зарубежье существовала целая сеть военно-учебных заведений, использовались различные формы самообразования и обмена знаниями.

Еще в 1921 году у Врангеля возникла мысль об открытии в Белграде русской военной академии. Возглавить ее было предложено генералу Головину, который, поддержав идею, в то же время обосновал длительность предварительной работы (подготовка преподавательского состава, разработка современных учебников и программ, отбор обучающихся...) по созданию академии.

Первоначально (с 1922 по 1926 г.) Головин организовал «кружки высшего военного самообразования», которые, действуя во всех странах крупного сосредоточения эмиграции, давали возможность апробирования разрабатываемого материала, выявления лучших научных руководителей и т.д.⁶⁸

После пяти лет подготовки 22 марта 1927 года в Париже (где находилось руководство военной эмиграцией и жил Головин) открылись «Военно-научные курсы систематического изучения современного военного искусства» (к наименованию «академия» решено было не прибегать в силу формальных несоответствий «курсов» таковой, а также политических ограничений российской эмиграции)⁶⁹. Позднее по настоянию Великого Князя Николая Николаевича (двоюродного дяди Николая II) курсы стали называться «Зарубежными Военно-Научными Курсами генерала Головина».

Имея пятигодичную академическую программу, Курсы (и в их лице — Высшая военная школа) по определению их основателя были призваны поддерживать русскую военную науку на уровне современных требований, готовить кадры «русских офицеров с европейским военным образованием, способных мыслить и творить в совокупности всех явлений войны», распространять военные знания среди русской военной эмиграции⁷⁰.

Достижению этих целей способствовало привлечение к преподаванию на курсах профессоров генералов А. Гулевича, П. Ставицкого, Б. Геруа, П. Рябикова, полковника А. Зайцова и других специалистов, а также «гражданских» крупных русских ученых П. Струве, М. Бернацкого и еще нескольких человек.

⁶⁸ В 1925 г. их количество составляло несколько десятков при более чем 500 участниках. (Осведомитель. 1937. № 3. С. 14.)

⁶⁹ Во Франции (как и в других государствах) формально запрещалось создание военных учебных заведений эмиграции. Поэтому юридически «Курсы» были зарегистрированы как «Общество русских комбатантов по изучению мировой войны и ее последствий».

⁷⁰ См.: Зарубежные Высшие Военно-Научные Курсы ген. Головина. Париж, 1931. С. 6.

Тщательный подбор научных руководителей обеспечивал в высшей степени компетентное чтение таких дисциплин, как «Русская военная история», «Война и международное право», «Война и экономическая жизнь страны», «Военная психология», и, конечно, военных: стратегии, тактики (общей и родов войск), специальных предметов. Впервые в мире читалась «Социология войны» (автор курса — Н.Н. Головин).

Занятия проводились поздними вечерами по несколько раз в неделю, ибо днем слушатели зарабатывали средства к существованию. При таких условиях учились лишь те, кто действительно жаждал военных знаний и обладал сильной волей.

Успешная деятельность Курсов Головина и рост числа желавших получить высшее военное образование предопределили открытие в 1931 году отделения Курсов в Белграде, где им непосредственно руководил генерал А.Н. Шуберский.

Из окончивших Курсы в Париже (1932 г.) и в Белграде (1936 г.) были образованы «Институты по изучению вопросов войны и мира». Они состояли из нескольких десятков человек и занимались разработкой проблем, «не имевших аксиоматического более или менее общепринятого решения». И Курсы, и «институты» действовали более десяти лет, прекратив существование в годы Второй мировой войны (в Париже — в 1940 г., в Белграде — в 1944 г.). Через Курсы Головина за это время прошло более полутысячи человек, из которых около 150 окончили полный курс.

В послевоенное время «Отделы Института по изучению проблем войны и мира имени профессора Головина» были воссозданы его учениками и до начала 70-х годов существовали в Париже, Нью-Йорке и Буэнос-Айресе.

Но не одними лишь названными заведениями была представлена высшая военная школа эмиграции. В 30-х годах в Париже функционировали и «Военно-технические курсы», где учились офицеры и «военные чиновники», а преподавали в основном профессора бывшей Николаевской Инженерной Академии.

В конце 30-х годов при «Союзе Русских Военных Организаций в Болгарии» имела место попытка создания «Заочной административно-политической школы русской эмиграции». Она, по замыслу ее устроителей, должна была соединить военное и политико-административное образование. Организаторы рассчитывали, что начинавшаяся мировая война приведет в России к войне гражданской, в которой падет сталинизм, а новую жизнь придется налаживать посредством временной умеренной военной диктатуры. Отсюда — необходимость подготовки военных кадров со знанием государственно-административного дела⁷¹.

⁷¹ Прообразом этой школы служили Военно-административные курсы, имевшиеся еще в Галлиполи в

Если высшая военная школа Зарубежья удовлетворяла потребность в совершенствовании профессиональных знаний офицеров, уже имевших начальное или среднее военное образование, то дать эмигрантской молодежи среднее и начальное военное образование были призваны военные училища, различные офицерские курсы и кадетские корпуса.

Например, в Париже действовала «Офицерская школа усовершенствования военных знаний»; в Белграде — «Курсы современного военного дела» и «Специальные курсы» для подготовки офицеров для родов войск; в Бельгии — «Военное училище при Русской Стрелковой Дружине»⁷²...

Начальное военное образование юноши получали в кадетских корпусах, находившихся в Югославии. В начале 20-х годов их было несколько, к концу 30-х остался один — Первый Русский Великого Князя Константина Константиновича Кадетский Корпус. Эти заведения окончили более двух тысяч человек.

Жажда обогащения и профессионального расширения кругозора была присуща не только молодым военным эмигрантам и утолялась не обязательно лишь в рамках учебных заведений, имевшихся в Зарубежье. Военные знания приобретались и культивировались представителями всех поколений воинства эмиграции, вплоть до седовласых генералов, в многочисленных военно-научных обществах, офицерских собраниях, лекториях, особенно активно действовавших в Белграде (где было, пожалуй, самое крупное «Общество ревнителей военных знаний»), Париже, Софии, Праге («центре» военно-морской мысли Зарубежья), Шанхае, Сан-Франциско... К примеру, в Белграде со второй половины 20-х годов прошло три конкурса на лучший военно-научный труд, офицерами и генералами было прочитано свыше 200 докладов⁷³. Не случайно один из ярких военных публицистов генерал Е. Штейфон писал: «Военная часть нашей эмиграции всегда отличалась пристрастием к военным знаниям. В условиях совсем не подходящих мы все же продолжаем думать по военному. И совершенно уверенно можно сказать, что никакая иная эмиграция... не проявила и отдаленно в этом смысле такого напряжения ума и воли, как русская. Всюду у нее существуют разнообразные курсы, кружки... военного просвещения. После утомительного рабочего дня люди добровольно просиживают по ночам за книгами и учебниками, находя в учебных, а тем более научных занятиях освежающий их отдых»⁷⁴.

1921 г.

⁷² Всего среднее военное образование давали более десяти заведений.

⁷³ Вестник военных знаний. 1930. № 6. С. 26.

⁷⁴ Военный журналист. 1941. № 31. С. 5.

Основным средством общения, интеллектуального обмена и корпоративной информации рассеянного по миру и жившего едиными духовными устремлениями русского «военного братства» выступало их оригинальное творение и «завоевание» — военная периодика.

4. Военно-периодическая печать

Нищие в массе, мы создали в изгнании такую военную прессу, какой не имеют и многие государства.

Б. Штейфон

Военная периодика Русского Зарубежья интересна, прежде всего, своей феноменальностью: десятки лет она существовала на чужбине, в условиях материальной нужды и лишений ее подвижников, выражая мысли, чувства и чаяния военных изгнанников.

Продолжая традиции военной «повременной» печати дореволюционной России⁷⁵, воинство эмиграции выпускало свыше ста изданий⁷⁶.

Наибольшее количество их выходило с середины двадцатых по конец тридцатых годов (время активной деятельности «первой волны» эмиграции).

По преимущественной направленности изданий можно условно выделить: «военно-общественные» (в числе основных — «Часовой», «Русский инвалид», «Армия и Флот» (шанхайский), «Русский военный вестник», галлиполийские журналы...); «военно-научные» («Военный сборник» (Белград), «Война и Мир», «Вестник военных знаний», «Осведомитель»...); «военно-исторические» («Военная быль», «Военно-исторический вестник», «Вестник первопоходника»...); «военно-специальные» («Морской журнал», «Артиллерийский журнал»...).

Объем, формат, периодичность, техническое качество отличались весьма существенно. Одни, «толстые», имели до 500 страниц (в виде книг), другие насчитывали 25–30 страничек, третьи — до 50 страниц большого формата...

Судьбы и «биографии» изданий тоже, естественно, не походили друг на друга. Одни только несколько раз показались в свет, другим суждены были долгие десятилетия. Не все печатались типографски, многие — на машинках и даже делались рукописно (размножались на ротаторах).

Кратко остановимся на характеристиках отдельных изданий. Как бы визитной карточкой военной эмиграции был «Часовой» — «журнал-памятка, орган связи русского

⁷⁵ С начала XVIII в. по 1916 г. в России издавалось более трехсот военных журналов и газет. Преимущество с ними в эмиграции символизировалась уже в некоторых названиях изданий: «Армия и Флот», «Военный сборник», «Русский инвалид»...

⁷⁶ Системных исследований военной периодики Русского Зарубежья не предпринималось, но первый значительный шаг в этом направлении сделал редактор «Военной Были» А. Геринг (Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом. Париж, 1968). Он указывает о военных и военно-морских изданий. Более полный перечень см. в настоящем сборнике.

воинства за рубежом», под редакцией В.В. Орехова, С.К. Терещенко и Е.В. Тарусского (В.В. Орехов оставался бессменным редактором до 1988 г., Терещенко и Тарусский ушли из жизни намного раньше). С января 1929 г. по 1988-й вышло 668 номеров. Журнал имел несколько отделов: «официальный», «военный», «политический», «исторический» («литературно-исторический», «военно-морской», а также несколько постоянных рубрик, среди которых особо интересна рубрика о Красной армии. В 30-е годы в журнале печатался цвет военной мысли и военной публицистики: Н. Головин, А. Байов, Ю. Данилов, В. Доманевский, А. Керсновский, П. Краснов и др.

В конце 30-х годов на его страницах помещались «журналы в журнале»: «Разведчик», «Вера, Родина, Семья». Первый посвящался военно-историческим вопросам, второй — проблемам духовности. В последнем неоднократно выступал с небольшими статьями один из крупнейших мыслителей Зарубежья И.А. Ильин.

Каждый из номеров содержал массу различной информации о воинстве на чужбине, и собранные воедино эти номера составляют некую летопись военной жизни Русского Зарубежья.

В 1921 году в Белграде полковники В. Пронин и И. Патронов организовали издание «Военного Сборника Общества ревнителей военных знаний» (или просто «Военного сборника»). Именно этот журнал на протяжении двадцатых годов был основным органом военно-научной мысли Зарубежья. В его редактировании принимали участие генерал Н. Головин и адмирал А. Бубнов. За десять лет существования журнала вышло 11 книжек (по 400–500 страниц каждая).

Кроме редактировавших сборник, в нем помещали свои работы известные в армии и эмиграции генералы А. и В. Драгомировы, Е. Новицкий, А. Байов, А. Лукомский, В. Беляев, А. Болтунов, А. Розеншильд-Паулин, подполковник Е. Месснер и др. Они отражали проблемы современного военного искусства (особенно активно анализировали операции Первой мировой войны, военного строительства и управления, военной доктрины, воинского воспитания и т.д.). Наряду с этим до четверти объема журнала отводилось аналитическому обзору военно-научной жизни самых мощных в оборонном отношении государств.

Группу опытных военных ученых объединял в начале двадцатых годов другой военно-научный журнал — «Война и Мир», выходивший в Берлине. Он был единственным военным журналом эмиграции, в «силу чисто научного характера» допускавшийся советскими властями к распространению в СССР. С 1922 по 1925 г. вышло 19 номеров этого издания (каждый по 400–450 страниц). Его последовательно редактировали генералы М.И. Тимонов, А.К. Келчевский, полковник В.В. Колосовский. Крупные работы в нем печатали генералы

В. Борисов, С. Добrorольский, сами редакторы. Связь журнала с «советами» для эмигрантов была очевидна (Головин, например, называл его «большевистским»).

В начале 30-х годов основным военно-научным органом в европейском Зарубежье стал небольшой журнал «Вестник военных знаний» (Сараево, 1929–1935 гг. Ред. К.К. Смигельский). Он давал «чисто научные сведения по всем отраслям военных знаний, но исключительно в виде малых статей»⁷⁷. Постоянными авторами материалов были в основном члены «Общества ревнителей военных знаний» в Югославии.

В Шанхае с середины двадцатых по вторую половину тридцатых годов полковник Н.В. Колесников⁷⁸ (председатель «1-го Русского Военно-Научного Общества в Китае») делал один из лучших военных журналов эмиграции, который назывался «Армия и Флот». Редактор писал о своем детище: «Наш военный журнал не является сколком с античных изданий довоенного времени... Нет, мы — журнал грядущего дня и текущих исканий... — не можем ограничиться узкой аудиторией специалистов военного дела. Наша аудитория — вся эмиграция»⁷⁹, Реализации такой установки способствовал тематический диапазон, об охвате которого говорят названия отделов журнала: «Официальный», «Политика», «Стратегия», «Тактика», «Морское дело», «Воспитание и обучение войск», «Казачьи думы», «Философия и психология»...

В журнале публиковались работы Н. Головина, А. Геруа, А. Бубнова, Е. Месснера (эмигрантов-«европейцев»); И. Зайцева, К. Сербиновича, П. Андрианова («дальневосточников»)... Часто помещались переводы крупных иностранных военных авторов. Особая роль отводилась обзорам о политическом положении на Дальнем Востоке, почти каждый из номеров начинался большой публикацией такого рода. Много военно-политических, аналитических статей писал сам Н. Колесников. Общий тон его выступлений выражается словами автора: «Мы не хотим топтать старого... но хотим знать причины наших

⁷⁷ Характеристика одного из авторов — подполковника Е. Месснера.

⁷⁸ Николай Владимирович Колесников принадлежал к поколению «капитанов» конца Первой мировой войны и «полковников» белой армии конца Гражданской, обладал колоссальным интеллектом, большой энергией, необычайной одаренностью (имел не только высшее военное образование, но и литературное). В 1912–1915 гг., проходя службу в Казанском военном училище, издал около десятка небольших книжек по военно-специальной и военно-исторической тематике. В годы «смуты», кочуя из конца в конец России с различными поручениями и посланиями «белых вождей», Колесников сумел(!) в черновиках написать массу книг («Конница в Гражданской войне» «Семь месяцев в Армии Верховного Правителя (Адмирала Колчака)», «В армии генерала Деникина», «Война и Революция 1914–1921», «Франция или Германия?», «Философия войны» и др. Некоторые из них, а также написанные уже в эмиграции, ему удалось издать («Философия войны», «Святая Русь» и «Диктатор», трагедию «Смерть Императора Николая II» и др). Колесников, будучи истинным «ревнителем» военных знаний, не только редактировал журнал, но и возглавлял военно-научное общество, давал уроки военного дела (по авторскому курсу). Он же в 20-х годах редактировал самую большую газету «дальневосточной» эмиграции «Россия» и журнал для юношества «Святая Русь», яростно боролся за сохранение в эмиграции русской культуры, вел занятия с подростками («Курс Русского самообразования с подрастающим поколением»).

Последний период его жизни неизвестен.

⁷⁹ Армия и Флот. 1932. № 10. С. 64.

поражений ... свои ошибки и упущения, мы не желаем повторения этих ошибок...» И благодаря статьям редактора от журнала исходил некий энергетический импульс, ощущаемый и при чтении сегодня.

Духовным накалом «Армии и Флоту» был сродни белградский еженедельник «Русский военный вестник» («Царский вестник»). Первый его номер вышел на Рождество в 1924 году, в основу издания организаторы положили «две главные идеи: Святое Православие и Русское Воинство», решив сочетать «эти две силы так тесно, как они были связаны в начале Русской истории». Редактором-издателем был поручик Н.П. Рклицкий.

Во второй половине 20-х годов редакцию привлекали идеи евразийства, но затем она, провозгласив принцип «Православного Самодержавия», сместив акценты на монархизм, переименовала еженедельник в «Царский вестник» (с 19.08.28 г.), который выходил до 1940 года. Несмотря на это, издание преимущественно оставалось военным. В нем печатались генералы А. Геруа, Б. Штейфон, В. Флуг, Е. Новицкий и др. Постоянным сотрудником еженедельника был А. Керсновский. С военными материалами часто соседствовали публикации социально-философского и духовного характера.

Почти ко всем номерам передовые статьи писал сам Н. Рклицкий, приверженец «Русской идеи». Он часто освещал проблемы русской государственности, русской культуры. Считал, что «Русский вопрос» носит мировой характер и что он «самый грандиозный и самый сложный вопрос современного мира», «то или иное будущее всего человечества»⁸⁰.

Яркость идеологической окраски, присущая «Царскому вестнику», не была столь характерна для массы военных изданий Зарубежья, многие из которых не высказывали однозначных симпатий к тем или иным идейно-политическим течениям, что, возможно, способствовало их популярности в эмигрантской среде.

Одной из самых распространенных военных газет был «Русский инвалид» («военно-научная и литературная газета»), выходивший в Париже с 1927 по 1940 г.⁸¹ Первоначально его редактировали Г. Глинка, А. Филиппов и известнейшие писатели эмиграции Б. Зайцев и И. Шмелев. С 1930 года редакцию возглавил генерал Н. Баратов, а его «помощником» стал генерал Н. Головин. Основными военными авторами материалов, кроме Головина и Баратова, были А. Зайцов, А. Гулевич, К. Попов, часто печатались П. Краснов, А. Деникин, П. Ольховский и др. На страницах газеты отражалась жизнь Зарубежья и, в первую очередь, воинство, помещались интересные рубрики «Военные заметки», «Обзор Русской военной

⁸⁰ Царский Вестник. 1929. № 36. С. 1.

⁸¹ Названием эта газета символизировала связь со старейшей военной газетой дореволюционной России «Русский инвалид», издававшейся с 1813 по 1917 г. В эмиграции, кроме указанного периода, в 60-х — начале 70-х годов ежегодно издавался один номер.

печати» (анализ военной печати эмиграции и СССР). В литературной части фрагменты своих произведений, небольшие рассказы, стихи печатали Б. Зайцев, И. Шмелев, А. Черный и др. Такие имена привлекали внимание к газете широкой читательской аудитории.

Среди послевоенных изданий назовем популярный исторический журнал «Военная быль» (с 1952 г. по 1974 г. вышло 129 номеров). Редактором-издателем был А.А. Геринг. Охарактеризуем «Военную быль» словами его создателя: «Многое из военного прошлого России запечатлено правдиво и уже навсегда. Напечатанные статьи и заметки вносят свою каплю труда в восстановление истинного хода больших исторических событий... Они знакомят читателя с подлинным бытом и жизнью русской военной среды, дают ценные сведения о часто малоизвестных особенностях... В свое время это будет ценнейший материал для будущих военных писателей и историков, когда настанет время восстанавливать истинный лик военной истории на нашей родине». Так писал А. Геринг в прощальной статье к читателям последнего 129-го номера⁸².

Мысль редактора «Военной были» о том, что «это... ценнейший материал для будущих военных писателей и историков...», можно распространить практически на всю военную периодику эмиграции. В этом ее значение для нас. А для воинства Зарубежья она служила средством выражения военных «дум», отражения общественно-политической жизни и, главное, объединяющим и духовно-поддерживающим началом.

В надежде на то, что вышеизложенное помогло читателю сориентироваться в военной сфере эмиграции, сделаем ряд пояснений к основному содержанию выпуска.

В нем две части: хрестоматийная и справочная. Первая призвана показать образцы государственно-патриотической, политической и военной мысли Зарубежья. В нее включены статьи таких известных и разных по убеждениям авторов, как И. Ильин, П. Сорокин, Н. Тимашев, а также военных писателей А. Байова, Н. Головина, П. Залесского, А. Болтунова, А. Геруа, А. Керсновского, А. Зайцова, В. Месснера⁸³.

Говоря о второй части, уместно вспомнить великого Н.Ф. Федорова, писавшего о «плодотворности библиографий», «этих ключах знаний», ведущих «всех к участию в самом труде знания, а не к бесплодному лишь знакомству с его верхушками». С теплотой отзывался

⁸² В наши дни выпуск «Военной были» возобновлен группой энтузиастов в Москве. В 1993 г. вышло два номера журнала.

⁸³ Представляемые статьи (фрагменты) указанных авторов еще не публиковались в России. «Наука о войне» Н. Головина, фрагментарно печатавшаяся в журнале «Социологические исследования» (1992, № 3), нами дается по другому источнику.

философ и великий библиотекарь об аннотациях: «Заключая в себе сжатое изложение целого сочинения, находится в таком же отношении к книге, в каком зерно — к растению»⁸⁴. Мысли Федорова как бы объясняют наше обращение к форме аннотации (причем аннотации сугубо констатирующего характера, а не рекомендательного, критического или иного).

В аннотированном указателе отражено около пятисот источников (книг и, главным образом, статей) общественно-политического и военного плана, по мнению составителя, и доселе значимых и интересных. Это результат ознакомления более чем с пятидесятью периодическими изданиями (почти с 4 тысячами их номеров) и сотнями книг (брошюр) эмиграции. Надеемся, что материал будет полезен прежде всего офицерам Российской армии в их исследовательской работе, в деле общего образования и самообразования.

В справочной части также помещен указатель военных периодических изданий Русского Зарубежья. В нем в основном использованы уточненные и дополненные составителем данные двух работ: книги А. Геринга и брошюры совместного коллектива составителей Государственной публичной исторической библиотеки и Российской государственной библиотеки⁸⁵. Это на сегодня наиболее полный перечень названной периодики. В указателе помечены издания, имеющиеся в библиотеках г. Москвы. Для удобства справочная часть снабжена и предметным указателем аннотаций.

Составитель глубоко признателен сотрудникам ИНИОНа Л.Ф. Голонцовой, Л.Н. Гончаровой, С.С. Савельевой; сотрудникам отделов «Русского Зарубежья» Российской государственной библиотеки и Государственной публичной исторической библиотеки за помощь, содействие и доброе отношение, как благодарен всем остальным, оказавшим поддержку и проявившим участие.

И. Домнин

1994 г.

⁸⁴ Федоров Я.Ф. Философия общего дела. М., 1906. С. 677.

⁸⁵ Геринг А. Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом. Париж, 1968; Материалы к сводному каталогу периодических и продолжающихся изданий российского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1990 гг.). М., 1991.

ЧАСТЬ I. МЫСЛИ О РОССИИ, ВОЙНЕ И АРМИИ

Ни в чем не раскаиваться, ни о чем не плакаться, но все очищать, испытывая себя в горниле суровой мысли перед судом совести и в духе верности Ей Одной, Великой России...

Н. Струве

Ни одна наука, ни одно искусство так не ответственны перед Родиной, как военная наука, военное искусство. Через каждую строчку, каждый штрих, каждую мелочь ее просачивается кровь не только безвинных, но лучших сынов Родины, погибших за ошибки незнания руководителей.

А. Келчевский

ИСТОРИЧЕСКОЕ БРЕМЯ РОССИИ

И.Ильин

Мужайся, стой, крепись и одолей!

Тютчев

Наша патриотическая скорбь о революционном крушении России не должна оставаться простым, томительным и бесплодным чувством: она должна быть претворена — сначала в историческое понимание путей и судеб нашей родины, потом в систему волевых решений и действий. Россия ждет от нас не унынья, а духовной зоркости; не утомленной растерянности, а волевой идеи; не обывательских слез, а гражданственных поступков. И главное: непоколебимой веры в духовные силы и в грядущее величие русского народа.

Революционное крушение настигло Россию не просто потому, что кто-то из современников «не справился» и «наделал ошибок»; и не только потому, что русская интеллигенция шла сама и вела народ по неверным путям; — но прежде всего потому, что

бремя, исторически возложенное на русский народ, было чрезвычайно велико. Оно было более гораздо тяжким, чем бремя западноевропейских народов; а сроки, необходимые для того, чтобы управиться с этим бременем, были исторически урезаны и сокращены. На протяжении своей истории русский народ жил в более тяжелых условиях, чем западные народы; его задачи были более велики, сложны и трудны; он сформировался и выступил позднее других народов; его развитие было прервано и задержано близостью к Азии; он с самого начала «опаздывал» и должен был все время «догонять»; и потому его хозяйство, его гражданская цивилизация и его умственная и волевая культура была менее укоренены, менее интенсивны, менее организованы. Народ, духовно одаренный, самобытный и глубокий, не успел еще проработать земную кору своего существования, овладеть своей материальной и душевной природой и развернуть свои силы. В этом и состоит основная задача нашего будущего.

Нижеследующие соображения, подкрепленные статистическими данными (в круглых цифрах) должны быть продуманы до конца каждым русским патриотом.

1. Во время великого переселения народов (100 г. до Р.Х. — 1000 г. после Р.Х.) славянские племена пришли в Европу позднее других (в частности, германских) племен, и на долю им достались восточноевропейские земли, гораздо менее благоприятствующие расцвету хозяйственной и государственной культуры.

а) Климат Западной Европы — уравновешенный, морской и теплый (влияние Гольфстрима); страна открыта для западных и юго-западных, теплых и влажных ветров; среднее годовое количество осадков от 60 до 150 сантиметров; зима короче и теплее, лето длиннее и менее жгуче; обилие гор и непересыхающих рек; в общем — природа поощряет культуру, не затрудняя человека.

Климат России — неуравновешенный, континентальный и суровый; влияние Гольфстрима слабо; западные ветры теряют свою влажность; появляются сухие ветры — северные, северо-восточные, восточные; среднее годовое количество осадков от 30 до 60 сантиметров, и к востоку ниже 30; чем далее на восток и северо-восток, тем сильнее колебания температуры; зима длиннее и холоднее, лето короче и суше; горы маячат только по краям; равнина не защищена ни от северных ветров, ни от дыхания среднеазиатских пустынь; в общем — природа затрудняет человека и недостаточно благоприятствует развитию культуры.

б) Россия как страна есть огромный массив суши. Природа лишила ее всех даров открытого моря. Правда, на 70 000 километров ее государственных границ приходилось 46 000 км морской границы. Однако более половины этой морской линии выходит в

Северный океан; Балтийское море и Тихий океан не дают ей незамерзающих портов; а прямых выходов не открывает ей ни Черное, ни Балтийское море. В торговом отношении страна задыхается без моря. Соотношение же береговой линии и размеров территории таково: в Греции 1 : 3; в Европе 1 : 37; в России 1 : 101. Выход к морю есть величайшее и труднейшее национальное задание России. Из всех европейских государств в сравнительно менее благоприятном положении находились разве только Австро-Венгрия и Швейцария.

в) Роковое значение для России имеет незащищенность ее границ. Ее равнина открыта для нападения с северо-запада, с запада, с юго-запада, с юга и с юго-востока. Все великое переселение народов шло через ее просторы; и именно на нее обрушилась последняя, татарская волна из Азии. Возникая и слагаясь, Россия не могла опереться ни на какие естественные рубежи; она имела только два исхода: или завоевывать всю равнину и оружием защищать и замирать свои окраины, или гибнуть под ударами восточных кочевников и западных завоевателей. Вот почему наша история есть история непрерывного военного напряжения, история самообороны и осады; от Дмитрия Донского до смерти Петра Великого Россия провела 5/6 своей жизни; издревле русский пахарь погибал без меча, а русский воин кормился косою и сохой. Так возник в России и сословно-крепостной строй — на необходимости все учесть и все использовать для обороны страны. История русского народа есть история его самоотверженного служения; и забота наших предков была всегда не о том, как лучше устроиться или как легче прожить, а о том, как вообще прожить, продержаться хоть как-нибудь, справиться с очередной опасностью.

Итак, история возложила на нас борьбу с суровым климатом и природой и борьбу за открытое море; она затруднила нам борьбу с соседями за наше место под солнцем и борьбу с пространством за естественные рубежи. Этим предопределяется, но далеко не исчерпывается то историческое бремя России, которое от времени до времени (в среднем раз в сто лет) вызывает колебание и смуту в русской душе.

2. Необходимо признать, что хозяйственная, государственная и культурная организация народной жизни тем труднее, чем больше территория страны и чем многочисленнее ее население (конечно, при прочих равных условиях). Большое государство должно прежде всего подчинить себе пространство, эту разбрасывающую, разъединяющую и выводящую из подчинения силу; и затем вовлечь в свою жизнь, — взимая и давая, служа и заставляя служить, обороняя и воспитывая, — несметное множество человеческих душ. Чем обширнее территория и население страны, тем более укорененным должно быть правосознание, тем более сильной должна быть патриотическая спайка народа, тем более авторитетной и

крепкой должна быть волевая сила центральной власти. Малое государство несравненно легче строить, чем большое.

До войны 1914 г. Россия занимала свыше 22 миллионов квадр. километров в одном куске без колоний. Метрополии других важнейших европейских государств составляли: Германия 540 тысяч квадр. км; Франция 536 тысяч квадр. км; Австро-Венгрия 300 тысяч квадр. км; Италия 286 тысяч квадр. км; Швейцария 41 тысячу и Бельгия 29 тысяч квадр. км.

До войны 1914 года население России составляло около 173 миллионов людей. Население Германии приближалось к 65 миллионам; Франции — к 40 миллионам; Австро-Венгрии — к 50 миллионам; Италии — к 35 миллионам; Великобритании (с Ирландией) — к 43 миллионам; Швейцарии — к 3 1/2 миллионам; Бельгии — к 7 1/2 миллионам.

По массиву своей территории Россия превосходила все государства всего света, и бремя ее было наибольшим. По массиву населения она уступала только Британской Индии (320 миллионов людей на 4,8 миллионах квадр. км) и Китаю (около 420 миллионов людей на 8 1/2 миллионах квадр. км).

3. Необходимо признать, что недостаточная плотность населения в высокой степени затрудняет дело хозяйственной и государственной организации жизни. Она ведет к тому, что разъединяющая сила пространства ослабляет центростремительную силу национального тяготения; государственная спайка не приобретает настоящей прочности; интенсивное хозяйство не слагается; торговый оборот является вялым; культура проникает медленно и быстро выветривается (ср. Германию в начале девятнадцатого века).

Достаточно сказать, что Европейская Россия с ее 25 жителями на 1 кв. километр занимала в Европе 20-е место; меньшей плотностью обладали в Европе только Швеция (12 чел. на 1 кв. км), Норвегия (7), Андорра (11) и малообитаемые острова. Наибольшую плотность в Европе имели Бельгия (253), Голландия (176), Великобритания (145) и Германия (120).

4. Далее, надо иметь в виду, что государственное и культурное строительство бывает тем труднее, чем разнообразнее и пестрее национальный состав государства; и, наоборот, — тем легче, чем более расовой единственности и племенного единения в народе.

Нация определяется: расой и племенем (кровь); родным языком; религиозным укладом души; историческим самосознанием, вынесенным из прошлого; и вырастающей из всего этого духовной культурой.

В смысле племени Европа знает страны с совершенно однородным населением германского племени — Швеция, Норвегия, Дания, Голландия. Сравнительно однородны также романские государства — Франция, Италия, Испания, Португалия. В Англии 89%

составляют англосаксы и 11% кельты. В довоенной Германии имелось 92% германцев, 6% поляков и 2% датчан, французов и евреев. В Австро-Венгрии насчитывалось 46% славян, 25% германцев, 18% венгров, 7% румын и 2% итальянцев. Ни одна страна не имела той расовой и племенной пестроты, какую имела Россия. В настоящее время Академия Наук насчитывает до 165 народностей, живущих в России.

Так же обстоит дело и с родным языком. В довоенной Европе наибольшей пестротой языка отличались Австро-Венгрия; Швейцария, в которой 70% считали родным немецкий язык, 22% — французский и 7% — итальянский; и Бельгия, где 41% населения говорит на фламандском языке, 37% — на французском и 12% — на обоих языках.

В деле религии государства Западной Европы почти свободны от нехристианского элемента: так, Болгария насчитывала турок и евреев 1,5%; Германия насчитывала евреев и «внеисповедных» 0,8%; Франция — 0,15. В России же насчитывалось почти 16% нехристиан: 4,2% евреев; 11,1% магометан; 0,3% буддистов и ламаитов; и 0,2% иных.

Ясно, что во всех этих отношениях историческое бремя России было наибольшим.

5. Установим, наконец, что в каждом государстве национальная, хозяйственная, правовая и умственная культура должна была и могла проникнуть тем глубже в народную толпу, чем более времени прошло с последнего переселения народов. И обратно: чем короче срок, протекший после вторжения пришельцев, тем труднее и неблагоприятнее положение всей национальной культуры.

Уже к концу восьмого века в Западную Европу вторглась вся основная масса переселявшихся народов (готов, гуннов, бургундов, аллеманов, франков, вандалов, лангобардов, баваров, аваров и славян); это были не кочевники, а оседлые народы, искавшие себе места и оседлости и добивавшиеся у римлян именно прочного поселения. Два, три века продолжалась еще борьба с ними; племена рассаживались, утрясались, принимали христианство, ассимилировались и замирялись (эпоха Карла Великого, конец восьмого и начало девятого века). В девятом и десятом веках Европа боролась еще с норманнскими вторжениями. В конце десятого века Испания пережила нашествие мавров. В одиннадцатом веке норманны завоевали Англию. И, тем не менее, в общем, процесс нового национального формирования, необходимого для культурного строительства, ведет в Европе свое начало от девятого века. При этом великое переселение народов не сломило, а породило и оплодотворило этот процесс: новые нации и новая культура родились из него и благодаря ему. Совсем иначе обстояло в России.

За девятый, десятый, одиннадцатый и двенадцатый века восточное славянство успело расселиться, утрястись, противостоять кочевникам, принять христианство, заложить основы

государственного быта и правопорядка и приступить к созиданию той дивной и самобытной культуры (религиозный быт, школа, дружина, песня, былины, живопись, архитектура, летопись, право), следы которой уцелели донныне и донныне волнуют душу своею духовною — христианской и общечеловеческой значительностью. Вторжение татар началось в XIII веке, с 1237 года: это были не оседлые племена, а кочевники; они грабили, разрушали и жгли; они пришли на готовую завязь культуры и на три четверти смыли ее; они облагали данью и уходили, с тем, чтобы прийти опять и закрепить огнем и кровью свое иго. Татарское иго длилось формально 250 лет. Куликова битва (1380) не покончила с ним; за нею последовал еще век погромов: 1381 (Тохтамыш), 1395 (Тамерлан), 1408 (Едигей), 1439 (Махмет), 1445 (Махмет), 1451 (Мазовша) и т.д. Иоанн III сверг иго, но не избавил Русь от татар. Последний раз Москва была сожжена при Иоанне Грозном в 1571 году крымским ханом Девлет-Гиреем и обложена Казы-Гиреем в 1591 году.

Здоровый рост и развитие России были прерваны и искажены татарским игом и задержаны им не менее, чем на 300 лет. Героический отпор, которым мы встретили татар, не избавил от ига Россию, но спас от вторжения Западную Европу: ее спокойный рост был огражден и обеспечен несчастьем и страданиями русского народа. С тех пор вся история России состояла в том, что она отстаивала свою самобытность от вторжения обогнавших нас западных народов и догоняла их в деле цивилизации и культуры. Все великие русские люди понимали, что если мы не «догоним» Запада, то мы будем им завоеваны и порабощены. И события последних лет были столь тягостны для России именно потому, что в данные нам исторические сроки догнать западную цивилизацию нам еще не удалось.

Правда, России удалось достигнуть очень многого в эти урезанные сроки. Так, крепостное право, отмененное в Германии всего лишь в 1809–1832 гг. на условиях весьма невыгодных для крестьян, было отменено в России через 50 лет (1861) на условиях несравненно более благоприятных. Так, Италия создала свой первый университет в XI веке, то есть через два или три века после переселения народов; а Германия — в XIV веке, т.е. почти через шесть веков после побед Карла Великого. Россия же основывает свой первый университет всего через 275 лет после того, как Иоанн III растоптал регалии татарского хана. Так, первая железная дорога в России (между С.-Петербургом и Царским Селом) была построена в 1838 г., всего через 13 лет после открытия первой железной дороги в Англии; а к 1914 году общее протяжение железнодорожной сети в Германии и в России было приблизительно одинаково. Однако размеры России требовали, чтобы это протяжение было не «одинаково», а в 12 раз больше, чем в Германии.

Все эти достижения России, при всем их размере, при всей даровитости русского народа и при всех его напряжениях — обнаруживали всегда его сравнительную отсталость, в которой никто не «виноват» но которая определяется всецело данным нам историческим бременем. Для того чтобы справиться с этим бременем, России нужно время, воздержание от войн и внутренний расцвет на основах религии, просвещения, правопорядка и свободной собственности.

(И. Ильин. Историческое бремя России // Русский Колокол. 1927. № 2. С. 70–76).

* * *

Верим и знаем: придет час и Россия восстанет из распада и унижения и начнет эпоху нового расцвета лишь после того, как русские люди поймут, что опасения надо искать в качестве!..

Всмотритесь в пути судьбы России; вдумайтесь в ее крушение и унижение... И вы увидите, что все основные затруднения ее — были от объема и количества. На протяжении веков вся беда наша, вся опасность наша состояла в том, что судьба навязывала нам неисчерпаемое обилие — обилие пространств, племен и людей, — и не давала нам времени для того, чтобы проработать это обилие, овладеть им, извлечь из него скрытые силы и довести их до качественного расцвета... Не мы брали обилие; оно само навязывалось нам, напирая на нас угрозами и опасностями, огнем и мечом, игом и голодом. На протяжении своей истории Россия как бы задыхается в этой борьбе с объемом и количеством, начиная от южных степей и кончая северными лесами; начиная от монгольских нашествий и кончая небывалым фронтом последней войны; начиная от ста шестидесяти племен и наречий, и кончая аграрным перенаселением наших дней. Россия могла существовать только втягивая, включая в себя это обилие, разбрасывая по нему свои силы и перенапрягаясь в этом разбрасывании; избывая одну беду для того, чтобы встречать другую, стучащуюся в ворота; и вечно опаздывая, отставая от соседей...

Вот почему мы всегда были не готовы и шли «на авось»: и «авосевы города стояли негорожены...» Вот почему мы никогда не могли предусмотреть всех опасностей и привыкли утешаться успокоительным и беспечным «авось». Вот почему нам всегда было не до качества: хоть «как-нибудь» — да «быть бы живу...»

Русская душа и доселе еще не поняла и не осмыслила, какой соблазн, какую отраву она впитала в себя вместе с этой идеей бескачественного обилия и объема. Мы и теперь еще не

научились тому, что «много» и «здорово» — не значит хорошо; что «вольная волюшка» и «безудерж» — не то же, что свобода; что человек с «широкой» и «сильной» натурой может быть зол и вреден; что не все можно прощать человеку за «размах» и за «удаль»... Кого и когда удалось нам «закидать шапками»? и почему мы всегда крестимся лишь после того, как грянет гром? Где-то в глубине души у русского человека живет смутная, но твердая уверенность, что качество ему «не нужно»; что это — «заморская выдумка»; что при «нашем» обилии и при «нашей» даровитости мы без ученья и без старанья, без умения и без навыка «по-своему» «справимся» к даже «еще лучше выйдет». Вот почему и аграрный вопрос мы все думали разрешить количественно, чтобы у одного стало «больше», а у другого «меньше»... Вот почему и теперь иные, ослепленные «объемом» и соблазненные «размахом» планетарных коммунистов, готовы закрыть себе глаза на сатанинское качество их работы...

Да, в нашей прошлой истории нем не хватало ни времени, ни сил на качество: на спокойную и сосредоточенную культуру; на возвращение и творческое оформление нашей природной даровитости; на воспитание и укрепление национального характера; на создание интенсивного, технически совершенного земледелия и промысла; на усовершенствование политической и бытовой организации жизни. И потому почти все, что мы создавали, мы создавали не культурой, а нашей первобытной, естественной даровитостью, и там, где западный европеец нередко извлекал много из малого дара, в России и большая одаренность обычно шла прахом...

Культивировать наше качество, наши душевные и естественные дары мы начали, строго говоря, лишь в девятнадцатом веке. Сто лет... Мы только успели начать; мы едва приступили к осмыслению и собиранию наших, как бы второпях создававшихся сокровищ; мы только успели опомниться и заговорить. И еще, не научившись ценить качество, еще не осмыслив ни своего призвания, ни своих духовных сил, мы создали великое — и в слове, и в музыке, и в живописи, и в знании; мы начали создавать превосходное и в технике, и в промышленности, и в быту; и тут же, не умея ценить эти достижения, поспешили нигилистически отречься от них в толстовстве и в революции.

Это не случайно, что именно нигилизм, отвергнувший качество, провозгласивший снижение, упрощение и возврат к первобытности, что именно он вскормил и подготовил чисто количественный пафос революции. Ибо сущность революции состоит как раз в отрицании духовного качества и в количественном перераспределении благ (черный передел, квартирный передел, «изъятие», «пайки», «конфискация»)... Революция есть живой и свирепый враг качества, враг «высших способностей», враг всякого превосходства и преимущества; она хочет равенства и для этого совлекает, снижает, развращает, кощунствует

и разрушает. Революция есть духовное заболевание: в этой болезни люди слепнут для духа и качества и начинают поклоняться материи, грубой силе, объему, числу и размаху. И именно потому они начинают с вызовом попираť всякое истинное качество: творят зло, насаждают ложные учения, создают уродливое и отвратное искусство и вырабатывают в хозяйстве дрянной, никому не нужный продукт. И этим они только изобличают творческую немощь количественного пафоса и священную необходимость качества.

Ясно, что дух революции овладел русскими людьми не случайно: ибо теоретический нигилизм революционеров имел свои корни в душевном укладе простого народа. От пренебрежения к качеству не так уж далеко до презрения к нему и отрицания его; и того, кто склонен все прощать за «размах» и «удаль», того неизбежно должны были покорить «удаль» и «размах» мировых злодеев. То, что было первоначально бедою и что потом вызвало народную утомленность, безнадежность и беспечность, стало плоскою и ядовитою идеею нигилизма; и на эту идею слетелись отовсюду вороны, люди злого пафоса, для того, чтобы возглавить простонародную утомленность и беспечность — мировым преступлением...

Всмотритесь же в пути и судьбы России; вдумайтесь в ее крушение и унижение! И вы увидите, что русскому народу есть только один исход и одно спасение — в возвращении к качеству и к его культуре. Ибо количественные пути исхожены, выстраданы и разоблачены; и количественные иллюзии на наших глазах изживаются до конца.

Что дала революция русскому народу? Избиение и вымирание лучших людей — самых честных, патриотичных и храбрых; невероятное падение жизненного уровня — умственного, нравственного, бытового и трудового; разрушение интенсивного хозяйства и растрату бесчисленных материальных сокровищ. Иными словами: гибель лучшего. И видя это, и разумея это, кто из нас не спрашивал себя за эти годы: да могли ли самые лютые, заклятые враги России хотеть чего-либо иного? и кто эти люди, совершившие в России это качественное опустошение? откуда они? и как мог поддаться их наветам и соблазнам русский народ?.. О, этот трагический путь от утомления к соблазну и от беспечности к преступлению!.. Да будет же он отмечен в русской истории в последний раз!

После революционной ставки на жадность, на зависть, на слепоту, на труса и на подлеца Россию спасет только ставка на качество. Из хаоса, из оскудения, из упрощения, из растраты и разложения есть один только путь: к сосредоточенной концентрации, к интенсивному труду, к волевой дисциплине, к подъему уровня, к отбору и выдвижению лучших сил. Чтобы возродить Россию, мало «сбросить большевиков»; это элементарно и бесспорно; но это близоруко и безыдейно. Надо творчески развязать качественные силы России!

Ныне наша родина нуждается прежде всего в честной верности. Что могут построить бесчестные и продажные руки? Революция уже дала ответ на это...

России нужны опыт и умение — во всех областях: от генерального штаба до кооперации, от торговли до полиции. Или недостаточна еще была вся наша расплата за беспомощность революционных самознаек?..

Россия будет голодать по знающим и работоспособным людям на всех поприщах: от бухгалтерии до медицины, от агрономии до профессуры. Революция сама перевернула страницу невежества и трудового обмана...

России необходимы воля и талант. Их нельзя ничем заменить, ибо талант — творит новое, а воля — строит и держит народную жизнь. Революция навсегда скомпрометировала партийность и партийный отбор; и новый отбор должен быть деловым, предметным, а не партийным!

Дорогу честности!

Дорогу знанию и таланту!

Дорогу русскому гению!

Качество необходимо России: верные, волевые, знающие и даровитые люди; крепкая и гибкая организация; напряженный и добросовестный труд; выработанный первосортный продукт; высокий уровень жизни.

Новая, качественная эпоха нужна нашей речине, эпоха, которая довершила бы все, упущенное за время перегруженности и беспечности; которая исцелила бы, заростила бы все язвы революционного времени. Эта эпоха близится и настанет; в том порукою — природная даровитость и духовная гениальность русского народа.

И ныне: верить в русское национальное возрождение — значит верить в грядущую победу качества; в победу верности над предательством, знания над невежеством, труда над хищением, воли над страстью; верить в победу божественных сил человека над сатанинскими...

И готовить восстановление России — значит прежде всего готовить себя самого к качественному служению родине: готовить свой характер, свое разумение, свое чувство, свою волевою идею.

Имя этой волевой идеи — русское качество.

Верим и знаем: придет час, и Россия восстанет из распада и унижения и начнет эпоху нового величия, и эпоха эта будет стоять под знаком нашей волевой идеи!

(И. Ильин. Спасение в качестве // Русский Колокол. 1928. № 4. С. 3–7).

* * *

Но власть верховная не терпит слабых
рук...

Пушкин

Первое, что должна понять и продумать новая русская интеллигенция, это — волевою природу государства и государственной власти.

Государственная власть, по самой существенной идее своей, должна принадлежать сильнейшим и благороднейшим. Ибо приемлющий ее приемлет и осуществляет ее именно волею и именно благородной волею; он становится во главе и на страже: во главе народа и на страже его святыни; и потому он должен подготовить свою волю не только к водительству и понуждению, но и к почетной смерти стража и вождя.

Живя в государстве и строя государство, люди объединяются не просто территорией или общим подчинением; они объединяются в совместном волевом напряжении и волевом действии; они объединяются для того, чтобы выделять⁸⁶ и признавать тех благороднейших вождей и тех сильных и верных стражей, которые призваны творить за них, для них и через них дело всенародного единства и расцвета, — которые призваны поддерживать и оборонять это единство и блюсти национальные святыни хотя бы ценою своей смерти. Вот почему государственная власть по самому существу своему являет эту драму: борьбы и смерти лучших людей за бытие и за святыню их народа, и эта драма, которая яснее всего выражается в обличии воина или солдата, делает каждого гражданина, причастного власти, воином, стоящим на своем посту, и стражем, готовым к смерти.

Нам надо понять и продумать это раз навсегда: кто берет власть, тот берет не только полномочие и не столько полномочие, сколько обязанность властвовать. Он принимает тем самым не только высший ранг и почет, но и высшую ответственность и опасность. И тот, кто ищет ранга и желает почета, но не хочет ответственности и боится опасности, — тот является честолюбцем, неспособным к власти; и его правление только и может привести к общей гибели.

Возле власти — возле смерти. И сколько лучших людей в истории — царей, вождей, полководцев и героев — засвидетельствовали эту истину своим концом!..

Я сказал, что государственная власть должна принадлежать сильнейшему и благороднейшему.

⁸⁶ Все равно — идет ли окончательное решение «сверху» или «снизу».

Сильнейшему... Я говорю, конечно, не о мускулах, не об оружии и не о сплоченной массе людей. Я говорю о воле. Ибо власть есть дело воли. Призвание власти не только в том, чтобы видеть и понимать; для этого есть люди опыта, люди ума, люди науки, мужи света. Призвание власти в том, чтобы выбирать, решать, предписывать, настаивать и понуждать. В этом ее дело, ее природа, ее назначение.

Безвольный или слабовольный властитель — есть внутреннее противоречие, жизненная нелепость, духовное погубление всего дела: он подобен безрукому, который захотел стать пианистом; слепому, который решил бы писать красками. Здесь необходима именно воля, и притом сильная воля: не порывистость, не раздражительность, не историчность; не суетливое тщеславие, не крикливость, не вспышкопускательство; но и не упрямство, не ожесточение и не жестоковыйная свирепость. Здесь необходима способность решать, т.е. сосредоточиваться на одном, на лучшем исходе; обрывать все другие «возможности», как отвергнутые; и превращать выбранную возможность в необходимость — и для других, и для себя. Здесь нужна устойчивость, достаточная и для себя, и для других; нужен импонирующий напор; неколеблющийся авторитет; готовность настоять на своем и сломить препятствия; способность пересилить — и чужую волю, и чужое безволие. Словом, нужна воля, способная к глубокому, сильному и долгому дыханию: к глубокому замыслу, к сильному заряду, к долгому настаиванию...

Нет этого — и не будет власти: будет безвластие, разложение, хлябь. Вот почему безвольный, идущий к власти, творит самообман и обман. Ведущий же безвольного к власти — или глупо губит дело, или лукаво лепит себе марионетку. В обычное время — лучше ошибка сильной власти, чем верное, но бесплодное мечтание слабого правителя. В час беды — лучше явное и полное отсутствие власти (спохватятся! создадут!), чем симуляция власти со стороны безвольного человека или группы безвольных людей.

Понятно, что безвольный царь может стать опасным для своей страны; но именно поэтому организованное безволие власти, как это бывает в республиканских и парламентарных государствах, таит в себе не только опасность, но прямую безвыходность и обреченность. И политический опыт русской истории давно выразил это в простонародном обобщении: «Лучше грозный царь, чем семибоярщина»...

Отсюда и смысл фашизма, как мирового явления: люди ищут волевого и государственного выхода из организованного тупика безволия. Но из тупика выход вперед — добывается только проломом...

Я сказал, что государственная власть должна принадлежать благороднейшему... Я говорю не о «крови», не о «породе», не о «знатности»; том более не о богатстве. Я знаю цену

породы, наследственности, преемства и традиции; и когда все это стоит на высоте и сочетается с личными качествами души — то достижение бывает наивысшим. Но думаю, что для родины незнатный герой драгоценнее знатного негероя; и непородистый талант выше породистой бездарности; и ум без предков способен править лучше, чем тупица с предками. Что пользы стране от именитого глупца или злодея? Какого спасения, какого подвига можно ждать от человека, «благородного» только по имени? Только слепой может отрицать духовное значение кровной породы и наследственной культуры; но только лукавый может утверждать, что порода сама по себе есть необходимый «ценз» или достаточный «стаж» для государственного строительства и участия во власти.

К государственной власти должны восходить лучшие люди. И тот, кто требует доказательств для этого тезиса, тот одним этим требованием своим обнаруживает упадочность и извращенность современного правосознания. Пусть он сам примет на себя бремя доказательства и пусть доказывает, что государственная власть должна принадлежать ворам, предателям, обманщикам, взяточникам, насильникам, безыдейным и беспринципным карьеристам... и когда он кончит и «докажет», мы будем знать, что мы выслушали представителя большевистской стихии.

Власть слабого губит авторитет власти, растит в стране смуту и разложение. Власть порочного сеет в стране порок, и форму и содержание народной жизни. Всегда и всюду так бывало: достаточно порочной власти утвердить «ставку за подлеца» — и подлость становится государственным цензом и стажем; люди начинают отбираться кверху по степени своей явной низости или скрытой беспринципности; выше всех становятся отъявленные злодеи и матерые плуты, а вокруг них располагаются лагерем преуспевшие мошенники и приспособившиеся лукавцы; слагается политическая атмосфера, в которой все оказываются вынужденными судить и поступать применительно к подлости и в которой люди, лишенные экзистенциального минимума изворотливости и кривизны, — обречены на прямую гибель...

Здоровая государственная власть означает волевою ставку на благородство: на патриотизм, на совесть, на честь, на верность, на служение. Только тот государственный строй на высоте, который действительно организует отбор таких людей, лучших людей — к власти; и всякий другой строй (какое бы историческое название он ни носил — «самодержавие» или «демократическая республика») — обречен на разложение и крушение. Это — духовно и исторически неоспоримая аксиома. И если греческий термин «аристос» (=лучший) понимать в его настоящем и строгом смысле, то естественно поставить вопрос: после опыта русской революции — кто может, кто смеет отрицать аристократическую природу государственности?!..

Во главе народа и на страже его святыни должны стоять сильнейшие и благороднейшие люди. Это нам надо принять именно как аксиому. И не надо позволять лукавым софистам разлагать эту аксиому ссылкой на то, что все на свете «относительно» и что для «воли» и «благородства» нет твердого и объективного мерил. Это мерило есть; его надо только продумать до конца и усвоить, как ненарушимое правило поведения: каким бы путем люди ни выделялись к власти (именно к власти, а не к совету) — сверху (назначением) или снизу (выборами) — ни безвольные добряки, ни волевые подлецы не должны ни выдвигаться, ни поддерживаться. Ни в силу того, что это люди «моей партии» или «нашей тайной организации»; ни потому, что «иначе они мне навредят»; ни от того, что «все равно я больше никого не знаю»; ни по каким бы то ни было другим соображениям... Кто идет по этому пути, тот кривит душою, нарушает свою государственную присягу и предает свою родину. Ибо это есть прямое предательство — ставить лукавого авантюриста во главе народа или вручать общее спасение безвольному болтуну; и это есть гибельное легкомыслие — выдвигать к власти слабовольного попустителя или ставить заведомого подлеца на страже народной святыни...

И пусть никто не говорит, что это «элементарно» или «общеизвестно»; что это якобы «старая пропись»... Ибо из-за попрания этой аксиомы Россия рухнула на наших глазах...

Стать у власти — значит стать возле смерти. Но только сильнейшие и благороднейшие способны чувствовать это и осуществлять на деле.

Властвующий стоит перед смертью не только в том смысле, что долг нередко требует от него крайних и непосильных для его здоровья трудов и напряжений или участия в общих опасностях. Смерть была близка не только тогда, когда Петр Великий сражался под Полтавой или спасал тонущих на Лахте; или когда Фридрих Великий вел свои войска в атаку; или когда Наполеон в Египте навещал чумные лазареты; или когда Столыпин боролся с революционным развалом и годами работал по 16 часов в сутки. Нет, идея борьбы на смерть сокрыта в самом принципе государственной власти...

Дело в том, что получающий власть (безразлично, в каком объеме) получает в свое распоряжение часть драгоценнейшего всенародного достояния, выношенного и выстраданного веками. Возможность творить и ограждать, организовывать и строить авторитетными велениями — есть общенародное сокровище, плод многих страданий и долгой культуры. Это есть некое «казенное добро»; и верный часовой охраняет его даже ценою своей жизни, соблюдая вверенный ему государственный авторитет — неумаленным, непопорченным и нерастраченным. Напротив, проматывая авторитет вверенной ему власти, властвующий совершает подлинную растрату национального достояния, все равно —

подрывает ли он этот авторитет сам, своею пассивностью и своими злоупотреблениями, или позволяет другим захватывать и расхищать вверенную ему власть. История взыщет с него, как с нерадивого часового...

Властвующий призван к тому, чтобы блюсти вверенную ему часть государственной власти, и не может, не имеет права погасить эту обязанность односторонним отказом. Часовой не может «сам себя сменить» с поста. Правитель не может произвольно «выйти из игры» или предпочесть бездействие. Односторонне отказываться можно только от имущественных полномочий, но не от публичных обязанностей. Сменить меня может лишь тот, кто поставил; уволить меня может лишь тот, кто имеет право назначить мне преемника. Для всех же остальных — в объеме моей обязанности — я авторитет. И борьбу за этот авторитет я обязан вести на жизнь и на смерть. Штатский революционер не может сменить часового у казенного сундука: часовой может быть им застрелен, но не сменен. Солдаты не могут уволить офицера. Городская дума не в силах «отстранить» командующего войсками. Чиновники департамента не в состоянии дать отставку министру. Толпа не может погасить обязанностей Императора!..

Государственная власть имеет значение рока для того, кто ее принимает. Берущий ее — связывает с нею свою судьбу и остается связанным властью до тех пор, пока она не будет правомерно и преемственно сложена с него. Ведущий ведет не только на успех, но и на опасность. Успех дает ему «лавры»... А предвидение опасности... дает ему основание сложить с себя все обязанности? Повелевающий повелевает не только послушным, но и непослушным; и к этому он должен быть готов заранее. Пока ему повинуются добровольно — он «силен»; но как только появляются люди, достаточно дерзкие для неповиновения... так он признает свою «слабость» и слагает власть?..

Нет. В самой природе государственной власти заложена эта обязанность: или понудить и сломить непокорного; или погибнуть на своем посту. И в этом смысле идея воинского долга и воинской чести является глубоким и зрелым прообразом гражданской чести и гражданского долга; она не знает ни одностороннего отречения, ни малодушного уговаривания.

Государственная власть есть подлинная и живая драма, в которой решение вождя и поступок стража определяют собою судьбу всего народа. Это есть драма воли, благородства, жизни и смерти.

И пусть грядущие поколения России глубоко продумают и усвоят эту истину.

(И. Ильин. О власти и смерти // Русский Колокол. 1928. № 4. С. 19–25).

Одна из самых подлинных и духовно значительных побед, осуществившихся в истории человечества, есть победа русской белой армии. Если из этой победы будет извлечено все, что в ней заложено, то Россия скоро возродится в силе и славе и явит небывалое еще величие. И это величие будет живым назиданием и живою опорой возрождения других народов. В этом основной смысл «белого» бытия и «белых» страданий.

Не стратегическая наивность, не историческое невежество, не инерция пристрастности и не реакционное упрямство заставляют нас утверждать это. Противники и враги наши могут быть уверены в том, что фактической осведомленности, исторических познаний и политического реализма у нас вполне достаточно для того, чтобы понимать то элементарное и поверхностное, что они «понимают». Но дело в том, что судьбы народов и государств имеют еще иное, более глубокое измерение, открытое религиозному духу и закрытое для безбожной души. И пребывание в этом измерении открывает особый смысл у всех стратегических, исторических и политических событий.

Русская белая армия победила — и мы утверждаем эту победу, несмотря на оставление ею национальной территории, на ее переход в гражданское обличье, на дрящущиеся в России злодеяния советского строя, это есть победа, по внешности и для поверхностного ума облеченная в видимость стратегического поражения и политической неудачи. Но видимость для того и существует, чтобы ослеплять и вводить в соблазн, и повергать в заблуждение непрозорливые души. И потому первая и основная наша задача состоит в том, чтобы оградить себя от этого ослепления, и соблазна, и заблуждения. Истинный политик не впечатлителен; настоящий историк не может быть поверхностен и близорук; только плохой стратег лишен государственного смысла и цепляется за видимость внешнего успеха.

Итак, в чем же победа белой армии?

Установим, прежде всего, что вся борьба русских (военных и гражданских) патриотов, пытавшихся не допустить Россию до поражения в великой войне и до полного разложения в революции, пытавшихся вооруженной рукой свергнуть власть интернациональных авантюристов, не достигла своей прямой и непосредственной цели: война преждевременно закончилась открытием фронта; революция разлилась во всей стране и дошла по качеству и интенсивности до самого дна. Всей русской культуре, всем русским людям, всей земле было суждено стать лицом к лицу с революционной одержимостью: с хулою безбожника, с нападением разбойника, с бесстыдством помешанного, с покушением убийцы. Всем

пришлось взглянуть или долго смотреть в глаза сатаны, искушающего последними соблазнами и пугающего последними страхами...

И вот избавить Россию от этого искушения, от этого соблазняющего и пугающего напора — белой армии — не удалось; и люди, видящие только эту видимость, давно уже провозгласили ее неудачу.

От этого искушения в России не ушел никто; это испытание настигло всех: от Государя — до солдата, от Святейшего Патриарха до последнего атеиста, от богача до нищего. И каждый должен был в этом небывалом испытании стать перед лицом Божием и заявить о себе: или словом, которое стало равносильно делу; или делом, которое стало равносильным смерти.

Проба эта была огненная и глубинная: ибо начиналось и совершалось — и совершается еще не партийное, и не классовое, и не всенародное только, а мировое, общечеловеческое межевание, духовное деление, религиозный отбор, религиозная дифференциация человечества. Эта дифференциация далеко еще не кончилась, она только еще началась; Европа, уже приобщенная ей, рано или поздно увидит еще ее, буйствующую в ее собственных недрах; двадцатый век только еще начал свое подводящее итоги и очистительное дело.

И победит в этом религиозном испытании, принимающем форму мирового катаклизма, не тот, кто на срок захватит где-нибудь власть, и не тот, кто займет какую-нибудь территорию; ибо власть-то и может обнаружить, и скомпрометировать, и погубить захватчика; занятие территории может как раз оказаться роковым для занявшего; а тот, кто устоит, и вот уже устоял в этой буре, кто выдержал испытание и пребыл верным, кто нашел в себе любовь и силу любви для выбора, кто нашел в себе слово, равносильное делу, и совершил дело, равносильное решимости умереть.

Победил не тот, который временно, физически одолел, может быть, именно этим обрекая себя; не тот, кто оказался силен чужою слабостью, чужим ничтожеством, чужим недугом, низостью черни и темнотою массы; ибо сильный силен собою, своим творчеством, своим творчеством, раскрывающим в нем все новую силу из первоначального заряда жизни; нет, победил тот, кто противостоял: противостоял соблазну, не соблазняясь, противостоял страху, не устрашаясь; кто в страшный миг выбора, миг великого одиночества, когда никто за тебя не решит и никто тебя не заменит, и когда чужой совет не поможет; в миг великого одиночества, когда человек стоит, тоскуя, перед выбором, выбирая между позорною жизнью и почетною смертью; когда человек запрашивает свою собственную последнюю темноту и глубину, и инстинкт молит о жизни, хотя бы позорной, а дух требует верности, хотя бы в

смерти; так победил тот, кто в этот момент одиночества перед лицом Божиим — не принял позора жизни...

Есть на земле победы, которые остаются победами в самые часы своей видимой неудачи. Этих побед никто не умалит и не отнимет; ими строится жизнь народов и человечества; раз одержанные, они становятся историческим достоянием — не потому, что отходят в прошлое, а потому, что не становятся прошлым, но остаются навсегда живою основой настоящего и будущего.

И вот такова победа русской национальной белой армии...

Я не могу и не хочу вдаваться ныне и здесь в вопрос о том, следовало России или не следовало ей втягиваться в великую международную войну 1914 года. Был факт, что война была начата, велась уже три года, унесла огромные жертвы и грозила великими опасностями. И был еще факт, что с отречением всеми покинутого Государя и водворением временного республиканского строя Россия закипела самочинством и беспутством, самовластием при безвластии, агитацией пораженцев и социалистическою проповедью захвата.

Те, кто взялись за власть, те не понимали ее природы, не хотели и не умели ею пользоваться, зараженные духом безвольного непротивленчества и в то же время тайно сочувствующие революционному захвату; зараженные духом сентиментального «отрицания войны вообще» и в то же время тайно сочувствующие пораженческому миру, заключаемому, якобы, массами. А между тем, превращение международной войны в гражданскую было провозглашено коммунистами в марте 1917 года, подготовлялось 7 месяцев и началось в октябре.

При таком положении дела каждый русский человек имел только три пути перед собою: идти с коммунистами или заползти в свою нору и трусливо выжидать; или встать добровольно на защиту Родины. Первые два пути — каждый по-своему позорный и по-своему предательский; и третий путь — единственный путь патриотизма и чести.

Не первый раз в истории всколыхнулась и разлилась смута на Руси; не первый раз наметились и сложились три пути. Опять появились на Руси «воры», которые «душою кривя» и «сатанинским наущением ведомые» начали «Русь нести розно»; опять запрятались по щелям (но теперь уже и русским, и заграничным) осторожные и тепло-прохладные «хороняки»; и опять восстали на защиту родины «прямые», те, что хотели «дело Царево нести честно и грозно»; те, что, по слову летописца, «дали Богу души свои» и «не пощадили себя ни в чем»; и вожди у них были: «стоявшие в твердости разума своего, крепко и непоколебимо безо всякия шатости», «смелые дерзновением», и «зоровавельски болевшие душою» о гибнущей родине.

Спросите себя: думали ли вы когда-нибудь, что было бы, если бы на Руси оказались одни воры и хороняки? Если бы совсем не оказалось «прямых», готовых «служить и прямить» родине так, как в старину служили или прямили царям? Если «бы совсем не нашлось людей, способных сложить свои головы за целостность родины, за национальную свободу, за честь России и армии, за неподчинение полуворам и ворам? Если бы никто не принял на свои плечи судьбу распадающегося отечества?

Думали ли вы об этом? Что означало бы тогда слово «Россия»? Предательство и трусость... Злодейство и ничтожество... Чем явилось бы наше прошлое? Самовырождением, саморазвращением, самопогребением великого народа... Что сказали бы мы нашим детям? Что мы были рабами, безвольными и бесхарактерными холопами... что мы завещаем им не хранить памяти о нас и забыть наши могилы...

Что ответили бы мы Тому, Кто один бичом погнал кощунствующую толпу из храма?

Но не случилось этого — на Руси встали «прямые»; они «дали Богу души свои» и «не пощадили себя ни в чем»...

Дело Русской Добровольческой Армии, возникшей в 1917–1918 года и связанной с именами Корнилова, Алексеева, Каледина, Дроздовского, Колчака и их сотрудников и преемников, — есть дело русской национальной чести, русского патриотического горения, русского народного характера, русской православной религиозности.

В этом глубоко бескорыстном, до безрассудства трудном и героическом сопротивлении — Россия утверждала свое волевое бытие, Россия свидетельствовала о здоровых корнях своего духа, Россия обороняла свое достоинство и честь, она обнаруживала героические основы своего характера, она доказывала свою гражданственность, она сверкала своим прошлым и закладывала фундамент своего будущего.

Об этих походах, которые будут любовно изучаться русскими историками и стратегами; об этих решениях и подвигах, на которых мы построим новую русскую этику; об этих именах, которые станут легендарными, — мы скажем нашим детям и внукам, чтобы они учились по этим заветам жить и умирать за нашу Россию.

Во всей духовной и исторически-внешней обстановке этой борьбы, в ее мотивах и в ее судьбах — заложен еще более глубокий религиозно-государственный смысл белой армии. Этот смысл и составляет ее идею.

Белое движение отнюдь не надо идеализировать: с одной стороны, всегда и всюду могут оказаться люди слабые, неустойчивые и даже порочные, и наделать неподобающее; особенно после перенапряжений такой войны, которая велась недовооруженной армией; особенно когда вся страна болела смуту; особенно при подъятии такого исключительного

по размерам и напряжению подвига. С другой стороны, самые лучшие люди могут совершать ошибки, недосмотры, да еще при таких потрясениях, сдвигах, и во всеобщем замешательстве и переосложнении. Однако только «воры» и «полуворы» заинтересованы в том, чтобы вводить отдельные эксцессы или ошибки в самую идею белой армии, сознательно извращая ее.

Идея белой армии, которой армия всегда была и будет верна, есть идея духовно чистая и государственно великая. И ее необходимо вскрыть и утвердить.

Эта идея не имела философической формы и не являлась тогда осознанной всеми идеологией: армия жила, борясь и страдая, непосредственно погружаясь в темные воды новых опасностей и событий; она принимала эти события как великое, трагическое наследие больной России, состоявшее почти сплошь из долгов, принимала и смертью изживала его; она носила свою идею в чувстве, в любви, в молитве и в деянии, творя и не теоретизируя. Однако ныне давно уже пришла пора осознать эту идею и утвердить ее.

Это есть идея автономного патриотического правосознания, основанного на достоинстве и служении; правосознания, имеющего возродить русскую государственность и по-новому осмыслить и утвердить ее драгоценную монархическую форму.

Тот, кто хочет верно и мудро постигнуть сущность переживаемой революции, тот прежде всего не должен искать виноватых и мечтать о возмездии. Это наивно и поверхностно; это ослепляет; это распыляет великую беду на мелочи. А воры и полуворы и без этих поисков не уйдут от своей судьбы.

Организм болеет потому, что он слаб и не может сопротивляться, а не потому, что есть единичные виновники. Россия религиозно горящая, Россия патриотически преданная, Россия с верным монархическим правосознанием, сильною волею и твердым характером, не имела бы оснований опасаться «коммунистов», «революционеров», «евреев», «латышей», «китайцев», «поляков» и других недоброжелателей. Беда не в их силе — а в нашей слабости; не в их предательстве — а в нашей неверности; не в их агитации — а в нашей удобоискушаемости и нестойкости. Это мы — плохо верили, мало любили, глупо думали, двоились в желаниях, тянулись к бесу.

И вследствие этого русский человек как участник великого государственного дела, как гражданин не стоял на своих ногах; не умел отличить добро от зла; не имел ни в мысли, ни в чувстве — ни нерушимой преданности, ни крепких убеждений; не имел воли, характера, инициативы, выдержки. Русский гражданский атом был подобен слабому, но испорченному ребенку, который по-детски ищет удовлетворения желаний, по-детски верит потатчику и по-

детски хитрит с воспитателем, по-детски своевольничает и по-детски лишен чувства ответственности и чувства собственного достоинства.

И все это как будто появляется, если дисциплинирующая волна властно идет сверху; и все это оказывается призрачным и исчезает, как только волна сверху ослабевает или прекращается.

Правосознание русского человека в неинтеллигентной и в неинтеллигентной массе — не самостоятельно, не самобытно, не автономно; и поэтому слабо, неустойчиво, ненадежно. Но нельзя «стоять человека» или «ходить человека». Стоять или ходить можно только самому. Кто сам, один, предоставленный себе, не стоит и не ходит, тот и при чужой помощи имеет только вид стоящего, только вид идущего. На слепом, запуганном, покорном, несамостоятельном правосознании, на гетерономном правосознании — государство наших дней существовать не может и не будет. Кто этого не понимает, тот ничего, кроме вреда, не принесет своей стране и своему государству.

И вот все великое революционное крушение нашей родины есть крушение исторически сложившегося в России гетерономного правосознания.

Государственным и национальным центром дореволюционной России был Императорский Престол. Но этот центр правил народом, поддериживая и закрепляя в нем гетерономное правосознание. Гетерономно правящий центр всегда впадает в иллюзию и ошибку, будто его изволение, налагаемое на народ, и есть изволение самого народа; на самом же деле не всякое такое изволение, и не всегда лишь отчасти, становится гетерономно принятым поведением, не изволением народа; так, что гетерономное правосознание народа влечется за его собственным гетерономным поведением. И только при наличии религиозного, патриотического и государственно-сверхклассового единения Царя и народа гетерономный приказ вызывает в душах взрыв автономного сочувствия, признания, любви и благодарности, и тогда обнаруживается и осуществляется подлинная и священная природа монархического начала.

Трагедия России состояла в том, что этого единения, в которой гетерономная форма государственности покрывается автономным приятием, не было; хотя наверху считалось, что оно есть. Назревал и слагался раскол и разъединение между монархической формой государства и монархически негорящим правосознанием в стране. И когда отречение систематически и искусно изолированного Государя погасило и самую монархическую форму, то народ не рванулся к ее восстановлению и не проявил автономного правосознания в новой форме; а подождав новой гетерономии и встретив сверху волну принципиального безвластия и другую волну принципиального призыва к самоуправству, поколебался и

рухнул в автономную вседозволенность. Но это-то и означало осуществление революционного распада государства: всякий стал творить свой произвол и посягать.

Внезапно поставленный на свои собственные ноги русский гражданин, по-детски покорявшийся и хитривший, начал по-детски верить потатчику, своевольничать, хватать, расправляться так, как если бы ему никогда не было присуще ни чувство собственного достоинства, ни чувство ответственности.

Это означает, что революционно свалившаяся на голову русского человека «свобода», т.е., точно выражаясь, автономность правосознания — оказалась ему не по силам...

Теперь уже выясняются перед нами события последних лет. Большинство русских людей умело блюсти предметность своего правосознания только в гетерономности. С отпадением гетерономности в 1917 году большинство русских людей восприняло автономию как вседозволенность. Внутреннего самостояния, самоверховодства — Царя в душе и в духе — не оказалось; и автономия наполнилась противоположным, противопатриотическим произволом и разложением — предательством и расхищением страны.

В этом сущность революции и красноты как исторического пути.

Но, к чести и к счастью России, нашлись кадры людей, которые в труднейшую эпоху переутомления и запутанности сумели наполнить свою автономию предметным патриотическим содержанием и направлением; которые восприняли безвластие вверху как величайшую опасность для страны; как величайшее бремя падающей на них ответственности; как призыв к патриотической самодеятельности; как жизненный долг и смертный призыв; которые «дали Богу души свои» и «не пощадили себя ни в чем».

И в этом сущность белой контрреволюции как исторического пути.

Первый путь есть долгий, обходной, трагический путь: в душах восторжествовал «раб»; раб определил себя как «хама» и узаконил себя как «товарища». Тем, кто пошли этим путем, суждено было изжить в себе «хама» и «товарища», провалиться из товарища в обнищавшего и измученного обывателя и только потом выстрадать в себе проблеск личности и попытаться раздуть эту искру в огонек автономного гражданина. Повторяю: это путь долгий и трагический, не закончившийся еще и поныне.

Второй путь был прямой и героический: в белых душах восторжествовал патриот и гражданин. Белые не были рабами и не стали ни товарищами, ни обывателями; они восстали в личность, в автономного гражданина и автономного воина.

Знаем, что не все это выдержали и не всем оказалось это по силам. Но именно внешние, стратегические и политические неудачи имели значение великого фильтрующего и очищающего отбора. Каждое крушение отсевало и отцеживало неустойчивых и слабых: одни

отпадали утомленные или неверующие, другие соблазнялись «на воровскую прелесть» или впадали в «шатость» и измену, и все это не только губило идеи и дела, но наоборот, выкристаллизовывало, выдифференцировывало идейно верный и чистый персональный состав.

И вот на наших глазах весь путь белой армии приобретал единый и великий государственный смысл. Смысл, обращенный не к отвержению настоящего, хотя и проникнутый этим отвержением; смысл не стратегический и не политический, хотя и оформленный и стратегически, и политически. Смысл, обращенный к будущему, к основам возрождающейся в будущем новой, великой и неодолимой России.

Весь путь белой армии был выстрадыванием и закреплением нового духовного уклада, нового способа гражданственного бытия, нового строения души у воина и у гражданина. Все опасности, все неудачи, все успехи, все испытания делали одно дело: они выделяли, воспитывали, закаляли и спаивали кровью и любовью, бедою и подвигом гражданственные кадры для новой России.

Самое бытие белого воина, все претерпевшего и утвердившегося, уже содержит в себе духовно-государственную идею новой России: это идея автономного патриотизма; идея добровольной субординации; идея насмерть отстаиваемой чести; идея о том, что родина выше имущества, семьи и жизни; идея государственной ответственности личного атома за общее дело; идея о том, что государство строится не только приказом и законом, но любовью и долгом, сросшимися в живой подвиг; идея о том, что истинный гражданин живет не страхом и не алчностью, а силою убежденности и общим, единым для всех интересом; идея о том, что гражданин призван активно и вооруженно бороться с предателем и врагом своей родины; идея о том, что публичная дееспособность гражданина измеряется его способностью к самоотречению и верности...

Мы, русские, можем сказать открыто: за последние пять лет наша Россия явила не только последнюю низину разложения, но и могучий идейно водительный подъем.

Не праздным словом, а долгим, верным и смертным деланием Россия в лице своей белой армии выдвинула в осуществленном виде, не в воображении, а в бытии, облик верного государственного правосознания и характера в русских национальных чертах, в русских людях, но в мировой значительности и показательности. Эта идея стала сначала актом, реальностью, действием и бытием; она возникла сначала в опыте и деянии; и в этом ее сила, ее подлинность; ее доказательность — в ее показательности, в ее действенной наличности. Из величайшего, невиданного в истории крушения, из неизреченной муки и скорби, из огненной любви — Россия выстрадала, выделила, откристаллизовала, из самых недр своих

подняла эту идею, воплощенную в лицах и характерах, эту идею, как обновленный маяк человечеству.

Не впервые в своей истории Русь выдвигает делом и словом эту идею: идею самопочинного служения родине как сосуду духа Божия, служения вдохновенного, непосягающего; служения общему делу во имя Божие. Эта идея искони и всегда жила на Руси, но не ценилась в должную меру, не разумелась достаточно национальной властью, не воспитывалась в народе в качестве живой основы государственности.

Такова была прежде всего гражданственная идея православной церкви, осуществлявшаяся монастырями, подвижниками и высшим духовенством.

Вспомним: никем не заставляемые, без приказа и понуждения, по вдохновению боголюбивого ума и сердца — какие вклады внесли в пути и в судьбу русской государственности Киевская Лавра, Троице-Сергиева Лавра, Соловецкий монастырь, Оптина Пустынь и другие бесчисленные обители! Вспомним, что пишет Ключевский о государственном значении деятельности св. Сергия Радонежского и Стефана Пермского... Вспомним эту мудрую, не посягающую на власть, авторитетную свободу допетровской церкви! Вспомним подвиги святителей Петра, Алексея, Ионы, Филиппа, Гермогена и Филарета.

Вспомним, далее, дела Иулиании Милостивой; вспомним Минина и Пожарского; вспомним государственное значение южных и восточных казачьих походов и поселений; вспомним Ордыца-Нашокина и его «красный крест»; вспомним историю Земских Соборов, думавших вместе с Царями великую русскую государственную думу; вспомним добровольцев славянской войны; вспомним помещиков, отпускавших на волю крепостных; вспомним мировых посредников; вспомним лучшую, нереволюционную, государственную традицию русского города, посада и земства; вспомним историю московских клиник, — и скажем: всегда была на Руси, в Православии зародившаяся (хотя за XIX век свое родство забывшая), благородная, рыцарственно мотивированная традиция — выступать в жизни патриотическим добровольцем общественного дела и публичного тягла; еще в то время, когда служилые люди называли себя «холопами» Государя, а весь остальной народ — Государевыми «сиротами»; наряду с «холопами» и «сиротами» — третий слой, «богомольцы» творили и растили в душах автономное, патриотическое правосознание.

И вот в наши дни белая армия с ее центральным ядром добровольчества, — то превращавшегося в организационный принцип (при Корнилове, при эвакуации, в Галлиполи), то сохранявшегося в духе и настроении, — белая армия движется в этой древней и здоровой русской традиции.

Это сорганизованные и дисциплинированные кадры патриотических добровольцев русского государственного тягла. Это, утвердившиеся в духе древних русских богомольцев, слуги и строители родины, будущие слуги Царя, но уже не «холопы» и не «сироты», а «не пощадившие себя ни в чем» строители России. Это продолжатели старого и основоположники нового автономного и патриотического правосознания на Руси.

В эти последние годы Россия как бы держала великий экзамен на гражданскую зрелость и публичную дееспособность. И одни не выдерживали, а другие выдерживали. Не выдержали те, кто подкопались под престол и водворили безвластие; не выдержали те, кто рвались к власти — и постыдно разбежались от окрика пьяного матроса; не выдержали те, кто хоронились по русским и заграничным целям; не выдержали те, кто примкнули к ворам и помогали им «Русь несть розно». Но выдержали те, кто делом доказали, что чувствуют и понимают различие между частно-правовым и публично-правовым началом жизни; те, которые смотрели на власть как на бремя смертной ответственности и от этого бремени не бежали. Они подлинным делом доказали свою публичную дееспособность.

Эти основы, этот дух — не беспримерны; и в мировой истории они имеют свою традицию так же, как и в русской истории.

Истинною и живою опорой государства и государственной власти всегда были те люди, те слои, те группы, которые воспринимали общественное делание как сверхклассовое служение родине; которые в этом служении видели долг чести и бремя ответственности; которые стремились именно служить земле, а не властвовать над нею.

Это есть рыцарская и дворянская традиция в мировой истории. Не всякий, родившийся дворянином, есть рыцарь по духу; но всякий дворянин, не таящий в себе рыцаря, есть дворянин только по видимости. Но мало этого; верно и обратное. Всякий, не родившийся дворянином, но таящий в себе рыцаря и несущий рыцарственное служение родине, — уже есть подлинный дворянин, хотя бы он формально таковым не считался.

Кто же был на самом деле в духовном дворянстве: полувор ли дворянин Заруцкий, подсылавший убийц к князю Пожарскому? Или те бояре и князья, что «припадали на всякие стороны» и сами «подыскивались на царство»? Или же посадский староста Козьма Минин Сухорук? Да посадский же «бесстаршный человек» Родион Мосеев, все время носивший народу грамоты от заточенного в Кремле Патриарха Гермогена? Да «мужик» Иван Сусанин?.. Сомнений нет. И когда Царь Михаил Федорович пожаловал Минину думное дворянство, то он просто констатировал его достоинство и честь.

Весь кризис, переживаемый ныне Россией и миром, есть кризис по существу своему духовный. В основе его — оскудение религиозности, т.е. целостной, жизненно-смертной

преданности Богу и Божьему делу на земле. Отсюда возникает все остальное: измельчание духовного характера, утрата духовного измерения жизни, омеление и прозаизация человеческого бытия, торжество пошлости в духовной культуре, отмирание рыцарственности и вырождение гражданственности.

В наши дни все колеблется и рушится именно от отсутствия рыцарственности в душах. И именно в наши дни Россия сомкнула организованный кадр рыцарственных душ, реально постигших правду древнего рыцарского девиза «блаженство в верности», и до конца пребывающих, по слову князя Пожарского, «в неподвижной правде и в соединении»...

(И. Ильин. Государственный смысл белой армии // Русская мысль. 1923–1924. Кн. 9–12).

ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

П. Сорокин

Люди, люди — это самое главное. Люди дороже денег. Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, так как они не продаются и не покупаются, а только веками выделяются, ну, а на века надо время.

Достоевский

1

Много сейчас думают, говорят и спорят о способах возрождения России и русского народа. Сотни людей предлагают «патентованные», быстро и магически действующие рецепты. Их много и один лучше другого. Самыми ходячими являются: «Учредительное Собрание», «Республика», «Монархия», «Диктатура», «Демократические формы правления», «Капитализм», «Социализм», «Патриарх и православная вера» и т.д. Каждый из предлагающих верит сам и уверяет других в чудодейственной силе своего рецепта. «Стоит ввести его и... возрождение России автоматически выскочит».

Признаюсь, за эти годы я стал большим скептиком. Не верю больше ни в какие чудодейственные лекарства и рецепты. Не хожу не только к обычным хиромантам и магнетизерам, но и к «хиромантам», «оккультистам» и «гипнотизерам» политическим. Знаю, что чудодейственных лекарств для русской болезни нет. Одними пилюлями этих рецептов не вылечишь. Вижу и другой грех этих «рецептов». Почти все они предлагают «наружные» лекарства. Хотят лечить болезнь «фасонами социального костюма». Такой «грех» — обычен для всех наших политических партий. Все они обращали главное внимание на «фасон костюма» больного, а не на самый организм последнего. Сама личность, состояние ее организма, культивирование и лечение ее недостатков «изнутри» у нас всегда было на втором плане. Говоря иначе, мы заботились всегда о передовом фасаде нашего социального здания (форма правления и т.д.) и мало занимались его внутренним строением, и особенно

— его жильцами. Не думали, что от жильцов зависят чистота и благоустройство жилища. Мало думаем об этом и сейчас. Потому-то и считаю полезным обратить внимание на эту сторону дела. «Болезнь русского народа — не столько внешняя, сколько внутренняя». Она связана с самим существом, с самой природой его членов. Раз мы хотим лечить ее — надо направить наше внимание и силы прежде всего сюда. «Фасоны костюма» русского общества значение имеют, но второстепенное и ограниченное. «Люди, люди — это самое главное». От них зависит, превратят ли они подаренный судьбою им дворец в «свинарник», или простую хижину — в чистое и благоустроенное жилище. Вот почему я полагаю необходимым концентрировать внимание на людях.

Перед ними задача: прочное возрождение России и русского народа, длительное увеличение его материального и духовного благосостояния. Спрашивается: что для этого нужно сделать — таково конкретное задание. Попробуем его решить, избегая всяких чудесных быстродействующих рецептов. Их нет в научной медицине, нет их и в социальной медицине.

Первое положение, которое следует запомнить, гласит: устройство любого общества, совершенство его социальной жизни, духовное и материальное процветание и, наконец, его исторические судьбы зависят прежде всего от природы, свойств и поведения членов этого общества. Из дурного материала хорошего здания не построишь. Из идиотов и мерзавцев здорового общества не создашь.

Второе положение. Природа, свойства и поведение как индивида, так и целого общества представляют следствие двух основных причин: а) наследственности и б) среды, в которой они родились, выросли и живут.

Наши политики и социологи слишком мало внимания обращают на наследственные свойства. Они думали, что «среда» имеет решающую роль, что достаточно ее изменить, и даже не всю, а маленькую часть ее, например, политический режим или хозяйственные основы, чтобы тем самым изменились поведение и природа людей. Между тем, данные биологии, особенно последних лет, и данные социологии заставляют держаться скорее обратного мнения. Они гласят: в своих свойствах, своей одаренности или неодаренности как человек, так и целый народ зависит прежде всего и больше всего от наследственно полученных качеств, а среда имеет лишь второстепенное значение. Она играет роль фактора, облегчающего или тормозящего реализацию этих свойств. Если у человека или целого народа нет положительных, наследственно полученных даров — никакая среда не может сделать их талантливыми или выдающимися по своим свойствам. Они неизбежно будут отставать от более одаренных наследственно лиц и групп, находящихся в таких же условиях.

И обратно, в дурной, тормозящей среде наследственно одаренный Ньютон будет все же на десять голов выше, чем наследственно не одаренные люди. Отсюда понятно, почему «гениями и талантами» рождаются, а не делаются. Исследования Гальтона и его школы нам показали это. Понятно также, почему люди, например, многие члены аристократии, родившиеся и воспитывавшиеся в исключительно благоприятной обстановке, не могут подняться выше уровня посредственности: нет «наследственного пороха». И обратно, почему люди, родившиеся в самой тормозящей среде, например Ломоносов, Карнеги, Линкольн и множество других «самородков», преодолевают «тормоза» и делаются великими. «Наследственность» их вывозит. Наконец, сказанное объясняет и факт различной одаренности различных народов, и их историю. Если, по подсчетам того же Гальтона, один гений в английском населении приходится на 1 миллион людей, у древних греков он приходился на 4 000 с небольшим, а у негров на много миллионов нет совсем гения, то причина этого различия лежит главным образом в различных наследственных свойствах этих народов, а не в среде. С этой точки зрения история любого народа есть следствие, прежде всего, того «наследственного фонда» качеств, которые он имел и которые в нем передаются из поколения в поколение. Если они не блестящи, не ищите блеска от истории данного народа. Если в истории выдающегося народа обнаруживаются резкие изменения, например, наступает декаданс, посмотрите, не произошло ли иссякание этого биологического фонда; не случилась ли замена «хорошей крови» «дурной», носителей положительных расовых свойств — иными, второстепенными. История декаданса Греции, Рима, ряда государств Ислама и т.д. дает подтверждение этому. И обратно, если происходит в истории народа неожиданный расцвет, — посмотрите, не улучшился ли в силу каких-либо причин состав его «биологического» фонда.

Проф. Starch, подводя итоги достижения науки в этой области, дает такие индексы сравнительной роли наследственности и среды в свойствах любого человека или группы: наследственности принадлежит 60–90%, среде 40–10%. Если эти цифры несколько и преувеличены в пользу наследственности, то не очень много. 60% мы можем принять как величину, близкую к истине. От «наследственного фонда» зависят: рост, сложение, сила, здоровье и целый ряд других антропо-соматических свойств народа, от него же зависят и его «духовные» качества: воля, темперамент, навыки, склонности и умственная одаренность.

Вот почему вопрос о будущем русского народа есть прежде всего вопрос о качестве того «биологически наследственного» фонда, которым он владел и владеет. Проблема его возрождения есть прежде всего проблема улучшения и обогащения этого «фонда». Остановимся кратко на этом пункте.

Оглядываясь на историю русского народа и его культуру, я должен признать «биологический фонд» наших предков вполне удовлетворительным. Об этом говорит, прежде всего, самый факт создания России, занимавшей 1/6 земли. Создать такое огромное государство, держать его части замиренными, поддерживать порядок, развивать культуру народ с бедным «биологическим фондом» не мог бы. Об этом же говорит и история русской культуры, которую, без ложной скромности, мы имеем право считать весьма большой общечеловеческой ценностью. Об этом же говорят и имена наших великих поэтов, художников, композиторов, писателей, ученых, мыслителей, среди которых немало звезд «первой величины». Короче, мы не были обделенными «пасынками истории». Больше того, если учесть тот факт, что мы щедрее других народов тратили этот «биологический фонд» и все же до 1914 г. жили, развивались и особенно быстро за конец XIX и начало XX века⁸⁷, то можно было бы быть вполне спокойным за будущее русского народа.

Годы войны и годы революции, однако, положение резко ухудшили. Они нанесли колоссальный урон прежде всего этому «биологическому фонду» русского народа. Не разрушение нашего хозяйства, не количественная убыль населения (21 миллион), не расстройство духовной жизни и даже не общее «одичание и озверение» народа являются главным ущербом, причиненным нам войной и революцией (все это поправимо и возместимо), а указанное истощение нашего «биологического фонда», в форме убийства его лучших носителей.

Дело в следующем. Любая длительная и тяжелая война, в особенности же гражданская, всегда уносит с поля жизни «лучших» — биологически, психически и социально — людей: наиболее здоровых, наиболее трудоспособных, наиболее моральных, волевых, энергичных и наиболее одаренных умственно⁸⁸. Она — орудие отбора шиворот-навыворот. Процент гибели таких «лучших» в эпохи войн и революций всегда гораздо выше, чем процент гибели «рядовых» людей, и тем выше, чем длительнее и опустошительнее война, чем глубже и кровавее революция. Они пожирают, прежде всего, наиболее выдающихся людей, каковых немного среди населения. Если население России с 1914 по 1920 г. уменьшилось на 13,6%, то наиболее здоровые и трудоспособные слои от 16 до 50 лет потеряли 20%, а мужчины — 28%.

⁸⁷ Именно за это время Россия, как государство, превратилась в подлинно великую державу, финансы были приведены в блестящее состояние, промышленность встала на ноги, образование народа прогрессировало, экономическое благосостояние народа также. Падали постепенно правовые и др. ограничения. Росла кооперация и т.д.

⁸⁸ См.: доказательства этих положений в моей статье: Влияние войны на состав, свойства населения и общественную организацию. «Экономист». № 1. 1922.

Если Азиатская Россия и население ее инородцев потеряло 1/30 часть, то население Великороссии — создатель, центр и опора государства — потеряло 1/7 часть. Если общая смертность населения в Петрограде и Москве поднялась в 3 раза по сравнению с нормальным временем, то смертность ученых поднялась в 6–6 1/2 раз. Если у нас лиц с университетским образованием приходилось едва ли не более 200–300 на 1 миллион населения, то погибло их не $200 \times 21 = 4200$, а в пять-шесть раз больше. «Уникумов» же нации, выдающихся ученых, поэтов, мыслителей мы потеряли в громадном масштабе (А.С. Лаппо-Данилевский, Шахматов, Тураев, Ковалевский, Овсяннико-Куликовский, Блок, Л. Андреев, Туган-Барановский, Марков, Хвостов, Иностранцев, Е. Трубецкой и т.д., и т.д.). Словом, данные годы «обескровили» нас самым кардинальным образом в отношении наших «лучших» людей. Это было бы еще полбеда. Но беда в том, что, унеся преимущественно эти лучшие элементы, война и революция унесли в их лице «лучших производителей», носителей «лучших расовых свойств народа», его положительного «биологического фонда», «лучшие семена». Они погибли безвозвратно. Место их, в качестве «производителей», займут «второсортные люди», «худшие семена, которые в общем могут дать и худшую жатву». Это — большая беда. Она была бедой всей нашей истории. Мы были и остаемся милитарным народом, постоянно воюющим и мотовски тратящим наших лучших людей. По данным Müllhall, с 1828 по 1880 г. мы потеряли убитыми 664 000 человек — цифра, превосходящая все военные потери Европы за эти годы. В отдельные периоды, как, например, при Петре и в наши годы, это безумное расходование нашего «биологического фонда» принимало поистине сумасшедший размах. Народ с бедным «биологическим фондом» при такой трате давно уже должен был бы сойти со сцены истории. И, однако, до сих пор мы держались, хотя и отставали от ряда других народов.

Объяснение этому, по-видимому, надо искать в богатстве нашего «биологического фонда». Но всему есть предел. Римляне и греки были еще богаче нас в отношении их «биологического фонда». Но безрассудное расходование «лучших» в течение их истории, особенно в период греко-персидских и пелопонесской войн в Греции, карфагенских войн и гражданских междоусобиц в Риме, окончательно истожили их «лучшую кровь», произошла замена первосортного человеческого материала второсортными людьми и их потомками — и блестящая звезда этих народов стала закатываться. Чем быстрее шла замена, тем быстрее стал темп заката, закончившийся гибелью этих великих народов. Возьмите далее, хотя бы историю целого ряда государств Ислама. Свежий народ, столь блестяще выступивший на сцену истории, в течение двух-трех веков истожил себя непрерывными войнами и тем определил свою гибель.

Эти факты, число которых можно было бы увеличить большим количеством других, вместе с данными биологии дают нам грозное предостережение. Если последние годы не истощили окончательно положительный «биологический фонд» русского народа, то основное средство нашего возрождения должно состоять во всемерном сохранении и увеличении его путем содействия выживанию и размножению «лучших» за счет «второсортного» человеческого материала. Это *conditio sine qua non*⁸⁹ возрождения. Как решить эту задачу? Разными путями. Пути обычной евгеники, способные дать кой-какие результаты у других народов, у нас при низкой культурности в ближайшее время едва ли будут иметь серьезное значение. Евгенические же меры, основываемые на голом полицейском принуждении, например, запрещении браков чахоточных, сифилитиков, душевнобольных, запрещении иметь им детей, принудительная кастрация биологически и психически дефективных лиц с этой же целью и т.д. — все это, помимо принципиальной неприемлемости таких мер, практически никогда не давало значительных положительных результатов, в русских же условиях оно ничего, кроме вопиющего безобразия, дать не может.

Что же остается делать? Прекратить дальнейшую массовую трату положительного нашего «биологического фонда», прекратить массовый военный отбор шиворот-навыворот, непрерывно шедший в нашей истории. Мир, длительный мир, — внешний и внутренний — вот одно из самых серьезных и сильно действующих средств улучшения нашего населения и увеличения положительного «биологического фонда».

Длительный мир означает прекращение селекции шиворот-навыворот, сохранение «лучших» и их размножение, вытеснение ими с «передовых» постов общества «второсортных» людей, а их потомством — потомства последних, словом, мир ведет к сохранению и обогащению нашего «биологического фонда» — этой альфы и омеги прогресса и расцвета любого народа. Здесь мы должны учесть рядом с приведенными выше и прямые «опыты истории». Мы удивляемся быстрому развитию, внезапному пробуждению Японии. Приняв во внимание сказанное, мы перестанем удивляться. Триста лет тому назад она была разоренной, разрушенной междоусобицами страной, более несчастной, чем мы теперь. Такой с виду она оставалась долго, с тем различием, что в ней исчезли войны. 250 лет она не воевала (период «великого мира» в эпоху шогуната Токугавы). 250 лет она «копила» лучшие элементы и усиливала свой «биологический фонд». Срок был большой. Мудрено ли, что и результаты такой «евгеники» оказались небывальными. В 20–30 лет эти «лучшие» из дикарей стали цивилизованными, в полстолетия из неведомой, дикой страны Япония

⁸⁹ «Условие, без которого нет» (*лат.*) — ред.

выросла в великую мирную державу, невероятно быстро развивающуюся во всех отношениях и теперь угрожающую нам на Востоке. Учтите, далее, быстрый рост С. А. Соед. Штатов, на протяжении своей истории знавших лишь две серьезные войны и то не очень кровопролитных. Учтя это, вы поймете одну из причин их расцвета. Наконец, возьмите историю конца XIX и начала XX века в России. Маленькая передышка мира, данная нам историей при Александре-Миротворце, — и та сказалась у нас лихорадочным развитием России в этот период во всех отношениях: в экономическом, духовном и политическом. Если бы и теперь история подарила нам 100–200 лет мирной жизни — за будущее русского народа можно быть спокойным, каков бы ни был наш политический режим. Если же нас ждут новые кровавые войны во имя чего угодно, начиная с «единой и неделимой» и кончая «интернационалом», за это будущее можно очень и очень опасаться. Еще одно-два кровопускания, подобные пережитым, и... историю России можно считать конченной. Никакие «режимы», никакая «вера», никакие «реформы» ее не спасут в этих условиях...

Рядом с этой мерой мыслимы, конечно, вспомогательные меры, преследующие ту же цель улучшения нашего «биологического фонда»: ряд мер, рекомендуемых евгеникой, содействие размножению «лучших», привлечение их даже из других стран, при условии их ассимиляции, «обрусения», умелое и не задевающее достоинства человека торможение размножения дефективных лиц и т.п., но это все будет иметь лишь второстепенное значение. Главное — «мир». Вот почему я голосовал бы за монархию (*hrribile dictu*⁹⁰)» если бы знал, что она даст этот «мир», и против архидемократической республики, если бы что она не ведет к войнам. Но этого я не знаю. Полагаю даже, что последняя вернее поведет к миру. Этим «парадоксом» подчеркиваю лишь ту мысль, что дело не в одних этих «костюмах», а в вещах иных, менее эффектных, но бесконечно более серьезных. Прежде всего — в накоплении и улучшении положительного наследственного биологического фонда русского народа. Будет он — остальное приложится. Не будет его — не спасет ничто.

2

Сохранение и развитие положительного «биологического фонда» есть основное и необходимое условие возрождения любого народа, в частности России. Но, естественно, дело им не исчерпывается. Прирожденный Ньютон, родившийся и выросший в среде готтентотов, будет выдающимся готтентотом, но не будет мировым Ньютоном.

⁹⁰ «Страшно сказать» (лат.) — ред.

Неблагоприятная среда в виде ее невежества и косности ее тирании может «заесть», «затормозить» развертывание прирожденных способностей, их реализацию. И обратно, соприкосновение японцев с европейской культурой позволило им воспользоваться ее достижениями, перенять и быстро превратить свои «потенциальные» силы в кинетические. Без этого благоприятного условия нужны были бы столетия, чтобы достигнуть ей современного состояния. Отсюда следует, что имеет значение и среда, но тогда, когда налицо уже есть «биологический фонд». Третье положение, отсюда вытекающее, гласит: среда должна быть такова, чтобы она максимально благоприятствовала проявлению и развитию способностей и форм поведения каждого члена, полезных для целого, и максимально тормозила бы проявление и рост актов социально вредных.

Когда такой среды нет, множество блестящих способностей может погибнуть «зря». Они останутся «нереализованными». В других случаях они могут быть искаженными и проявятся в нелепой или социально вредной форме. В третьих при отсутствии в среде тормозов, задерживающих социально вредные акты, могут разрастись последние и сильно деградировать всю социальную жизнь.

В данной формулировке теорема слишком обща и неопределенна. Необходимо ее хотя бы частично конкретизировать. Попробуем это сделать...

Максимальное благоприятствование среды развертыванию наследственно полученных способностей означает: во-первых, возможность полного развития индивидуальности каждого человека, во-вторых, социального использования каждой личности именно в той области, к которой она наиболее пригодна по своим наследственным свойствам.

Первая задача сводится к тому, чтобы в среде отсутствовали тормоза, мешающие этому развитию, с другой — даны были стимулы, побуждающие индивида с первых лет его жизни к активному проявлению своей индивидуальности. Наличие тормозов будет душить, гасить, депрессировать силы и способности личности. Она не сможет тогда выявить все свои «десять талантов» и реализует только пять или один. Если это явление будет общим, то в проигрыше останется не только сама личность, но и все общество. Такими тормозами могут быть разные условия. Во-первых, экономические: нужда и голод. Они ведут к депрессированию физических и умственных способностей и сил человека. Во-вторых, общие условия социальной жизни, например, деспотизм общества или власти, преследующий развитие личности; общее невежество и косность среды, не только не снабжающей личность всеми теми средствами, которые необходимы для полного развития индивидуальности (знания, навыки, материальный минимум), но прямо подавляющие всякую личную инициативу, личный почин, личное творчество, связывающие человека по рукам и по ногам.

Такое общество будет поистине обществом, убивающим и ограбляющим не только своих членов, но и себя самого. Примерами его могут служить все настоящие деспотические (не по политическим формам только, но по всей структуре социальной жизни) общества, одним из коих является Р.С.Ф.С.Р. Все, не соответствующее официальным требованиям, здесь давится, душится. Свободы проявления индивидуальности нет, людей — и особенно молодое поколение — пытаются штамповать по одному фасону, формировать по одному типу, отклонения от него не допускаются. В итоге 90% талантов не могут проявить себя. Они гибнут понапрасну, «отцветают не расцветши». Лучший способ ограбления обществом самого себя трудно выдумать.

Вывод отсюда: в каждом обществе, желающем процветать, должны быть удалены все тормоза, препятствующие полному развитию индивидуальности, кроме тех, которые тормозят проявление и развитие преступных и антисоциальных поступков. Молодому поколению, вступающему в жизнь, должен быть предоставлен простор для выявления своих способностей и средства (материальные и духовные), снабжающие его орудиями для творчества и социально полезной деятельности.

Практически это сводится: 1) к минимальной опеке и вмешательству властей в жизнь населения, 2) к минимальной опеке старшими молодого поколения (кроме областей антисоциального поведения), 3) к максимально возможному обеспечению населения и особенно молодого поколения знаниями, полезными навыками и материальными условиями (хлеб, пища, одежда, жилище), делающими для них возможным полное проявление своих способностей. Таковы «негативные» требования к среде.

Не менее важное значение имеют и «положительные» требования к ней. Они сводятся к тому, чтобы всей своей обстановкой она ежечасно и непрерывно стимулировала максимальное проявление воли, энергии, труда, знаний, способностей (кроме антисоциальных) каждой личности, начиная с первых лет ее жизни. Только тогда, когда человек с малых лет привык к самостоятельности, он будет самостоятельным, энергичным и инициативным в зрелости. Только когда большинство членов общества будет таким, в нем будет действительное самоуправление, действительная «свобода», действительная интенсивная — духовная, политическая и экономическая жизнь. Вне таких условий все это невозможно. Дайте обществу, состоящему из людей противоположного характера, лучшую конституцию, самые широкие свободы, простор самодеятельности, и... из всего этого мало что получится. Первый ветер истории, первая кучка проходимцев вырвет из его рук эти свободы, сведет на «нет» конституцию, аннулирует автономию, и оно останется при старом «разбитом корыте».

С этой точки зрения особо важное значение имеет та человеческая среда, которая окружает личность в первые годы ее жизни.

В эти первые годы закладываются основы будущей личности, формируются ее тип и характер. Кем? — Средой, «соседями» и прежде всего семьей. Не семья ли является той первой фабрикой, куда поступает вновь родившийся для переработки? Не она ли первый скульптор, формирующий биологическую особь в будущего соотечественника? Не она ли проводит первые и неизгладимые черты на «чистой доске» наследственных способностей человека? Формирующая и определяющая роль ее гораздо важнее, чем всех других школ и общественных учреждений. В последние человек поступает уже в известной мере готовым, сформированным, в семью — наоборот — мягким, как воск. В лоне последней он впервые дышит, чувствует и учится. Семья «прививает» ему первые формы поведения, навыков, привычек, знаний, убеждения, остающихся иногда на всю жизнь. *Ceteris paribus*⁹¹ какова эта мастерская формирования людей — таковым в значительной мере будет и ее товар: люди, выпускаемые на житейский базар. Плоха будет первая — неважными в общем будут и вторые.

Вот почему вопрос об устройстве семьи для меня гораздо важнее, чем вопрос о формах правления. При плохой организации первой и плохой наследственности невозможны ни совершенное устройство общества, ни здоровая общественная жизнь, ни совершенная политическая система. Если же при хорошей наследственности и семья будет надлежаще организована — будьте покойны, такие люди сумеют создать и хорошо устроенное общество. Учитывая это, я не могу не удивляться множеству русских людей, которые «весь корень зла» или «якорь спасения» видят только в политической системе. Многие из них горячо «борются за свободу», «занимаются высокой политикой» и в то же время имеют из рук вон плохую семью, где их же дети портятся, где сами же они приготавливают прескверных граждан и тем самым наносят гораздо больше вреда, чем приносят пользы своей «борьбой за свободу» и «высокой политикой». Оздоровление «семейного тыла» общества имеет гораздо большее значение, чем ему придают обычно.

Великий социолог Ле-Плэ и его школа поняли это и доказали нам. Исследуя типы семьи у разных народов и типы их социальной организации, они вскрыли связь первых со второй. С точки зрения воспитательного механизма можно выделить три основных типа семьи. 1) Семья патриархальная, воспитывающая молодые поколения для жизни в общине или в коммуне. Здесь весь уклад семейного воспитания таков, что он давит всякую индивидуальность, всякую инициативу личности, дрессирует ее жить, «как все», думать,

⁹¹ «При прочих равных (условиях)» (*лат.*) — ред.

веровать, мыслить и действовать по «обычаю», «как поступали отцы», приучает ее полагаться не на себя, не на свои знания, труд, энергию и волю, а на «общину», на «мир», на «коммуну». Заслуги личности — заслуги общины, преступления ее — вина общины. Жизнь индивида вся регламентирована, опекается на каждом шагу, все индивидуальное — душится. Личный стимул подавляется. Из лона такой семьи выходят личности без воли, без инициативы, без самостоятельности, «серые», как все, привыкшие во всем вести себя по общей норме. Народы, имеющие такой тип семьи, — это отсталые, вялые, лениво апатичные народы Востока, Азии и Вост. Европы. При столкновении с народами, имеющими иной тип семьи, они побеждаются.

Второй тип семьи — это семья ложно индивидуалистическая.

Устройство ее таково, что всем своим укладом она приучает молодые поколения полагаться в жизни не на себя и не на общину, а на государство. Она готовит будущих «чиновников государства», которые должны занять одно из многочисленных мест, имеющих в распоряжении последнего. Сообразно с этим, все воспитание здесь ведется применительно к официальным программам. Задача его — выдержать официальный экзамен, получить диплом и... «тихо и плавно качаться» в качестве чиновника. В людях при такой системе не воспитывается ни инициатива, ни подчинение авторитету. Получаются люди неустойчивые, не подлинно инициативные, а бумажные формалисты, «чиновники». И общество, имеющее такой тип семьи, общество неустойчивое. Оно будет неизбежно обществом «бюрократическим», с централизацией, с обширным объемом вмешательства власти, с разбухшим государственным аппаратом и с поглощением личности государством. Такой тип семьи существует в большинстве европейских государств, кроме англосаксонских и скандинавских стран.

Третий тип семьи — семья индивидуалистическая. Ее уклад таков, что с малых лет она приучает молодые поколения полагаться только на себя, свои знания, волю и энергию. Здесь обучают детей тому, что им действительно понадобится в жизни (а не тому, что требует «община» или «государство»). Развитию индивидуальности, личной инициативе дается простор. С детьми с самых ранних лет обращаются, как со взрослыми. Признают за ними права, но требуют исполнения обязанностей. И дети знают, что в будущей своей жизни они могут рассчитывать только на себя. Из лона такой семьи выходят индивиды сильные, инициативные, энергичные. Народы, имеющие такой тип семьи, — победители других народов. В таком обществе на первом плане личность. Государственный аппарат не поглощает общества. Бюрократизм не царствует. Всем и вся управляет общественное мнение — мнение членов общества, а не чиновничество. Такой тип семьи дан в англосаксонских

странах и скандинавских. Мудрено ли поэтому, что «если превосходство англосаксов не провозглашается открыто, то оно несомненно чувствуется всеми... На всем земном шаре мы видим гордо развевающийся английский флаг. Из Канады и Соединенных Штатов они повелевают Америкой, из Индии диктуют свою волю Азии, из Австралии господствуют над Океанией, наконец вершат дела Европы и всего мира».

Один из основных источников такого превосходства — организация индивидуалистического типа, выпускающая на житейский базар хорошо сформированных людей.

Семья русская по своему типу занимает среднюю линию между семьей патриархальной и ложноиндивидуалистической. Молодые поколения в ней воспитывались или как будущие чиновники государства, или как «общинники», члены «мира», обязанные во всем походить на него и считаться с ним. Индивидуальности и личной инициативе не давалось простора.

С октябрьской революции, если не в семье, то в государстве, это подавление личности приняло безграничный характер. Всех захотели штамповать по одному образцу, индивидуализму была объявлена война, личному почину и интересу — также, самостоятельность поведения, слов, мысли и дел возведена в преступление, люди превращены в манекены, общество — в казарму. Все и вся было взято под «учет», опеку и регулировку централизованной власти. Результаты тут же сказались: полный распад всей хозяйственной жизни, разложение общества, упадок просвещения, нравов и всей духовной жизни — таков был результат коммунистического удушения личности.

Если мы хотим возрождаться и стать здоровым народом, нам необходимо перестроить весь уклад семьи, как воспитателя молодых поколений, на индивидуалистический лад. Задача эта достигается не декретами, и не политическим режимом, а самодеятельностью самих граждан. Для ее достижений нет внешних препятствий. Она лежит в пределах компетенции каждого «отца» и каждой «матери».

В таком же индивидуалистическом направлении должна быть перекроена и вся социальная жизнь. Каждый институт общества должен постоянно стимулировать личный почин, личную инициативу, энергию и волю индивида. Это относится и к школе, к партиям⁹²

⁹² Вредные результаты современных, хорошо организованных партий на Западе, с их программами в 3000 метров, пытающимися дать ответ на все вопросы, были не раз уже указаны (Острогорский, Р. Михельс, Г. Моска, Брукс и др.). Они превратили личность в нуль, сковали и сковывают ее по рукам и ногам. «Во имя партийной дисциплины» требуют не критиковать, не сметь свое суждение иметь, быть манекеном, подчиняющимся центру, голосовать за того, кого партия укажет, думать, как ей угодно, хвалить и порицать, что она установит, и т.д.

И чем лучше партия организована — тем сильнее ее давление, тем резче «вместо воспитания свободы, она приучает к рабству» и тем сильнее жизнь в партии превращается в школу рабского подчинения. В итоге массы дурнеют. Живой дух партии заменяется партийным формализмом. Идеал партии падает. Все это еще больше применимо к русским партиям. У нас этот партийный фетишизм был сильно развит. Ослабление его,

и ко всем обществам, союзам, ассоциациям, органам управления и самоуправления. Здесь не место подробно перечислять все эти институты и анализировать их механизм. Все сказанное о семье с соответственными изменениями применимо ко всем им. Тот же принцип должен лежать в основе всей социальной жизни. Максимальный простор полному раскрытию личности, личному почину, личному интересу (кроме чисто антисоциальных наклонностей) во всех областях поведения — в экономической и духовной — таково основное условие возрождения. Без него мы не получим настоящих людей, а без последних — не будем иметь и настоящего общества.

Всякие рогатки в форме опеки сверху, в форме вмешательства властей в поведение населения, в форме диктатур правых и левых, в форме гипертрофического ограничения частной собственности, национализации и реквизиции — все это сейчас смертельно вредно. Когда на очереди стоит основная задача хозяйственного и духовного возрождения страны — всякое «ущемление» индивидуальности и личных стимулов «смерти подобно». Я знаю, что безграничный разлив стихии личного интереса имеет свои «тени». Но в моменты, подобные настоящим, лучше перегнуть палку в эту сторону, чем в обратную. Наш опыт и аналогичные опыты истории учат, что эпохи хозяйственного подъема народа были в то же время и периодами торжества индивидуального почина и интереса. И обратно, эпохи упадка были эпохами ущемления последних, уравнивания, передела и «обобществлений». Раз такова причинная связь — глупо ее не учитывать и безрассудно не делать из нее надлежащих выводов.

Настаивая на максимально возможном удалении барьеров среды, стесняющих развитие личности и ее свойств, я в то же время указывал на необходимость тормозов, препятствующих развитию преступных и явно антисоциальных тенденций. Вред последних ясен сам собой. Правила: «не убий», «не укради», «не лги», «не насильничай», «не мошенничай» и т.д., предъявляемые к поведению людей, не суть измышления досужего ума или требования во имя каких-то трансцендентных задач, а представляют правила, необходимые для всякого здорового общежития. Общество, состоящее из убийц и прожженных мошенников, при всех его талантах никогда не может быть процветающим и здоровым обществом. Соблюдение, по крайней мере, минимума элементарных морально-правовых принципов есть такая же необходимость для экономического процветания общества (не говоря уже о духовном), как наличие хороших организаторов, предпринимателей и капитала.

рост индивидуальности и внутрипартийной свободы, разрыв с партией, если она начинает связывать вас, — все это я считал бы весьма желательно.

Всячески стимулируя развитие неантисоциальных сторон личности, среда должна тормозить наклонности преступные. Как это она может делать? Разными путями. И меньше всего полицейскими. Известное значение имеют и они. Но ограниченное. Они могут лишь бороться — и то в скромном масштабе — с последствиями болезни, а не с ее причинами. Сколько взяточников расстреливала и расстреливает Че-ка. И... никакого толку. Взятничество процветает.

*Quid leges eine mribus?*⁹³

Требуются иные меры и иные пути. Они состоят в том, чтобы с первых моментов появления на свет ребенка окружающая его среда, в виде семьи, товарищей, школы и всего общества, неуклонно прививала ему надлежащие формы поведения и неуклонно тормозила у него всякие антисоциальные поползновения. Такая систематическая «дрессировка» — лучший и неизбежный учитель морали. Признавая за ребенком права, необходимо столь же строго требовать от него и исполнения обязанностей. Если этого условия среды не будет, если в ней ребенок с первых лет жизни будет воспринимать уроки лжи, насилия, убийств, шакализма — не помогут никакие репрессии и никакое «попечительное начальство».

Quid leges eine mribus. Каковы будем мы сами — такими будут и молодые поколения. Если мы хотим их видеть морально-здоровыми — такими должны быть и мы сами. Без этого все разговоры — бесплодное дело. Наш коммунистический опыт — лучшее доказательство сказанного. Людей думали сотнями декретов перевоспитать в пять минут. В ход пущены были все средства воздействия: агитация, печать, похвалы, награды, насилие, расстрелы — словом, все, чем может располагать государство. Что же получилось? Результаты, обратные ожидаемым.

В этих целях громадное значение имеет ряд «бессознательно гениальных» институтов, имеющих в любом здоровом обществе, которые представляют весьма сложный и совершенный аппарат торможения злостных форм поведения. Среди них основное значение (*hribile dictu*) имеет религия и церковь. Можно быть немистиком и признавать огромную положительную роль их в социальной жизни. Только для дилетанта-невежды этот институт — выдумка попов и средство для оправдания эксплуатации, только для них же сущность религии сводится к ее догматам и суевериям. Если бы дело обстояло так, то решительно непонятным было бы ни возникновение, ни столь долгое существование такого института: как абсолютно вредная вещь в силу естественного отбора он давно уже должен был бы исчезнуть. И однако этого нет. Мало того. Мы видим, что страны передовые, например,

⁹³ Полностью фраза звучит: «*Quid leges sine moribus Vanae proficiunt*» (Какая польза в напрасных законах там, где нет нравов?) (*лат.*) — ред.

Америка и Англия, не менее, а более религиозны, чем отсталые. Не буду здесь подробно доказывать, а просто укажу, что основная социальная роль религии была и есть роль сложного и весьма гибкого аппарата, тормозящего развитие антисоциальных поступков и стимулирующего поступки благожелательно-социальные. (Тезис этот убедительно обоснован такими социологами, как Ф. де-Куланш, Кид, Дюркгейм, Бугле, Эллвуд и др.)

Иначе — она была (и есть) фактором, созидающим и поддерживающим человеческую солидарность. Такая работа необходима для всякого общества. В этом «секрет» упорного существования религий с их «суевериями» до сих пор. Отсюда понятно, почему ослабление религии обычно является симптомом разложения данного общества, почему падение религиозности сопровождалось всегда подъемом преступности (как у нас в 1917–20 гг.), почему подъем первой ведет к подъему «чистоты нравов» (как у нас сейчас наблюдается).

Только тогда, когда сама религия и ее представители вырождаются, когда она перестает играть эту роль, когда рядом с этим она становится душителем социального творчества во всех формах, — роль становится отрицательной, и сама она вместе с ее представителями обречена на гибель и замену ее другой, пригодной для выполнения этой роли. Только в таких случаях борьба с ней необходима. Вне их — нужна максимальная осторожность в подрывании этого института. Вне их яркая борьба с церковью равносильна поведению крыловской свиньи, подрывающей дуб, желудями которого питается и живет общество. В наше время для России борьба с церковью, отделенной от государства, серьезно оздоровевшей, есть политика неумная и социально вредная. Для торможения разлившегося моря антисоциальных явлений одухотворенная религия нам сейчас так же нужна, как капиталы для возрождения нашего хозяйства.

Таковы вкратце основные рецепты для торможения антисоциальных явлений. Вместе с предыдущими они указывают, как и в каком направлении среда должна влиять, чтобы формировать настоящих людей, способных создать настоящее общество. Эти штрихи, при всей их краткости, раскрывают картину более сложную и более трудную, требующую активных усилий со стороны любого члена общества и не ждущую «чуда» от власти, «форм правления» или «других фетишей». Но если мы хотим жить, пора расстаться с этим оптимистическим фетишизмом. Он и так довел нас до... смертельной болезни. Довольно...

Для процветания общества нужны не только наличность «биологического фонда» и полное развитие свойств и склонностей личности, но и соответствующее размещение этих лиц в сложной пирамиде общества. Нужно, чтобы каждая личность могла попадать и попадала на такое место в обществе, которое соответствует ее способностям и склонностям. «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник». Бетховен,

принужденный заниматься извозом, Ньютон в роли директора полиции, рядовой рабочий в роли Рембрандта, Бисмарк в роли поэта, акад. Шахматов в роли переносчика бревен не только не принесут никакой пользы себе и обществу, но положительно дадут вред. Их способности погибнут «зря», а навязанное им несоответствующее дело будет исполняться плохо. Между тем, при правильном распределении их, согласно их способностям, эффект будет резко иным. На месте, соответствующем его склонностям, каждый член общества даст максимум общественно полезной работы. «Каждому по его способностям», и особенно наследственным, такова краткая формула этой мысли. Люди неравны и неодинаковы прежде всего по своим наследственным свойствам. Эти последние делают их пригодными для одних функций и непригодными для других. Этого различия не может сгладить никакая среда, никакое воспитание и обучение. Вот почему нет ничего нелепее, как часто высказываемая мысль, что потенциально все люди одинаково годны для выполнения любых функций, нужно лишь дать им надлежащее воспитание. Сколько бы ни учили человека, наследственно немзыкального, музыке, теории композиции и т.д. — из него не только Баха и Бетховена, даже простого, приличного композитора вы не получите. То же применимо и во всех подобных случаях. Общество, в котором не существует этого распределения лиц по формуле: «Каждому по его способностям», и особенно по способностям наследственным, будет неизбежно больным обществом.

Таланты его членов будут гибнуть бесполезно. Сплошь и рядом они будут проявляться в искаженном, социально вредном виде. «Прирожденные Наполеоны» станут отъявленными и гениальными мошенниками, «прирожденные властители» — заговорщиками и подпольными деятелями, великие изобретатели — неудачными и несчастными пьяницами, «рабы по природе» — бездарными правителями и т.д. Вся машина общества будет работать вяло, с перебоями, с трениями и конфликтами. Воцарятся бюрократизм, мертвечина и застой. Число несчастных и недовольных будет огромно, дух мятежа и бунтов будет царить. Кровавые судороги и конвульсии станут неизбежными.

Совсем иным будет общество, удовлетворяющее формуле: «Каждому по его (наследственным) способностям». Социально полезная эффективность работы каждого члена здесь максимальна. Максимальным будет поэтому и общий прогресс общества. Все оно будет похоже на прекрасную машину, где все части хорошо пригнаны, нет трений и перебоев. Она будет работать превосходно. Члены его, попав на свои места, будут субъективно довольными. Для бунтов, мятежа, кровавых конвульсий здесь нет почвы. В таком обществе даже кровожадным склонностям человека можно найти социально полезное применение.

Из всего сказанного следует, что все теории равенства, поскольку они исходят из принципа равной пригодности всех людей для всех функций, в том числе и функций властвования, и поскольку отсюда выводят равное право всех на занятие любого места, в том числе и места властителей, представляют сплошную нелепость, ничего, кроме вреда не способную дать при попытках реализации.

Такого идеального общества мы пока не знаем в истории. Но разные общества, существовавшие и существующие, приближаются к нему в разной мере: в одних «каждому по его способностям» осуществлено в большей степени, в других — в меньшей.

Раз таково идеальное задание, то спрашивается: как его осуществить? Какими путями всего лучше узнать, кто к чему пригоден? И на основании каких критериев определять одних людей к выполнению таких-то функций, других — к выполнению таких-то функций, третьих — к выполнению иных?

Самым надежным и естественным путем был бы путь научного исследования способностей личности и на основании полученного биопсихического паспорта соответственного размещения их в обществе. К этому методу, как мы знаем, передовые общества и начинают прибегать все в большей и большей мере.

Прикладная «психотехника», разными методами исследующая личность, уже вошла в жизнь, особенно в Америке. При найме кондукторов, механиков, рабочих и т.д. целый ряд честных и общественных предприятий подвергают кандидатов психо-техническому исследованию, и на основе полученных результатов принимают одних и бракуют других. В огромном масштабе этот путь был использован С.А.⁹⁴ Соед. Штатами и в войну. Миллион с лишним людей был исследован, и на основании анализа определились: одни в авиацию, другие в артиллерию, третьи — в другие военные части. То же мы видим и при наборе работников в других профессиях.

Путь этот в принципе совершенно верный, кой-где и теперь уже он дает несомненные и полезные результаты. Обладая сейчас наука вполне надежными и точными методами «тестирования» личности и ее способностей методами, гарантирующими от ошибок, — вся проблема решалась бы очень просто. Не нужно было бы ни шумихи, ни агитации, ни всей сложной процедуры, связанной с выборами или назначением того или иного лица, — вплоть до министра, президента, монарха, — на то или иное место. Вместо всего этого достаточно было бы заглянуть в «личную карточку» данного человека. Она бы показала: годен или негоден он для этой роли, она же дала бы указания: к какой специальности готовить данного ребенка, на какую профессию назначить такое-то лицо и т.д.

⁹⁴ Северо-Американскими — ред.

Но, увы! — наука еще не может претендовать на такую безгрешность. Методы «анализа личности» и ее способностей (Бинэ-Симона, Ржеркса, Мюнстерберга и др.) — еще очень примитивны, а для анализа сложных форм деятельности — почти не выработаны. Сколько-нибудь серьезный ученый — специалист в этой области — не мог бы взять на себя ответственность за безгрешность анализа и вообще безапелляционно определять людей на основании такого «тестирования». Если же какой-нибудь невежда это делает — ничего, кроме огромного вреда, он не приносит. В силу этого приходится пока что прибегать к другим, к косвенным определениям способностей человека. Указанный научный метод остается лишь в качестве подсобного.

Основным принципом для определения способностей становится принцип фактически проявленных талантов человека в данной области деятельности. Человек, показавший себя талантливым организатором предприятия, молодой юноша, написавший научную работу, рабочий, изобретший какую-нибудь машину, мальчик, написавший хорошую повесть, и т.д. — одним фактом удачного выполнения ими своих работ дают надежное свидетельство их способностей в соответствующих областях деятельности. Это дает основание для определения их на соответствующие места — если они сами этого желают⁹⁵. То же с соответственными изменениями применимо и к другим людям. Сложнее обстоит с детьми, которым, в силу их детства, труднее выявить их специфические склонности и таланты. Но и здесь внимательный родитель, педагог, исследователь, при систематическом наблюдении их поведения может довольно точно уловить их специфические способности, а уловив, стимулировать их развертывание, развитие и выявление.

Таков вкратце доступный нам косвенный путь. Для полной и правильной утилизации его требуется ряд условий, два из которых я укажу здесь же.

Первое из них состоит в том, что принцип формального наследования социальных функций родителя детьми как таковой, без его фактического подтверждения, не может быть признан целесообразным. Хотя родитель, проявивший таланты в такой-то области, имеет шансы передать их детям (что часто и имеет место, вспомним семью Бернулли, Ротшильдов и т.д.), но не всегда. В силу неудачного «смещения крови» при браке, менделировании и т.д. мы видим и обратное: у гениального ученого, поэта, стратега, изобретателя сын часто бывает никуда не годной посредственностью, у прирожденного властителя — «холопом», у талантливого собирателя капиталов — мотом. Оставлять таких детей в той же роли, что и их

⁹⁵ Без или вопреки желанию, авторитарное назначение абсолютно вредно. Поэтому величайшей бедой была бы система принудительного назначения и прикрепления людей к местам без их желания и опроса сверху, из одного центра. Каждый из нас даже сам долгое время не знает, к чему он способен, и в чем его призвание. Знать же миллионы людей и их призвание одному правительственному центру и определять деспотически их профессию сверху — не под силу даже архигениальному правительству.

родители, значит копится «болезнь» в общественном организме, болезнь, которая при большом количестве таких негодных для выполнения их функций «белых ворон» превращает здоровое общество в «чахоточное» и приводит его к кровавым кризисам и конвульсиям.

Высшие формы общественной деятельности начинают выполняться плохо, в низах копится достаточно много талантов, которые не могут занять предназначенные для них места, ибо они заняты неспособными потомками способных родителей. Вся общественная жизнь расстраивается. Копится недовольство, «пар мятежа», который рано или поздно и вырывается наружу в форме восстаний и революций.

Таковы основания, заставляющие отвергнуть принцип формального наследования социальных функций родителей детьми. Никаких «закрытых» дверей, доступность всех функций способнейшим, — такова иная редакция той же мысли. Как технически ее осуществить — здесь не место касаться. Важно подчеркнуть общий принцип. Второе условие, необходимое для правильной реализации принципа: «Каждому по его способностям», это большее или меньшее равенство исходных позиций для жизненного бега и состязания. Выше было указано, что «талантливыми» рождаются, что «порох хорошей наследственности» нередко вывозит их обладателей и помогает им преодолевать все препятствия. Но не всегда бывает так. Неблагоприятная среда, как я указал выше, может затормозить «проявление талантов»⁹⁶. Ньютон, родившийся среди ашантиев, был бы выдающимся ашантием, но без наики и среды английского общества не был бы гениальным ученым. Гениальный ребенок, родившийся без набитого кошелька у колыбели, среди нищеты и голода, далеко не всегда может пробиться. Часто он хиреет. Препятствия его убивают и обессиливают. Посредственный ребенок, оказавшийся в хороших условиях, может стать кинетически более «талантливым». Если же первый был поставлен в сколько-нибудь сносные условия, он на десять голов бы опередил второго, все его «десять талантов» были бы реализованы к пользе его самого и всего общества. Короче, если бы они начинали «жизненное состязание» «с одного старта», в сходных условиях, результат был бы иным. Это значит, для настоящего определения талантов все дети должны начинать «бег» с одного места, в равных условиях. Только при таких обстоятельствах можно правильно решить: кто способнейший, только в этом случае — опередивший может сказать, что он опередил по праву, «отставший» принужден будет мириться с «отставанием», ибо он отстал тоже по праву. Только такое равенство «исходных позиций» справедливо и целесообразно. Все

⁹⁶ Герцен прав, говоря: «Сколько зародышей мрет, гложет, не выдавши света, сколько способностей, готовностей вянут, потому что их не нужно».

другие требования «равенства» либо утопичны, либо чаще всего — несправедливы (ибо «лучших и способнейших» заставляют жертвовать в пользу «худших и неодаренных», равняя по низшему уровню), и сверх того — общественно вредны (ибо лучшие таланты заставляют зарывать в землю, пропадать зря, не реализоваться, отчего терпит и все общество).

Я знаю, что сейчас полное осуществление даже этого «равенства отправной позиции» недостижимо. По мере сил надо к нему, однако, стремиться. Минимум этого требования достижим и осуществим уже и теперь, а именно: право каждого ребенка на необходимый минимум материальной и умственной его экипировки, нужной ему для «жизненного бега» и для выявления своих талантов. Каждый ребенок должен и может быть поставлен в условия, удовлетворяющие элементарным требованиям санитарии и гигиены, обеспечивающие ему физиологическую сытость, одежду и здоровую среду, с одной стороны, с другой, снабжающие его минимумом знаний, навыков, опыта как «орудий» ждущего его «строительства жизни», как элементарной тренировки, необходимой для участия в жизненном состязании. На это может претендовать каждый ребенок. Это дать ему обязано и может любое общество. Чем разбазаривать сотни миллионов и даже миллиарды на войну, войско и многие другие непродуктивные и часто ненужные цели, будет гораздо целесообразнее десятки миллионов отпустить на это дело. Смею уверить, что такое помещение общественного капитала наиболее выгодно даже с чисто экономической точки зрения, через одно-два поколения оно принесет такие проценты, которые окупят с избытком весь расход.

Большевики, объявив бесплатное обучение, бесплатные колонии и доплатное питание для нуждающихся детей, поступали в принципе правильно. Но... как мы знаем, они провозглашали много хорошего, дела же их были диаметрально противоположными. Их бесплатное обучение вылилось в полное уничтожение школ, «ликвидация безграмотности» — в «ликвидацию грамотности», воспитание — в подготовку преступников, обучение — в натаскивание митинговых фраз без знания таблицы умножения, колонии — в рассадник телесно и душевно исковерканных детей, питание — в мор и т.д. Необходимо не мнимое, а настоящее выполнение этих требований. Техническую сторону дела я здесь оставляю в стороне, но замечу, что какова бы ни была организация такого «минимума», он весь должен быть проникнут теми же принципами: индивидуализации, всемерного стимулирования личного почина, интереса, самостоятельности и торможения антисоциальных склонностей. При наличии этих двух условий принцип «каждому по его способностям» может быть в известной мере реализован. А его реализация означает реализацию здорового общества,

наиболее способного развиваться и быстро идти по пути прогресса при соблюдении порядка без революционных и иных судорог и конвульсий.

Итак: 1) сохранение и усиление уцелевшего в России положительного биологического фонда, 2) создание общественной среды, обеспечивающей максимальное развитие способностей каждого, стимулирующей развертывание его индивидуальных склонностей и талантов и тормозящей его порочные свойства, 3) размещение населения в социальной пирамиде по его способностям — таковы три связанных друг с другом условия, необходимые для прочного возрождения России. Когда налицо этот «фундамент» — серьезное значение получают и все «надстройки». Без первого — эффекты вторых будут недолговечными и эфемерными. Из этих общих положений вытекает целый ряд конкретных выводов, части которых я кратко коснулся выше. «Врачи социальных болезней» слишком верят в спасительность внешних, чисто механических мер врачевания в виде замены одних декретов другими, одних общественных институтов иными, одного «политического фасада» другим. И они не слишком мало обращают внимания на личность, на население, на улучшение биологических и культурно-социальных свойств последнего. Нет сомнения, что и первые имеют значение, но преимущественно там, где дело идет о разрушении препятствий, мешающих развитию (напр. коммунистической власти в России). В деле же творчества и созидания новых форм общества — роль механических мер очень скромна и редко дает прочные результаты. Для хорошей игры великой и волнующей драмы, носящей название «История России», прежде всего нужны «Божьею милостью» наследственные актеры. На их подбор, тренировку, на правильное распределение ролей, сообразно их талантам, — вот на что должно быть обращено главное внимание. Обстановка же, в которой они будут играть, хотя и имеет значение, но не такое, чтобы из-за нее забывать о первой задаче, что, к сожалению, часто у нас происходит. Без хороших актеров — декорации и «фасады» не спасут... Выправить эту однобокость — такова была задача написанных строк.

(П. Сорокин. То, что часто забывается // Крестьянская Россия. 1923. Кн. II–III. С. 14–31).

МЫСЛИ О ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ БУДУЩЕМ РОССИИ

Н. Тумашев

I

Будущая Россия, та Россия, которая сложится после падения нынешнего политического режима, будет демократией. Это утверждение не означает, что демократия придет немедленно после падения советской власти; между этим падением и установлением мыслимы переходные этапы, притом, быть может, не образующие своей совокупностью прямой линии, идущей от деспотии к демократии. Но, в отличие от этих переходных этапов, из которых каждый может быть, но может и не быть, и каждый, если и будет, то лишь на краткое время, демократия будет несомненно и будет надолго. Приход демократии может быть предсказан с достоверностью не потому, что эта политическая форма отвечает симпатиям того или иного ряда или группы, а потому, что будущий демократический строй с необходимостью заложен в русском прошлом.

Действительно, движение по направлению к демократии характеризует всю русскую историю за последние десятилетия. В области экономической имел место совершенно явный процесс распада феодально-крепостного строя и установления капиталистического хозяйства, т.е. той хозяйственной формы, с развитием которой, как показывает опыт истории, рано или поздно сочетается в политической сфере восхождение демократии. В культурной сфере протекал не менее явный процесс развития знаний по широким народным массам; соответственно расширялся и базис общественного мнения. Наша культура от чисто дворянской, какой она была во времена Пушкина, постепенно превращалась в общенародную, чем закладывалась для демократии духовная основа; в области социальной соответственно поднималось значение тех классов, которые ранее выступали исключительно в качестве подножия для возвеличения привилегированных групп. Возникал, таким образом, и социальный базис демократии. Медленнее всего трансформировалась сама власть. Но и она не избежала общей тенденции: уже земская и судебная реформы 60-х годов отщепили крупницы прежде нераздельной самодержавной власти в руки общества, а реформа 1905–06 гг. при всей своей недостаточности знаменовала новый шаг на том же пути.

Итак, дореволюционная Россия всеми сторонами своей жизни стремилась к переустройству в демократию.

Но, может быть, стремление это потеряло всякое значение, так как пришла революция и катастрофически разорвала все намечавшиеся пути? Такая точка зрения представляется в корне неправильной. История учит, что от революционного творчества только то оказывается твердо усвоенным жизнью, что представляется соответствующим основным тенденциям развития дореволюционной эпохи: современную Францию историк без труда связывает с Францией предреволюционной, а послепетровская Россия (Петровская эпоха социологически есть революция) реализует то, что неуверенно и нечетко намечалось за последнее столетие московской Руси. Не будет, конечно, исключением и переживаемая нами эпоха: когда минуют все этапы революции и выхода из революции, Россия предстанет в основных очертаниях той самой Россией, которая под покровом традиционных форм скрыто выработывалась за последние десятилетия дореволюционного периода, т.е. Россией демократической.

II

Итак, будущее России принадлежит демократии. Тот высший лозунг, который в предреволюционную эпоху объединял русскую общественность, за исключением бывшего всегда немногочисленным охранительного ее фланга, остается правильным и для настоящего времени. Борьба за него есть борьба, которая в конце концов увенчается успехом, тогда как борьба за иные лозунги, поскольку они несовместимы с лозунгом демократическим, заранее обречена на неудачу.

Этому объективному положению вещей не отвечает состояние той коллективно-психологической среды, которую представляют собою известные слои русской зарубежной общественности. В настоящее время нет, может быть, идеи, которая подвергалась бы стольким нападкам, как идея демократии. Фигура «кающегося интеллигента» и кающегося именно в демократических увлечениях — является одним из типичнейших проявлений нашего времени. А на тех, которые остались верными своему прежнему знамени, гордые своим перекрашиванием противники склонны смотреть как на непригодных к жизни людей, которые «ничему не научились и ничего не забыли». Переоценке подверглась, между прочим, и та ценность, которая недавно еще всеми признавалась, — верность убеждению.

Конечно, только гений, который все знал и все предвидел, или ограниченный человек, который ничего не увидел и ничего не узнал, мог бы сказать, что он во всех деталях продолжает разделять ту политическую платформу, на которой он стоял десять лет тому назад. Все остальные могут и должны сказать, что программа их изменилась. Эта

необходимость изменения вытекает из самого существа политической программы. За истекшее десятилетие среда изменилась в такой степени, что прежние конкретные предположения о воздействии на нее представляются ныне по большей части беспредметными. За тот же период времени фактически испытаны многие конкретные способы воздействия и на испытании оказались непригодными.

Но цели воздействия, цели, которым соответствуют принципы политики? Подверглись ли испытанию и оказались ли слишком легкими и те из них, которые составляли общее святое святых русской предреволюционной общественности? На этот вопрос слишком легкомысленно дается утвердительный ответ теми, которые с не меньшим легкомыслием забывают, что испытанию и отвержению жестоким опытом подвергся как раз противоположный политический принцип, принцип охранительный, политика противодействия развитию в сторону к демократии и удержания с неизменностью всего, с демократией несовместимого.

Посмотрим же, с какими аргументами выступают современные русские противники демократии, и что этим аргументам можно противопоставить.

III

Термин «демократия» употребляется в весьма разнообразных смыслах. В собственном смысле слова, демократия есть одна из политических форм; демократия есть такое политическое устройство общества, в котором верховная политическая власть принадлежит народу, т.е. совокупности членов данной общественной группы. Демократия есть, таким образом, одно из возможных властных устроений общества; и так во всякой властной организации есть власть и подвластные, причем власть осуществляется немногими, то в этом смысле и демократия есть правление немногих⁹⁷. Демократия есть народовластие, но не народоправство.

Что же означает принадлежность народу верховной власти? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно установить, что властвование есть известное взаимодействие между индивидуумами, взаимодействие такого типа, что директивы, исходящие от одного или нескольких лиц, образующих активный центр властвования, становятся мотивами поведения для остальных членов, для пассивной периферии. Но во взаимодействии активных центров с периферией может быть подмечено различие первостепенного значения. Возможно

⁹⁷ Совершенно напрасно думает поэтому Н. Бердяев, что установив это положение, он сколько-нибудь развенчает демократию.

властвование, когда активный центр властвует исключительно в силу традиции, в силу того, что когда-то и как-то удалось возвыситься. Для такого центра всякое течение в периферии, могущее привести к приходу на смену существующему другому властному центру, представляется неприемлемым, и такие течения он подавляет в зародыше. Назовем такие властвования самодовлеющими, автократическими или абсолютными.

Им противостоит властвование другого типа, когда активный центр находится в тесной связи с периферией и протекающими в ней коллективно-психологическими процессами. Такой властный центр сохраняет свое положение только постольку, поскольку он отвечает преобладающим на этой периферии стремлениям, причем, конечно, допускаются воздействия центра на периферию в целях развития и поддержания благоприятных ему течений. Но изменяются течения, и центр уступает место другому, более отвечающему изменившейся обстановке. Самая мысль о замене данного властного центра иным не только не почитается преступной, но является само собою разумеющейся. Верховная власть народа во властвовании такого типа означает принадлежность народу права определения лиц или групп, которые будут на ближайший период времени осуществлять власть.

Из изложенного ясно, насколько лишено основания приравнение демократии какому-то механическому построению общества. Между тем, преимущественно на основании такого уподобления приходит к своему решительному отрицанию демократии наиболее страстный из современных противников ее — Н. Бердяев. «Для демократии народ, как органическое целое, распадается на атомы и затем собирается, как механический коллектив». Рассыпанные по всей книге утверждения, будто в демократии количество заменяет качество, будто демократия отрицает всякую иерархию, легко сводимы к этому основному тезису. В действительности власть в демократии органически связана с периферией, и в этом отличие ее от автократии. И эта периферия вовсе не непременно берется в виде какой-то арифметической суммы составляющих ее индивидов. Можно сказать больше: если такое понимание «народа» в демократии и встречалось у ранних теоретиков ее, то опытом установлена ее полная ложность. Коллективно-психологические процессы протекают не в однородной, расплавленной и бесцветной массе индивидов, а в массе структурной, тысячами нитей связанной и тысячами граней разделенной на бесконечные и притом сложные группировки со своими интересами и побуждениями, со своими авторитетами и вождями, со своими частными центрами и перифериями. Именно в связи с коллективно-психологическими процессами, протекающими в отдельных группировках, разбиваются политические устремления, т.е. стремления определенным образом воздействовать на среду в ее целом или частях. От равнодействующей таких стремлений,

именуемой общественным мнением, и зависит демократическая власть, которая может или вести это мнение за собой невластными способами, или подчиняться ему, или уступить свое место власти, из иных лиц составленной. Общественное же мнение — это необходимо подчеркнуть — не есть арифметическая совокупность индивидуальных мнений: это есть сложная совокупность их, в которой принят во внимание удельный вес и значение каждого мнения. И пусть не возражают противники ссылкой на всеобщее, равное и прямое избирательное право, оно вовсе не устраняет фактически существующих в обществе различий и неравенства; оно только отказывается от предустановленного фиксирования их значения и предоставляет выяснение их соотношений свободной игре сил.

Из сказанного видно, почему так изменчив облик демократии. С одной стороны, демократия может принимать весьма разнообразные внешние формы. С другой стороны, состав и направление деятельности активных центров оказываются в разные времена и в разных общественных группах совершенно различными в зависимости от разнообразия протекающих в них коллективно-психологических процессов.

На этой относительности демократии останавливается и на ней обосновывает отрицательный о ней приговор наиболее вдумчивый из перешедших в антидемократический лагерь мыслителей недавно скончавшийся П.И. Новгородцев. «Всякая демократия, — говорит он вслед за Г. Кельсеном, — есть система политического релятивизма (относительности). В то время, как политический абсолютизм представляет неограниченное господство какого-либо одного политического порядка и иногда какого-либо одного верования, с принципиальным отрицанием и запрещением всех прочих, демократия есть как бы пустое пространство, в котором могут развиваться самые разнообразные политические стремления. Демократия не сблизила ни народы, ни людей в пределах отдельных народов, а сущность ее — система свободной игры сил, как бы утомила людей и не удовлетворяет их больше».

Утверждение об относительности демократии правильно. Да, демократия не есть какой-то принцип, из которого можно логическим путем вывести непреложные суждения о правильном устройстве всех сторон общественной жизни. Да, демократия совместима с самыми разнообразными верованиями и политическими и социальными концепциями и сама может принимать самые разнообразные формы. Но в этой гибкости демократии заключается не недостаток ее, приведший к утомлению ею, а ее основное преимущество перед всякими абсолютными режимами. Ибо демократия есть форма, по идее своей предназначенная к открытию всех возможностей, к развитию во всех направлениях, к реализации всех потенциальных ценностей. Демократия не допускает неразрешимых конфликтов между

властью и обществом. И потому что изменчиво, и притом бесконечно, общество, по необходимости изменчива и демократия. Утомиться этой изменчивостью может только человек, которого утомляет многообразие жизни, или человек, который вопреки существу вещей в политических формах видит конечные цели. Но не изверятся в ней те, которые помнят, что демократия есть единственное мыслимое устройство общества, в котором политическому его бытию отводится отвечающее его природе значение — значение формы, средства к достижению целей в экономической и культурной сфере. В противоположность демократии, абсолютные режимы становятся самоцелями, которые, вступая в конфликт с другими целями общественного развития, слишком часто приводят общество к неразрешимым или разрешимым лишь в форме революций конфликтам.

Что же касается «утомления» демократией, о котором говорит П.И. Новгородцев, то там, где демократия существует десятилетия, нет, конечно, больше пафоса в демократическом чувстве; но нет его не потому, что демократия обманула ожидания и утомила, а потому, что по свойствам человеческой психики достигнутое, и притом прочно, не может быть объектом хотения, и именно это отсутствие пафоса доказывает, что в сознании современных культурных народов демократия есть приобретение неотъемлемое, неоспоримое, достигнутое раз навсегда.

IV

От принципиальных возражений против демократии, как от центра, расходится целая сеть доводов второстепенного характера. Прямо или косвенно к ним могут быть сведены и те доводы, которые приобрели право гражданства в особенности в определенных кругах эмигрантской массы. Доводы эти трудно поддаются систематизации. Думается, что важнейшее будет схвачено, если остановиться на трех аргументах, приводимых в доказательство бессмысленности стремиться к демократии в будущей России, а именно: 1) от демократии уже отказывается Запад; 2) Россия уже проделала опыт демократии, и этот опыт оказался крайне неудачным; 3) сама Россия демократии определенно не хочет.

1. Первый довод стоит в тесной связи с тем представлением об утомлении демократией, о котором говорит Новгородцев и вслед за ним Бердяев. Но сторонники довода в его практической формулировке ссылаются не на идейные сомнения, а на факты. Многозначительно указывают они на фашизм в Италии, на диктатуру земледельческого союза в Болгарии, на диктатуру в Испании как на явные симптомы поворота от демократии к какой-то новой политической форме. Готовившаяся, казалось, победа националистических

партий в Германии и некоторые явления, намекавшие на возможность приобретения Пуанкаре диктаторской власти, наполняли их трепетным ожиданием близкого свержения демократии. Ожидания эти не сбылись. В Германии кульминационный пункт успехов сторонников абсолютного режима, по-видимому, превзойден, а результаты выборов 11-го мая с.г. во Франции выяснили, насколько непоколебим в ней демократический принцип. Из «реальных достижений» диктатура Стамболийского уже пала; директория в Испании не оправдала возлагавшихся на нее ожиданий, а фашистский режим в Италии переживает глубокий кризис. «Диктатура сильных» в наш век демократии, оказывается, по-видимому, лишь случайным эпизодом, вызванным утомлениями военного и послевоенного времени.

2. Второй довод практических противников демократии кажется очень сильным: в феврале-марте 1917 г. Россия сделала попытку перестроиться в демократию и в результате — распадение великой державы, созданной многовековыми усилиями народа, и на той территории, которая осталась подчиненной московскому центру, — политический режим, который от демократии отстоит дальше, нежели предреволюционный строй.

В действительности этот довод не имеет никакого значения, ибо настоящего демократического опыта Россия еще не проделала. Россия за период Временного правительства представляет собою неисключительный в истории революций пример общества, лишённого центральной политической власти, тогда как демократия есть одна из форм властной организации общества. Здесь не место рассматривать вопрос о том, почему не установилась в России 1917 г. демократия. Достаточно отметить, что установление демократии всегда и везде протекает со значительными трудностями, и что эти трудности для России усугубились благодаря совпадению революции с великой войной и мн. др. Эта неповторимая комбинация неблагоприятных условий ничего не говорит о том, смогла ли демократия привиться в условиях, несколько более нормальных.

3. Последний из доводов противников демократии гласит: Россия на смену большевикам ждет не демократии, а восстановления, может быть, с некоторой перелицовкой старого режима. Обоснованием является ссылка на «исторический закон», в силу которого за отклонением политического маятника до конца вправо наступает отклонение до конца влево и т.д. Такой довод представляется, однако, основанным на весьма упрощенной исторической концепции. Некоторый элемент контрастности в историческом развитии несомненно существует; те стремления, которые в данную эпоху оказались подавленными, имеют значительные шансы проступить с повышенной яркостью в последующую, и наоборот. Так, за эпохой подавления принципа порядка следует эпоха утрированного порядка и подавления

свободы. Явление это покоится на элементарных свойствах индивидуальных психик, взаимодействие коих образует коллективно-психологический процесс.

Нельзя, однако, основываясь на этом, полагать, что в России мечтают о восстановлении режима, подобного павшему в феврале 1917 г. Ибо то, что сейчас подавлено, это не элемент порядка («порядок», конечно, недоброкачественный по своему содержанию, есть и сейчас), а элемент свободы; реакция против т.н. «пароксизма свободы» за 8 месяцев 1917 г. длится уже 7 лет. Основываясь не «законе контрастности», следует поэтому полагать, что то, чего сознательно или несознательно ждут в России, это не режим «сильной власти» в одной из его разновидностей, а такой режим, который снял бы с личности невыносимую опеку государственных органов и дал бы каждому полную уверенность в невозможности произвольного вторжения в его индивидуальную жизнь. А таким режимом — знают или не знают об этом в современной России — может быть только режим демократический. Ибо демократия в современных своих очертаниях представляется неразрывно связанной с понятием о самоценности личности, той личности, постоянным взаимодействием которой с другими рождается, возвышается и низвергается демократическая власть. Что касается автократического режима, то хотя и с ним совместимо в известной степени признание прав личности (примером может служить дореволюционная Германия), но такое соединение является случайным, не вытекающим из сущности режима, а потому трудно на его почве возникающим и легко разрушающимся.

Итак, вопреки убеждению противников, демократия в России будет. Демократия не только будет, но и будет ко благу народа и благу составляющих его личностей. Будущая демократия не есть, конечно, цель, на которой замрет развитие. Но только достигнув демократической формы, сможет русский народ приступить к осуществлению великих заданий в экономической и культурной сфере и, таким образом, раскрыть заложенные в нем потенциальные ценности. Не с религиозным ужасом, по примеру Бердяева, должны мы смотреть на это демократическое будущее России, а с мыслью об ответственности каждого за то, чтобы из возможностей, открывающихся при демократии, народом были избраны наиболее его достойные.

(Свободная Россия. 1924. № 4. С. 203–210).

ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ

А. Керсновский

Природа военного дела.

Военное искусство и военная наука

Является ли военное дело достоянием науки или искусства? Чтобы ответить на этот вопрос, надо все время иметь в виду двойственную природу военного дела.

Военное дело складывается из двух элементов. Элемента рационального — соизмеримого, вещественного, поддающегося точному анализу и классификации. Элемента иррационального, духовного, несоизмеримого — того, что Наполеон называл «La partie sublime de l'art».

Рациональная, вещественная часть военного дела — достояние военной науки. Иррациональная, духовная — достояние военного искусства. Смотреть телесными глазами может каждый зрячий человек — смотреть и видеть духовными очами дано не всякому. Искусство дается Богом — наука дается человеку его трудами. Изваять Зевса может лишь Фидий — изготовить анатомический чертеж человеческого тела может любой студент-медик.

Искусство — удел немногих избранных — как правило, выше науки — удела многих. При этом следует оговориться, что в своих высших проявлениях наука имеет тоже отпечаток гения — свою «partie sublime». Менделеев или Пастер может считаться украшением человечества в той же степени, как Достоевский и Гёте.

Подобно благородному металлу, искусство не может применяться в чистом своем виде. В него, подобно литературе, всегда должна входить известная доля науки.

Композитора осенило вдохновение. В его душе зазвучали незримые струны... Это — момент чистого искусства, так сказать, абсолютное искусство. Он хватает перо и нотную бумагу, перекладывает свое вдохновение (рискующее иначе быть потерянным для него и для людей). И с этой минуты к чистому искусству примешивается литература науки: надо знать ноты, такты, контрапункты, уметь распределить партитуры, равным образом и поэт обязан знать грамматику, а ваятель — анатомию человека и животных, свойства гипса, бронзы, мрамора.

Аналогия с военным искусством полная. Гениальнейший план рискует здесь оказаться химерой, коль скоро он не сообразуется с реальностью. Величайший из полководцев не

может безнаказанно пренебрегать элементами военной науки, хоть он сам в свою очередь совершенствует эту науку и соотносится с ее принципами, зачастую инстинктивно.

Чем выше процент благородного металла в сплаве — тем драгоценнее этот сплав. Чем больше наблюдается в полководце преобладания иррационального элемента искусства над рациональным элементом науки, тем выше его полководчество. Наполеон в большинстве своих кампаний, Суворов во всех своих кампаниях дают нам золото 96-й пробы. Полководчество Фридриха II — гений, сильно засоренный рутинной и «методикой», — золото уже 56-й пробы. Полководчество Мольтке старшего — таланта, а не гения — уже не золото, а серебро (довольно высокой, впрочем, пробы), полководчество его племянника — лигатура, олово.

Военная наука должна быть в подчинении у военного искусства. Первое место — искусству, науке только второе.

Бывают случаи, когда науке приходится заменять искусство — играть роль как бы его суррогата (роль «накладного золота» — если развязать дальше нашу метафору). Случаи эти соответствуют критическим периодам военного искусства, упадку его — эпохам, когда это искусство — дух — отлетает от отживающих, но еще существующих форм, и ищет, но пока еще не находит новых путей. Так было во второй половине XVIII века на Западе, когда вербовочные армии искали спасения в рутине линейных боевых порядков и софизмах «пяти переходной системы». Новые пути были найдены французской, так называемой «великой» революцией, давшей вооруженный народ, — и военное искусство возродилось в революционные и наполеоновские войны. Так было и в войну 1914–18 гг. — войну, видевшую кульминационный пункт, но зато и вырождение вооруженных народов — «полчищ». Выход для военного искусства был найден после войны в старорусской системе сочетания идеи количества — народной армии (земского войска) с идеей качества — малой армией профессионалов (княжеской дружины). Эта старорусская система, примененная в последний раз в 1812 году (Кутузов и Растиопчин) именуется иностранцами — которым это простительно — и русскими невеждами — которым это непростительно — «система генерала фон Зеекта».

На этот случай «сумерек военного искусства» — случай, который Фош характеризует «невольным отсутствием достаточного военного гения» (*l'absence frsee d'un geniū subbisant*) и припасен научный коллектив, наиболее совершенным образчиком которого был «большой генеральный штаб» германской армии.

На этот научный коллектив, существовавший во всех армиях, и на отдельных более выдающихся его представителей и пало бремя полководчества Мировой войны — войны,

сочетавшей огромный процент научной литературы с очень небольшим количеством искусства. Отсюда и «серый» характер полководчества 1914–18 гг. за немногими исключениями, как, например, все творчество ген. Юденича на Кавказском фронте, бои французского Скобелева ген. Манжена, некоторые операции армии Гинденбурга на Восточном фронте, фон Клука на Урке и несколько других ярких примеров.

Искусства немного — и оно целиком сосредоточено на творчестве нескольких вождей. В решительные моменты творчество Жоффра, Галлиени, Фоша и Манжена (знаменитый «полководческий четырехугольник») оказалось выше творчества Мольтке младшего, фон Клуке, Фалькенгайна и Людендорфа — подобно тому, как Гинденбург Людендорф, Фалькенгайн и Маканзен оказались выше Великого Князя, Жилинского, Рузского, Иванова. Это обстоятельство и определило характер войны, предрешило ее исход — несмотря на то, что немецкий коллектив по своему качеству, своему «дурхшнитту», своему научному базису, отделке и разработке доктрины, одним словом, по постановке своей рациональной части значительно превосходил коллектив французский. Личность, как всегда, оказалась решающим фактором. Военное искусство — достояние личности — хоть и было у французов (по причинам, от самих вождей во многом не зависящим) не очень высокого качества — все-таки оказалось выше рациональной научности — достояния коллектива.

Наука сливается с искусством лишь в натурах гениальных. Вообще же — и это особенно сказывается в случае «суррогата» (попытка наукой возместить недостаток искусства) — она дает тяжеловесные результаты в сфере полководчества. Чисто научное полководчество — без или с очень слабым элементом искусства — можно сравнить с вычислением окружности. Наука дает здесь число «пи», позволяющее производить вычисления с наибольшей точностью, но не дающее средства постичь всю «иррациональность» круга. Научная «методика» может приближаться к интуиции искусства — сравняться с последней ей не дано — незримая, но осязаемая перегородка будет все время сказываться. Сальери «алгеброй гармонию проверил» — а с Моцартом все-таки не сравнился.

Проблема превосходства искусства над наукой — такого же порядка, как проблема превосходства духовных начал над националистическими, личности над массой, духа над материей.

Военное искусство, подобно всякому искусству, национально, так как отражает духовное творчество народа. Мы различаем русскую, французскую, итальянскую, фламандскую и другие школы живописи. Мы сразу же распознаем чарующие звуки русской

музыки от музыки иностранной. В военной области — то же самое. «Науку побеждать» мог создать только русский гений — «О Войне» мог написать только немец.

Из всех искусств два — военное и литературное — являются чутким барометром национального самосознания. На повышение и понижение этого самосознания они реагируют в одинаковой степени, но по-разному. Военное искусство, как органически связанное с национальным самосознанием, повышается и понижается вместе с ним. Литературное, более независимое от национального сознания (вернее, не столь органически с ним связанное), реагирует иначе. Оно отражает эти колебания в своем зеркале. Качество остается приблизительно тем же — перерождается лишь «материя». Ломоносов, Пушкин, Чехов — три имени, первый из них отражает зарю, второй — полдень, третий — сумерки Петровской Империи.

Любопытно проследить этот «барометр». Военное дело — синтез «действия» нации, литература — синтез ее «слова». Гению Румянцева соответствует гений Ломоносова. Суворову — орлом воспаривший Державин. Поколению героев Двенадцатого года, красивому поколению Багратиона и Дениса Давыдова — «певец в стране русских воинов» — Жуковский. Младшие представители этого поколения — Пушкин и Лермонтов. Эпоха Царя-освободителя дает нам корифеев русского самосознания — Достоевского, Аксакова и Скобелева. Затем идет упадок — и в сумерках закатывающегося Девятнадцатого, в мутной заре занимающегося Двадцатого века тускло обрисовываются фигуры Куропаткина и Чехова...

Искусство, таким образом, национально. Национальность является характернейшим его признаком, его, так сказать, «букетом», квинтэссенцией — все равно, будет ли речь идти о военном искусстве, литературе или живописи. Отвлеченного интернационального «междупланетного» искусства не существует.

Несколько иначе обстоит дело с наукой. Если народы сильно разнятся друг от друга своим духом (а стало быть, и порождением духа — искусством), то в интеллектуальном отношении разница между народами — между мыслящим отбором, «элитами» этих народов — гораздо меньше, нежели в духовном, следовательно, «точек соприкосновения» общности здесь гораздо больше.

Математика, физика, химия, медицина — науки объективные, равно как и догматическая часть философии. И француз, и немец, и коммунист, и монархист одинаково формулируют теорию Пифагора.

Науки социальные — эмпирическая часть философии, истории, социологии, права — наоборот, национальны и субъективны, ибо занимаются исследованием явлений жизни

народов и выводом законов их развития. Француз и русский, одинаково формулируя теорему Пифагора, совершенно по-разному опишут кампанию 1812 года. Более того, трактовка этих наук зависит не только от национальности их представителей, но и от политического, субъективного мировоззрения их. Сравним, например, Иловайского с Милюковым, Гаксотта с Лависсом. Приняв советский метод исторического материализма и «классового подхода», можно, например, пугачевского «енерала» Хлопушу Рваные Ноздри сделать центральной фигурой русской истории и посвятить ему двести страниц, а Рюрику, Грозному и Петру I вместе — отвести полстраницы.

Военная наука относится к категории социальных наук. Она, стало быть, национальна и субъективна. Ее обычно считают частью социологии, что по нашему скромному мнению совершенно ошибочно. Военная наука является сама в себе социологией, заключая в себе весь комплекс, всю совокупность социальных дисциплин, но это — патологическая социология.

Нормальное состояние человечества — мир. Социология исследует явления этого нормального состояния. Война представляет собой явление болезненное, патологическое. Природа больного организма, его свойства, его функции уже не те, что здорового. Применять к ним одну и ту же мерку невозможно.

Поэтому военная наука — это социология на военном положении. Или (считая войну явлением патологическим) — социология патологическая. Военный организм представляет аналогию с национальным организмом. Война — та же политика. Армия — та же нация.

(Керсновский А. Философия войны. Белград, 1939. С. 19–23).

НАУКА О ВОЙНЕ

Н. Головин

Величайший военный мыслитель начала XIX века Клаузевиц пишет: «Положительное учение о войне невозможно. По самой природе войны невозможно возвести для нее научное здание опоры деятелю во всевозможных случаях. Деятель оказался бы вне научной опоры и в противоречии с ней во всех тех случаях, когда он должен опереться на собственный талант. Одним словом, с какой стороны ни подступаться к делу, выйдет, как уже сказано, что талант и гений действуют вне закона, а теория идет вразрез с действительностью»⁹⁸.

В самом деле, военная наука, ограничивающая сферу своего исследования одним изучением способов ведения войны, могла только констатировать факт, что универсальных путей к победе нет. Единственный положительный вывод, который она могла сделать, это тот, который так ярко формулировал Наполеон в своих словах: «На войне обстановка повелевает».

Однако развитие в XIX веке положительной науки во всех областях человеческого знания, понудило продолжать попытки построить таковую и в области явлений войны.

Во второй половине XIX века наш крупнейший авторитет по стратегии генерал Г.А. Леер создает стройную систему принципов. Эти принципы, независимые от условий оружия, времени и места, должны были служить безусловными отправными точками для творчества... Базируясь на идее Д.С. Милля, положительная военная наука возможна, но только в той своей части, которая поставила бы себе задачей исследование войны как процесса в социальной жизни человечества, предоставив другой части военной науки изучение способов ведения войны. Это различие в самом существе задания требует разделения современной военной науки на две отрасли: на «науку о ведении войны», представляющую собой теорию военного искусства, и на «науку о войне», представляющую собой одну из положительных наук об обществе...

На путь изучения объективных процессов войны фактически и вступил Клаузевиц. Отрицая, как мы видели выше, возможность существования положительной военной науки, тем не менее, он поставил главной задачей своего труда «исследование, объяснение сущности элементов и явлений войны». При подобном задании его замечательный труд представил собой первую попытку создания «науки о войне». Чрезвычайно характерно, что

⁹⁸ Клаузевиц. О войне. (Перевод ген. Вейде). Т. I. С. 83.

сам Клаузевиц не нашел своему труду иного заглавия, как слова «О войне». В этом заглавии недостает только слова «наука». Клаузевиц, отрицавший возможность положительной науки о войне, скромно полагал, что его труд лишь «обзор». Тот факт, что книга Клаузевица «О войне» до сей поры является единственным систематическим трудом по «науке о войне», дал ей совершенно исключительное для военно-научного труда долголетие. В то время, как даже замечательные работы, посвящавшие себя изучению способов ведения войны, быстро становились устарелыми, труд Клаузевица «О войне» неизменно приковывал к себе внимание все больших и больших кругов. Война 1914–18 гг., так же как и война 1870–71 гг., дала в военной науке толчки к более полному изучению Клаузевица. Не лишен интереса и следующий факт. Ленин, поставивший свою ставку на использование перерождения внешней войны в гражданскую, счел нужным самым тщательным образом изучить Клаузевица. В выпущенной большевиками в 1930 г. трехтомной официальной «Истории гражданской войны» помещено несколько фотографий со страниц «О войне» Клаузевица, испещренных ленинскими примечаниями.

Отрицание Клаузевица, фактически являющегося отцом положительной военной науки, возможности существования таковой объясняется тем, что Клаузевиц в своем представлении о том, что должна представлять собою «положительная наука», исходил из иных взглядов, чем те, которые установились после появления в середине XIX века «Логики» Милля.

Не служит ли это ярким примером, насколько все отрасли науки зависят от основных методологических предпосылок?

Генерал Г.А. Леер, живший на полвека позже Клаузевица, исходил в своих научных работах из более новых точек зрения на положительную военную науку.

«Стратегия, в тесном смысле слова, — пишет он, — это трактат об операциях на театре военных действий... Стратегия в широком смысле есть синтез, интеграция всего военного дела, его обобщение, его философия. Она является сведением в одно общее русло всех отдельных учений о войне, наукой всех военных наук. Как философия вообще стремится к объяснению мировых явлений, так и стратегия, понимаемая в самом широком смысле, как философия военного дела, имеет задачей объяснение военных явлений, не только каждого поодиночке, но, и в особенности, общей связи между ними».

В постановке высшей стратегии, задачи науки, обобщающей все остальные военные науки, нельзя не видеть стремления глубокого ума Г.А. Леера к созданию военной науки, которая могла бы встать в ряды наук положительных. Но даже при столь широкой трактовке задания стратегии она является скорее философией теории военного искусства, чем наукой о

войне. Таковым и является замечательный курс стратегии Леера. В своих последних работах генерал Г.А. Леер пошел дальше. В своих книгах «Метод военных наук» и «Коренные вопросы» он вступил на путь чистой «Науки о войне».

Таким образом, мы видим, что, хотя и не выделенная в особую отрасль знания, наука о войне фактически существовала, вкрапленная в науку о ведении войны.

Накопление богатейшего материала для науки о войне шло во всех отдельных отраслях военной науки. Ограниченные рамки нашего доклада не позволяют нам перечислить все те труды, авторы которых выходили на путь положительного знания. Мы укажем лишь на замечательные в этом отношении работы трех наших профессоров: графа Милютина, генерала Драгомирова и А.Ф. Редигера. Первый дал классические работы в области военной статистики и военной истории, второй — в области воспитания войск, третий — в области устройства вооруженной силы государства.

Материал для науки о войне собран большой, и даже наименование ее произнесено в стенах нашей Академии преемником Леера по кафедре стратегии генералом Михневичем. Он говорил о необходимости создания социологии войны...

Действительно, создание такой высшей науки о войне, которая занялась бы изучением войны как особого социального процесса, казалось совершенно своевременным. И все-таки, такая наука не рождалась.

Как это объяснить?

В области научной работы, так же как и в прочих сферах человеческой деятельности, большую роль играет среда, в которой протекает эта работа. Потребности этой среды обуславливают производство промышленности.

До 1914 года не только у нас в России, но и во всем мире не было связи между общей наукой и наукой военной. Социологи, например, считали возможным создавать теорию жизни общества без подробного исследования явлений войны. Одним из результатов подобного отношения к войне явилось засилье в исторических и общественных науках экономического материализма, т.к. изучая только эпохи мира, когда экономический фактор имеет в жизни народов громадное значение, многие социологи и историки совершенно упускали из виду те периоды жизни человечества, когда на первый план резко выдвигаются психические процессы...

Оказавшись не в силах пробиться через окружающую стену отчуждения, военные ученые продолжали сосредоточивать все свое внимание на изучении способов ведения войны, контрабандой лишь провозя в теории военного искусства свои научные изыскания, выходящие из рамок «непосредственно полезного опыта».

Война 1914–18 гг., вовлекшая в свою орбиту весь мир, произвела радикальный переворот в понимании общественных явлений.

Даже наиболее пацифистски настроенные ученые учреждения начали понимать, что для того, чтобы человечество излечилось от войны, нужно, чтобы сама эта социальная болезнь была хорошо изучена. Во всех разветвлениях науки об обществе идет сейчас детальное изучение процессов, вызванных мировой войной и ей сопутствующих. Особенное внимание уделяется подобному изучению в современных экономических науках, которым еще сейчас приходится считаться с неизжитыми последствиями мировой войны. Однако до «Социологии войны» как цельной научной дисциплины еще далеко. А между тем потребность в таковой теперь все возрастает. В моем докладе, прочитанном на праздновании столетнего юбилея нашей военной Академии, я указал, что современная наука о ведении войны нуждается для своего дальнейшего развития в создании науки о войне, исследующей последнюю как социальное явление, взятое во всем его целом. Требуется этого успешность и тех исследований войны, которые, как я говорил выше, производятся ныне в различных отраслях общественных наук. Общая наука о войне внесет тот необходимый корректив, без которого различные изыскания, произведенные каждое с особой точки зрения, осуждены остаться односторонними.

Правда, на такое примиряющее обобщение претендует общая социология; во многих читаемых ныне курсах можно встретить главы, посвященные войне. В некоторых из них они даже названы «Социологией войны». Однако всем этим почтенным попыткам недостает еще многого, прежде чем стать действительно научными. Они почти совершенно не используют ту сокровищницу опыта и знаний, которая собрана в старой военной науке. Как мы видели выше, хотя эта наука и не решалась официально выйти за рамки теории военного искусства, тем не менее, многое уже сделано для широкого научного изучения войны. В этом отношении достоин подражания пример американского гения Тейлора, отца «научной организации» промышленного производства. Свои основные идеи, по его собственному признанию, он почерпнул в германской военной науке.

Не нужно быть пророком для того, чтобы безошибочно предсказать появление в ближайшем будущем особой научной дисциплины, которая предметом своего исследования будет иметь изучение войны как социологического процесса, взятого во всем его целом.

Эта наука о войне, не преследующая непосредственно утилитарных результатов, сосредоточит всю свою работу на изучении существования, последовательности и сходства явлений войны.

Ввиду того, что эти явления подчиняются какой-то закономерности, она будет стремиться к открытию законов.

Между тем, наука о ведении войны, рассматриваемая даже с широкой лееровской точки зрения, могла позволить себе сведение сообщений только в принципы.

Различие это имеет большое значение.

Закон представляет постоянное, определенное и неизменное соотношение между явлениями природы и человеческой как индивидуальной, так и общественной жизнью, существующее благодаря постоянному и неизменному соотношению сил и факторов, производящих эти явления. Закон только утверждает какой-либо факт существования, сосуществования, последовательности или сходства явлений и никаких целей деятельности не ставит. Находясь вне всякой зависимости от нашей воли (воля является для закона лишь частью явления), закон безусловен.

Принцип же не утверждает, подобно закону, какого-либо факта, а хотя и условно, но рекомендует, чтобы нечто было. Предложение, говорит Милль, сказуемое которого выражается словами «должен быть», хотя бы даже подразумеваемое в самом широком смысле слова, отлично по сущности своей от предложения, выражаемого при помощи слова «есть» и «будет».

Принцип, согласно определению генерала Леера, представляет собою лишь некоторое научное обобщение. Он является основной идеей, которой следует держаться при решении известных вопросов военного дела. Он является регулятором для творчества, хотя и отнюдь не сковывающим последнее; в нем заключается, говорит Г.А. Леер, «только цель, которая должна быть достигнута».

Если нельзя возражать против того, что принцип представляет собою некоторое обобщение, установленное военной наукой, то опорной является его роль, как «цель, которая должна быть достигнута». Целью действий может быть только совершенно конкретная задача, которую мы должны выполнить в данном бою или в данной операции. Задача эта должна быть достигнута во что бы то ни стало, и хотя бы вопреки того или другого принципа. Если же считать, что принцип имеет непосредственное отношение к постановке цели, то это будет равносильно формулировке своей задачи так: разбить врага, выполняя тот или иной принцип военного искусства. В этом случае, вопреки предупреждениям генерала Леера, принцип окажет сковывающее влияние на творчество полководца.

Очень интересным в этом отношении примером является переписка между ген. Алексеевым и ген. Брусиловым при обсуждении плана нашего прорыва в Галиции весной 1916 года. Генерал Алексеев рекомендовал, во имя принципа сосредоточения сил,

производить прорыв лишь в одном месте, к коему и собрать все предназначенные для атаки силы. Генерал Брусилов отстаивал прорыв в четырех различных и достаточно удаленных друг от друга районах. Жизнь показала, что в сложившейся тогда обстановке прав был генерал Брусилов, а не генерал Алексеев.

Принцип не будет оказывать сковывающего влияния на творчество только в том случае, если за ним будет признано лишь условное значение приема или метода действий, а не закона, как хотел это генерал Леер.

Именно так и смотрел на роль принципа в военном искусстве современник генерала Леера германский военный ученый генерал Богуславский. Он так же, как и генерал Леер, попытался обосновать военную науку на вечных принципах. Но возможны ли неизменные для всех времен методы действий — вот тот вопрос, который возникает в том случае, если смотреть на принцип с точки зрения генерала Богуславского. Ответ на вопрос может дать только высшая наука о войне. Несомненно, что те приемы военного искусства, которые в своей высшей абстракции основываются на эмоциональных свойствах человека, — устойчивы. Чувству страха подвержены и современный цивилизованный человек, и дикарь. Но несомненно также, что некоторая эволюция имеет место и здесь, как только мы возьмем не отдельных индивидуумов, а коллективы людей. Если же мы обратимся к приемам военного искусства, обусловливаемым материальными факторами войны, то увидим, что тут эволюция происходит чрезвычайно быстрым темпом. Уже фельдмаршал граф Мольтке сказал, что тактика меняется каждые десять лет.

Эволюционная точка зрения начала разрабатываться уже с середины XIX столетия в трудах по истории военного искусства. Но претендовать на господствующее положение в военной науке она стала лишь в конце того же века.

В русской военной науке честь наиболее яркого выражения этой точки зрения принадлежит полковнику Е.И. Мартынову в его книге «Стратегия Наполеона и наших дней». Эта книга, появившаяся в печати в 1893 году, вызвала горячую отповедь со стороны одного из бывших профессоров нашей Академии генерала А.К. Пузыревского. Статья, в которой А.К. Пузыревский критиковал Е.И. Мартынова, была озаглавлена так: «Претенциозное краснбайство». Само это название, так же как и резкий тон статьи, показывает, насколько нова была идея об эволюции даже для видных представителей старой военно-научной школы. Несмотря на эту и другие замечательные работы, сделанные полковником Е.И. Мартыновым, он не был признан конференцией Академии достойным занять профессорскую кафедру и был отчислен от Академии после блестяще прочитанного им курса по истории военного искусства греков и римлян.

Теперь, после мировой войны, признание эволюционного характера военного искусства не встречает уже никаких серьезных возражений. Поэтому мы можем без дальнейших доказательств установить, что наука о войне, изучающая объективные социальные процессы, составляющие сущность войны, должна будет изучать их не только «статически», но также и «динамически». Такое изучение позволит на основании пройденного уже эволюцией пути предугадывать хотя бы в общих чертах пути, по которым пойдет эволюция войны в будущем. Для подобного изучения накопился уже богатый материал в работах по истории военного искусства. Среди них я должен упомянуть работы профессора Берлинского университета Дельбрюка.

Таким образом, вместо того, чтобы отыскивать «вечные» и «безусловные» принципы военного искусства, высшая наука о войне, или, применяя наименование, подсказанное генералом Михневичем, — «Социология войны», будет изучать законы статики, динамики и эволюции войны. Подобное изучение даст не только нужные для науки о ведении войны отправные точки, то также будет содействовать разрешению другого, столь же существенного вопроса — вопроса методологии военных наук.

Как известно, всякая наука слагается из двух факторов: 1) из ряда сведений, систематически расположенных, и 2) из совокупности методов, при помощи которых приобретаются и обрабатываются эти сведения (методология или логика данной науки).

Вполне понятно, что характер научных приемов (метод) во многом зависит от тех особенностей, которыми отличаются объекты, изучаемые в той или другой науке. А отсюда следует, что всестороннее изучение всех методов (методологии) науки, то есть изучение их со всеми особенностями, возникшими в них под влиянием особенностей объектов, изучаемых этой наукой, невозможно без знакомства с объектом исследования. Развитие методологии в любой отрасли требует развития исследования свойств изучаемого явления. Таким образом, сам прогресс прикладной военной науки, то есть теории военного искусства, в отношении своей методологии зависит от развития чистой военной науки, то есть социологии войны.

Поясним эту мысль примером.

Как часто можно встретить противопоставления, подобные следующему: дух или техника? Исходя из верной отправной точки зрения, главенствующей роли духовной стороны в явлениях войны, рассуждающие часто приходят к отрицанию техники. Подобная ошибка особенно распространена в русских военно-научных работах, но встречается она и в иностранных. Протестуя против подобных рассуждений, довольно известный французский военный писатель генерал Гаскуэнь в только что вышедшей своей книге «Торжество идеи —

1914 г.» пишет: «О, дух армии, сколько ошибок, сколько преступлений было совершено, злоупотреблено твоим именем». Для иллюстрации подобного злоупотребления можно привести следующий пример: в 1905 г., когда посылались на восток эскадра адмирала Рождественского, был сделан подсчет боевой силы флотов, которым суждено было встретиться у берегов Японии. Выяснилось, что материальные коэффициенты для русских и японцев относились, как 1:1,8. Морской министр адмирал Бирилев написал в ответ на этот подсчет, что подобные коэффициенты хороши для иностранцев; у нас же, русских, есть свой собственный коэффициент, которым является решимость и отвага.

Цусима показала, насколько адмирал Бирилев был прав в своих методах стратегического подсчета...

Ошибка в рассуждениях, подобных бирилевскому, если можно так выразиться, двухъярусная. Она лежит и в плоскости общей научной методологии, и в плоскости специальной военно-научной методологии.

Первого рода ошибка заключается в том, что нельзя при сравнении влияния одного и того же фактора подменять в то же время другой. Бирилев не имел никакого основания предполагать японцев менее решительными и менее отважными, чем нас. Находившаяся в это время в полном разгаре русско-японская война более чем ярко это подчеркивала. В рассказанном примере мы имеем дело со своего рода «военно-обывательской» военной психикой. Однако с подобного же рода ошибкой можно было встретиться и в трудах высоких военно-научных авторитетов. Многим осталась в памяти статья генерала Драгомирова под заглавием «Медведь», напечатанная в «Разведчике». В этой статье генерал М.И. Драгомиров выступал против перевооружения армии скорострельной винтовкой. В доказательство своего мнения он со свойственной ему красочностью слова рассказывал свой сон. Ему приснилось, что на него, вооруженного скорострельной винтовкой, идет медведь. Вид этого чудовища настолько устрашающе действует на стрелка, что все свои пули он сыпет мимо... Допущенная здесь методологическая ошибка заключается в том, что паника, обуявшая стрелка при виде медведя, вовсе не обуславливалась наличием в руках первого скорострельной винтовки. Поэтому нельзя основывать свое сравнение на предположении, что трус — хорошо вооружен, а выступающий храбрец — плохо. Рассуждение будет научным лишь в том случае, если для сравнения все факторы взяты равными, за исключением лишь одного, а именно того, воздействия коего мы изучаем. Таково общее методологическое основание. При изучении же явлений войны оно сильно осложняется.

Дело в том, что дух армии не есть какая-то постоянная величина. Дух армии, вооруженной хуже противника, быстро понижается после первого же серьезного

столкновения, а дух армии, лучше вооруженной, соответственно повышается. Поэтому обе армии, обладавшие в начале войны одной и той же силой духа, вскоре после начальных боевых столкновений разравниваются, причем это разравнивание духа идет двойным темпом.

По существу дела, мы имеем здесь дело с проявлением одного из общих социологических законов, установленных еще Контом, и названного им словом «*cnsensus*». Согласно этому закону, все стороны социальной жизни настолько тесно взаимосвязаны, что нельзя изменить одну из них, чтобы не изменить другой. Поэтому правильное разрешение вопроса, вроде только что нами выдвинутого, может лежать только в изыскании наиболее выгодной для данного конкретного случая комбинации рассматриваемых факторов.

Покойный маршал Форш в бытность его начальником Парижской высшей военной школы на вопрос одного из слушателей офицеров, что важнее: «количество или качество», ответил: «И то, и другое».

Дабы избежать рассматриваемой здесь методологической ошибки, Клаузевиц дал широкое развитие в своем классическом труде дидактическому методу. В каждой из изучаемых им вопросов войны он видит два противоположных полюса и отыскивает решение в примирении для данного случая этих полюсов. Иначе говоря, он применяет один из видов синтетического метода.

Необходимое преобладание в военной науке синтетического метода над аналитическим является главным выводом, который может быть сделан из многократно нами упоминавшегося классического труда Клаузевица «О войне». Этот вывод имеет тем большее значение, что в военной науке упорно господствовало стремление исследовать различные стороны явления войны порознь. Такое стремление ярко отразилось на способе пользования военной историей. При преподавании тактики и стратегии явления военной истории не изучались во всех их конкретных подробностях, а приводились лишь как специально «препарированные» примеры для подтверждения той или иной высказанной ранее мысли. При этом степень убедительности усматривалась в многочисленности приведенных примеров и в большом числе войн, из которых эти примеры брались. Подобное пользование опытом военной истории вызвало в свое время протест Клаузевица. «Много изучать историю (военную), — пишет он, — необходимости нет; полное и подробное знание нескольких сражений полезнее, нежели поверхностное понятие о многих кампаниях. Поучительнее, поэтому, читать частные описания или дневники, встречающиеся в периодических изданиях, нежели собственно исторические книги».

С большим трудом перестраивалась в XIX веке военная наука на изучение каждого из явлений войны, взятого во всем его конкретном целом.

Несомненно, что в засилии анализа в старой военной науке нужно также видеть причины сопротивления, которое встретило проведение прикладного метода в обучении теории военного искусства. Основная идея этого метода заключается в том, что обучать военному искусству можно лишь практикуясь в отыскании наиболее выгодной комбинации факторов боя или войны для достижения поставленной цели. Изучение же подобных комбинаций возможно лишь при подробном изучении во всей их конкретной обстановке частных случаев, взятых из военной истории или созданных в виде задач или военной игры.

Основные идеи прикладного метода непосредственно вытекают из сущности труда Клаузевица «О войне», в особенности из его синтетического подхода к изучению явления войны.

Первой на путь прикладного метода в науке о ведении войны вступила германская военная школа, так как в ней раньше и полнее, чем где бы то ни было, сказалось влияние учения Клаузевица. И несмотря на это, один из ближайших сотрудников фельдмаршала графа Мольтке генерал Верди-дю-Вернуа, который может почитаться отцом прикладного метода, встретил большие затруднения в проведении этого метода в жизнь.

Во Франции потребовались сплошные поражения в войну 1870–1871 гг., чтобы прикладной метод получил должное господствующее положение.

У нас же даже поражение в войну 1901–1905 гг. оказалось недостаточным для того, чтобы прикладной метод был окончательно признан.

Тщательные поиски основной идеологической причины, вызывавшей такую сильную оппозицию проведению прикладного метода в жизнь, показывают, что такой являлось представление, что главнейшей задачей теории военного искусства является отыскание вечных и безусловных принципов военного искусства. Противники прикладного метода боялись, что военная наука, сосредоточив свое внимание на изучении «частного случая», станет от этого настолько близорукой, что не в состоянии будет увидеть общих идей. Они не заметили при этом одного существеннейшего обстоятельства: появление труда Клаузевица «О войне» явилось началом расчленения военной науки на две отрасли военного знания.

Одна из этих отраслей, благодаря отказу от преследования непосредственно утилитарных задач, получила возможность сосредоточить все свое внимание на исследовании объективных процессов, вызывающих войну и сопутствующих ей.

Другая из этих отраслей военного знания путем отказа от отвлеченностей получала возможность сосредоточить все свои усилия в изучении умения воздействовать на явления войны.

Дальнейшее развитие науки о войне, которое выразится в рождении социологии войны, неминуемо будет содействовать приобретению науками о ведении войны все более и более практического характера.

(Головин Н.Н. Наука о войне // Часовой. 1933. № 100–103).

ПОЛЧИЦА

А. Геруа

В армиях Персов было
слишком много людей и мало
солдат.

Геродот

...Важнейший вывод войны — несомненно несоответствие ныне действующей Шарнгорстовской системы европейских армий всей современной государственно-социальной структуре, которая сама рискует погибнуть от практики этой системы, если не догадаться изменить ее вовремя, пока не поздно.

Выяснить свойства этой угрозы современному обществу и наметить меры по предотвращению ее и составляет главнейшую задачу настоящих строк.

Это невозможно сделать без исторических экскурсий и параллелей, без выводов из современного боя и нынешней войны и без изучения психологических особенностей армейской массы и среды, ее породившей, т.е. всего народа.

Молниеносный развал самой могущественной в мире армии, русской, должен при этом послужить тем более поучительным примером, что ни одна из европейских армий, построенных на началах системы вооруженного народа, не может считать себя обеспеченной от подобного же развала при подобных же обстоятельствах. Примеры тому: Германская и Австро-Венгерская армии, а также победоносная французская армия в Одессе в 1918 году и французский флот в том же году в Севастополе.

Наконец, явление новейшего времени — быстрое самообразование самочинных вооруженных организаций (Красная армия, Зеленая армия, отряды разных случайных вождей — Троцких, Камелей, д'Аннунцио и др.), всегда готовых служить целям развала или насильственного изменения существующего государственного порядка и социальной системы, также нельзя оставить без надлежащего обследования и освещения.

Причина всех этих уродливых явлений кроется в самой природе современной войны и нынешней вооруженной силы. Суммировать эти причины и будет важнейшей подсобной целью автора.

Мы переживаем тот исторический момент, когда боевой опыт дал все, что нужно, чтобы организатор мог и сумел перейти от ныне действующей, уже устарелой формы вооруженной силы, насчитывающей за собою столетнюю давность и безусловно клонящейся к упадку, к новой, более современной.

Таковой она должна сделаться не только по своему внутреннему устройству (здесь важны указания боевой практики), но также по своему отношению к государству и связи своего управляющего аппарата с центральной властью страны (тут необходим политический опыт).

На это последнее обстоятельство во Франции обратили особое внимание еще во время самой войны, убедившись из горькой практики, что военная диктатура слабее сочетания ее с парламентскими органами, которые одни могут дать армии необходимую ей связь с промышленной и экономической деятельностью государства, без чего ныне ведение успешной войны невыносимо. Только они обеспечат такую самокритику, без которой невозможно совершенствование во время самой войны, и, притом, без выноса сора из избы.

Пределами области войны не ограничивается содержание предлагаемого труда. Он касается сверх того и насущного вопроса разоружения или, по крайней мере, сокращения вооружений, указывая вернейший путь к тому через новую военную организацию, составлявшую отступление от существующей, которая одна и служит главнейшей причиной вооружения до возможного и иной раз невозможного предела. Просто до крайности наивно приступать к обсуждению вопроса ограничения вооружений, не поднимая в то же время и вопроса об упразднении всеобщей, обязательной и одинаковой для всех граждан воинской повинности. Предлагаемый труд к выводу о необходимости и неизбежности этой меры выходит двумя путями: путем, приводящим к заключению о ненужности этой системы для внешней обороны, и путем, указывающим на угрозу, кроющуюся в ней, для внутреннего мира каждой из стран.

В заключение о предлагаемой работе можно закончить словами Абея Ферри, депутата французской палаты, министра, члена парламентских комиссий во время войны и капитана, геройски павшего в бою во главе своих пуалю, записки которого по завещанию недавно появились в печати.

«Это для грядущих поколений крик болезненно пережитого опыта».

Идеалы борьбы

Прежним наемным (на Западе) или наборным (в России) армиям вместо идейной подготовки не нужно было ничего, кроме приказа о выступлении. Остальное являлось само собою в силу естественного у профессионалов стремления применить на практике свое ремесло. В нынешних народных ополчениях этот простой способ неприменим: они могут

драться и хорошо драться только за понятные им идеалы и дорогие им принципы или близкие каждому из них выгоды.

В противном случае, под влиянием тяжелых испытаний войны и неизбежных во время нее разочарований, деморализация современной армии неотвратима. Лучшей иллюстрацией этой мысли может служить пример Русско-Японской войны, во время которой даже развитая часть русского общества разделилась на два лагеря: сторонников и противников войны и даже победы; когда по мнению одних было «чем лучше, тем лучше»; по мнению других — «чем хуже, тем было лучше». Но идейной подготовки одной интеллигенции для удачного ведения войны далеко не достаточно. Нужна еще современная обработка всей толщи народной массы, а для этого необходимо или продолжительное время, или сильный, хотя бы и кратковременно, действующий импульс (оскорбление народного чувства, возбуждение религиозного экстаза во имя нового идеала и т.п.). Когда эта обработка массы производится преднамеренно, нужно единство идейной пропаганды, а также и немалое время.

В России... была сильнейшая в мире армия, но не было обращено никакого внимания на политическое воспитание народных масс со стороны правительства, и эта армия рассыпалась в несколько недель под влиянием обратной пропаганды врагов современной государственности, игравшей на самой легкой струне для толпы — упразднения задерживающих центров, освобождении от обязанностей, на несбыточных обещаниях о земном рае через простейшие для толпы способы, через грабеж и через убийство как средство для него; словом, игра на психологии обычного домашнего вора...

Современный русский в своей главной массе — человек практичный и ум утилитарный. Его увлекают не столько сентиментальные симпатии, сколько явная выгода вседневной жизни и прямой интерес. Он хочет жить по-современному и чувствовать себя даже в глухом уголке своей родины, как можно чувствовать себя в любом месте культурных стран. В этом желании, конечно, если хотите, много узкого эгоизма, но подобный эгоизм, опирающийся на темперамент движения, обозначает путь к прогрессу.

Вот почему, между прочим, лозунги, выдвинутые Деникиным, «Великая, единая и неделимая Россия», невзирая на всю их высоту и ширь, говорили мало уму в сердце современной русской массы, в особенности когда она рассмотрела, что многие шедшие за этим священным стягом только прикрывались им в своих аппетитах циничной низости: их желание простой и спешной наживы было, в сущности, грубым исповеданием того же, к чему устремились и темные массы толпы.

Масса в России слепо ведется за тем, кто поведет ее по пути государственного и экономического процветания и сумеет добиться этого творческой работой, а не одними громкими фразами.

Имеется ли на это надежда? Да, имеется. Тому доказательство — та же русская литература и даже сама жизнь. Гоголевский и грибоедовский «пошляк», не признающий своей пошлости, сменился чеховским «пошляком», уже недовольным собою, и «пошляком» Максима Горького, очень собою довольным, даже самодовольным в своем круглом невежестве. Для обоих последних типов московская встряска последнего времени самая здоровая, но уже не литературная, а жизненная и притом игровая критика. А всякая критика ведет к прогрессу. Мы накануне открытой борьбы с «пошлостью» в России. Лишь на этом пути дорога к ее возрождению...

Если русская семья недостаточно готовила своих членов к самоотверженному подвигу во имя патриотизма и любви к своей родине, то внешние формы русской жизни работали в этом отношении не лучше. Нужно признать, что собственность — надежнейший проводник идеи об отечестве. Так естественно от мысли о своем доме перейти к представлению о родине. Все интернациональные стремления современности гнездятся в среде, лишенной собственности, между рабочими. Русская главная масса населения, крестьяне, до последнего времени были традиционно лишены собственности, а следовательно, и всяких идей и представлений, связанных с нею, в том числе и идеи об отечестве.

Сверх того они не имели и другого воспитывающего средства в этом отношении — правовых представлений. Сумбур низшей администрации страны культивировал грубейшие формы права, граничившего с бесправием. Отсюда присловье — «в бараний рог согну» — сделалось как бы аксиомой наиболее распространенного метода административной мудрой распорядительности и энергии. Отсюда пословица безнадежности народной «От царя далеко, до Бога высоко».

Отсюда полная пессимизма поговорка «Бог правду видит, да не скоро скажет». В этом скептицизме народной массы, выношенном веками, приходится искать корни того равнодушия к судьбам своей родины, которое характеризует современного русского в самой гуще населения. Этот скептицизм был тем более безнадежен, что главная масса населения, вследствие своего невежества, оставалась чужда достаточно уже богатой русской литературе и работе русской мысли во всех областях знаний, а блестящая тысячелетняя история страны для нее оставалась белым листом бумаги...

Если на Западе трудящиеся путем медленной социальной и капиталистической эволюции пришли к той грани, на которой правительства должны серьезно заняться

решением вопроса о реформе в духе новых представлений о коллективе, об участии рабочих в выгодах производства и пр., то в России народ еще не только не подошел к этой роковой черте, но еще не дожид до примитивного представления о единстве своей родины. «Единая, неделимая делается только тогда популярной, когда “на Руси будет жить хорошо”»⁹⁹. Только после этого можно ожидать зарождения в России среди ее масс представления о патриотизме...

Ударившись в коммунизм, русская народная масса внутренне глубоко чужда ему и его идеалам. Не изжив еще этапы, уже пройденные Западом, Россия не может ничего дать движению в пользу борьбы с капиталом и отрицания современного государства. Русское равнодушие к идее отечества совсем, как мы видели, иного происхождения: оно еще не дожило до патриотических представлений, тогда как на Западе начинают их уже изживать.

Несчастье большевистских руководителей в России в том и заключается, что они вынуждены производить свой опыт в стране, находящейся еще в первичной стадии развития социальных и экономических представлений...

Если хотят, чтобы армия не сделалась игрищем страстей, настоятельно необходимо начать немедленную борьбу с этой угрозой.

Как бороться с этим злом? Бороться должно и вполне возможно, как это будет видно далее. Средство — организация армии, соответственно и резко измененная по сравнению с нынешней.

В сущности, если в России большевизм имеет успех, то только потому, что экономическая задача там оказалась решенной из рук вон плохо, а если на Западе призывы Москвы остаются пока без достаточно широкого отклика, то только потому, что пока прекрасная демократическо-экономическая система государства не поддается покушениям коммунистов.

Нужно провести резкую грань между большевизмом и коммунизмом...

Русский простой народ давно разобрался в этих оттенках, и в его среде очень популярно положение: «За большевиков, но против коммунистов». Эта фраза показывает, что народу все еще мил большевик, как возбудитель и организатор того гнева народного, который привел его к бунту, до сей поры еще не изжитому, тогда как коммунизм решительно отбрасывается той же русской народной массой.

На Западе положение совершенно обратное: пока нет еще желания бунта, но огромным слоям населения все более и более симпатичны идеи борьбы с капиталом при посредстве коммунистических теорий. Здесь пока все усилия направлены к торжеству последних

⁹⁹ Некрасов.

эволюционным путем, и эта стадия развития вопроса может даже восторжествовать без революции, если не случится какого-нибудь неразрешимого экономического краха в мировом масштабе, что, конечно, далеко не невозможно, имея в виду неизжитые по сей день последствия войны.

Задача Москвы — ускорить этот крах при посредстве поддержки войны, задача Запада — избежать этого путем своей экономической политики. Оба противника идут наперегонки, причем нельзя не признать, что задача Москвы куда легче в прощ, чем задача культурного Запада. Перед вторым — трудный путь созидания, а перед первым — широкая дорога к разрушению.

В отмеченной схеме работе Москвы отвечает организация современного большевизма: для бунта — московский совет народных комиссаров, для мировой революции — петроградский III интернационал. В то время как советы куют оружие, интернационал кует идеал. Орудие советов — власть, орудие интернационала — пропаганда. Оба представляют собою два стремена седла, в котором сидит новейший Атилла...

Сущность новейшей социальной борьбы, конечно, не в завоевании надлежащего места труду. Оно уже завоевано усилиями французских революций, которые, в сущности, в течение прошлого столетия представляли одну общую революцию против привилегий и за труд.

Новая борьба, совершающаяся у нас перед глазами, есть борьба лишь «за собственность» и более равномерное ее распределение. Именно этот стимул вздымает массы в России (и тут цель уже достигнута путем насилия), этот же стимул будет достигаться и на Западе (и тоже путем насилия, так как человек без него не расстается с собственностью)...

Совершенно так же, как во время Великой Французской революции, длившейся почти столетие, пароксизмы насилия сменялись периодами эволюционной работы, то же повторится и в наше бурное время, но в еще более трагических тонах. Это будут приливы и отливы, беспрестанно чередующиеся и друг друга нередко смывающие. И они уже начались. Гражданская война в России, революционные вспышки в Германии, революции коммунизма в Венгрии, повсеместные обширные забастовки, войсковые бунты и «недоразумения» в армиях разных стран, не утихающая война в Малой Азии, восстания в Ирландии, Египте, Индии, голод в России, неудачные экономические эксперименты почти всех правительств Европы.

Гром уже гремит, молнии режут черное небо, а «мужик все не перекрестится», как ему рекомендует русская поговорка.

Среди этой бури идей армия-народ со всеми его чаяниями, со всеми его особенностями, со всеми его заблуждениями не может оставаться безучастной зрительницей. Когда придет роковой час бурного прилива и когда правительственная власть принуждена будет, чтобы не быть смытой партией, прибегнуть к своей опоре — армии, поздно будет сравнивать ее — «како веруем»? Этот вопрос необходимо решить немедленно. Чтобы быть готовым к минуте действия, нужны долгие сроки размышлений.

Правда, с идеями, по выражению Императрицы Екатерины Великой, пушками не сражаются. И после этого мудрого изречения было бы глупо проповедовать что-либо противоположное. Но еще во много раз глупее готовить свои пушки на службу единой воинственной партии, которая собирается вооруженным путем навязать свои идеи массам по тому образцу, как это уже сделано в России, где ничтожное меньшинство держит в руках большинство народа вопреки его воле. Правда, все это непрочное и должно в один прекрасный день рухнуть, как и всякая власть тирана, безразлично, будь она единоличная или коллективная, но беда в том, что еще ранее рухнуло благосостояние огромного, цветущего государства, и неслыханные бедствия привели всю страну в состояние первобытного одичания...

Пора отдать себе ясный отчет в том, что партии со всей гаммой своих пестрых красок широкою волною вливаются в современную армию. Внутри нее идет глухая работа мысли и чувства, лишь искусственно сдерживаемая внешними формами организации. При таких условиях даже взрывы внутри самой вооруженной массы вполне возможны, не говоря уже о том, что всякий внешний взрыв в толще народа сейчас же детонирует и в рядах воинства. Напрасно думать и надеяться, что цивилизованный мир чужд психологии русской массы. Запад удерживается от чего-либо подобного русской печальной действительности не вследствие утонченности своего умственного развития, а потому, что «экономический кризис» все еще удается канализировать без болезненных трещин. Следовательно, все видимое относительное благополучие Запада надо искать в его «желудке». Но сколько времени продолжится неустойчивое равновесие этого «желудочного вопроса», никто не скажет.

(Геруа А. Полчища. София, 1923. С. 7–9, 74–100).

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ ДО МИРОВОЙ ВОЙНЫ

П. Залесский

Окончив Михайловское артиллерийское училище в 1888 году я, еду на службу в одну из конных батарей Варшавского военного округа, рисовал себе тесную и дружную офицерскую семью, всецело поглощенную интересами военной службы, а сию последнюю полагал как вполне законченную военную систему — воспитания и обучения.

Все обдуманно «там», думал я, — все на своем месте и все имеет одну цель — войну.

Каково же было мое удивление, когда я очень скоро убедился, что о «войне» нет и помысла. Все мысли, все силы и заботы были направлены на «хозяйственные» интересы, и притом не казенные, не общие, а личные интересы командира батареи! Вспоминали иногда про начальство: приедет ли, и когда; если приедет, то как его «принять», ублажить, как «втереть ему очки в глаза»? Мой командир батареи полковник Ос...ий смотрел на вверенную ему часть, как на свою собственность. Достаточно сказать, что все казенные суммы хранились не в денежном ящике, у которого стоял часовой (непонятно — зачем), а в спальном комнате командира, в чулке его жены, которая исполняла обязанности денежного ящика и часового по отношению всех денег — и казенных, и личных полковника О...го; и что часть батарейных лошадей и людей находилась в имении командира батареи где-то на юге России.

Понятно, что при таком взгляде на казенное имущество все в батарее велось так, чтобы любопытный, хотя бы и неопытный, глаз офицера не проникал бы в тайны батарейных дел. Вот почему офицеры были почти свободны от занятий; таковые производились вахмистром, унтер-офицерами и старым берейтором. Занятия велись больше всего как-то по «преданию», передавая знания от поколения к поколению...

Помню, как старый поручик К-й радовался всякому празднику и воскресному дню, говоря: «Слава Богу — завтра праздник».

— Чему Вы радуетесь? — удивленно спросил я. — Ведь и в будни Вы также ничего не делаете?

— Видите ли, в праздник я не работаю для службы на законном основании, а в будни чувствую какую-то неловкость, — ответил он мне.

Пытался и я внести свою лепту военных познаний, занимаясь с солдатами; но скоро мне дали понять, что в моих услугах не нуждаются и что я должен являться только в строй батареи, когда то будет указано приказом батарее. Осекшись в своем служебном рвении, я

принялся обучать солдат... малороссийским песням и бальным танцам! Это не анекдот. Танцам обучать разрешалось, и вся батарея танцевала отлично... мазурку, вальс, кадрили, польку камаринскую!.. Я мог бы рассказать много забавного, пахнущего анекдотом, о первых годах службы, но сейчас — не до анекдотов, не до смеха...

В первый же год службы я натолкнулся на две основные черты русского военного быта: эксплуатацию служебного положения и казенных средств в интересах частной личности и профессиональное невежество.

В дальнейшем я убедился, что оба эти свойства, в большей или меньшей степени, составляют принадлежность всего русского чиновничества — и военного, и невоенного. Министры пользовались целыми домами с обстановкой, причем комнаты отделялись по их вкусу и заказу, а чиновники «для поручений» и «личные» и неличные адъютанты служили им, как лакеи и «посыльные»; поездки совершались с крупными «прогонными» деньгами, пользуясь в сущности даровым проездом и роскошными «приемами»... То же делалось, конечно, и всеми чиновниками по нисходящей лестнице, включительно до вахмистров и каптенармусов, кои тянули лишнюю и лучшую «порцию» из общего котла, имели неположенного им «денщика», содержали свиней и домашнюю птицу на артельные «остатки», получали лишнее обмундирование и т.п. Все, что могло и хотело, пользовалось казною в своих интересах. А «могли» все те, кто распоряжался хоть небольшим имуществом или деньгами («кормил хоть казенного воробья») или влиял на судьбу таких «распорядителей», а «хотел»... хотели очень и очень многие.

Доказывать эти печальные выводы фактами — значит ломиться в открытую дверь.

За 35 лет службы я встречал очень мало людей, которые не пользовались своим положением и казенным имуществом, хотя бы только для увеличения своего конверта и представительности (автомобили, экипажи, лошади и проч. и проч. — не назначенное для частных надобностей или несоответственно высоким качеств). Конечно, такие люди были — и по приверженности к принципу и по богатству не имевшие привычки пользоваться казенным имуществом выше законной нормы; но они не были в большинстве. Несомненно также, что и уродливый тип моего первого командира батареи не был весьма распространен; но он имел довольно много единомышленников и подражателей, особенно среди людей «доброе, старого времени», когда кавалерийские части давались самим Императором Николаем Павловичем «для поправки» дел разорившегося воина.

Явление, мною подчеркнутое, т.е. эксплуатация служебного положения и казенного имущества в личных интересах служащих, было и, вероятно, есть везде (а в России сейчас оно приобрело особенно выпуклый вид). Но чем культурнее общество и чем деятельнее и

честнее власть, тем менее простора для таких ядовитых и расслабляющих явлений. В России подобные явления не находили — ни соответствующего воздействия власти, ни ее надлежащего примера, ни должного осуждения в обществе.

От легкой эксплуатации казенного имущества некоторые переходили и к более крупным злоупотреблениям: взяточничеству и воровству (растратам), которые не всегда кончались судом, а иногда — только удалением виновного со службы...

Однако материальная недобросовестность есть качество, с коим многие честные люди мирятся: «пей, да дело разумей», вспоминают они по этому случаю, и я готов бы с ними согласиться (хотя и добавил бы: «кради, но не до бесчувствия»).

Великий Император французов прощал своим талантливым и дельным генералам, когда обнаруживал их грехи в области стяжания и жадности. И все мы часто прощаем людям их слабости, если видим их таланты, даровитость и приносимую общему делу пользу.

Но ужас русской жизни состоял именно в том, что незнание своего дела было качеством еще более распространенным, чем материальная недобросовестность!

Мой первый командир батареи — типичный скаред и стяжатель, всецело был погружен в хозяйственные соображения; для него военное дело было излишней ношей, и надо отдать ему справедливость — в этом деле он был невинен, как младенец. Но также невежествен в сущности, был и другой мой начальник — блестящий полковник О...в — знаток лошади, отчасти манежа, и только. Так же малосведущ даже в артиллерийском деле был и третий командир батареи — скромный и честнейший полковник Д. Но что печальнее всего и что является объяснением (причиною) невежества низов военной иерархии, это то, что первые два командира были на очень хорошем счету у начальства, коему они артистически «втирали очки в глаза». И добро бы, если бы делал это только полковник О-в — отличный ездок, представительный мужчина; но ведь это делал и кикимора О-й. Да еще кому втирал он очки? Самому фельдмаршалу И. Вл. Гурко — боевому генералу, грозе Варшавского округа!

Как делалась эта операция — для нас, вкусивших плоды от всех русских «операций», — не важно.

Важно то, что сверху предъявлялись требования, не имевшие ничего общего с будущими военными действиями (по тому времени — русско-японской войны) и что поэтому люди, совершенно не знакомые с военным делом или мало знакомые с ним, могли удовлетворить и даже радовать грозное начальство.

Требования эти базировались на старых, давно отживших тенденциях и формулах, и выражались почти исключительно в декоративных действиях, а зачастую в простом обмане или самообмане. На военном поприще не требовалось глубоких знаний военного дела,

проникновения во все его изгибы и тайники. В низах иерархии требовались покорность и услужливость, а на верхах — изворотливость и умение приспособляться.

Так делались карьеры.

В эти области текла мысль и энергия русских людей.

Не удивительно, что даже в 1908 году собрание офицеров Генерального штаба Н-ского округа, руководимое самим начальником Генерального штаба ген. П-м, представляло жалкую картину бедности знаний во всех областях военного дела, не исключая даже области своего полевого устава, а о новых тенденциях и приемах в деле применения средств войны и говорить нечего. (На этом занятии я впервые увидел генерала Алексеева — правую руку генерала П. Его считали почему-то «выдающимся» генералом. Но генерал этот не внес ни одной мысли на занятие; он попросту не произнес ни одного слова и на меня произвел удручающее впечатление).

Не удивительно также, что в том же году на занятиях кавалерийских начальников всего округа и командиров армейских корпусов генерал Брусилов одобрительно слушал доклад полковника Б. о том, что в будущей войне конная артиллерия будет «выскакивать из-за флангов кавалерии» или «в интервалы между ее частями» и т.д. И весь этот вздор и другой, ему подобный, говорился в течение 10 дней в присутствии громадной аудитории, после опыта русско-японской войны! И возражал только один человек, хотя сочувствовали ему многие; но никто не желал подвергать себя неприятностям столкновения с влиятельным командиром корпуса (Брусилов командовал тогда 14 арм. корпусом). Как характерно для этой обрисовки русской военной жизни и навыков! Карьера прежде всего. И карьера делалась не знанием дела, не защитой своих убеждений, не очищением истории от лжи и преувеличений реляций, не осуждением старых приемов и выдвижением им на смену выводов, отвлеченных из группы правдивых фактов... Карьера делалась угодливостью, покорностью, непотворением и даже просто молчанием... А поэтому и военное дело не изучалось серьезно, никто не углублялся в него; никто не разбирался в прошлом так, чтобы отделить вымыслы от правды и сделать эту правду поучительной для будущего...

О, это прошлое! Если бы мы знали его? Если бы знали его не по Иловайскому и другим «казенным» книжкам, а по-настоящему — осязая причины и следствия — мы не получили бы нынешнего позора и страданий! Если бы вместо изучения хронологии о вступлении на престол того-то и того-то, о победах и мирных договорах мы изучили бы историю борьбы в России неимущих с имущими, голодных с сытыми; если бы мы знали по-настоящему, что такое бунт Стеньки Разина, Емельки Пугачева, восстание казаков против Польши в 1648 году, гайдамацкие набеги, — мы не вели бы себя так легкомысленно в течение целого века!

Мы знали бы хорошо — почему и Разин, и Пугачев, и казацкие вожди находили себе сочувствие в народной массе — темной, бесправной, озлобленной и жестокой. Мы уменьшили бы темноту, бесправие, озлобленность и жестокость народную и сделали бы из народных масс своего друга и преданного сожителя, а не врага и завистника... И тогда не страшны были бы ни призывы Разина, Булавина, Пугачева, ни зажигательные речи мечтателей XX века.

Если бы мы изучали добросовестно тяжкие победы Петра Великого (под Полтавой Петр с 63 тысячами едва не был разбит 13 тысячами шведов!) блестящие успехи Суворова (конечно, бее ненужных преувеличений); посредственные действия русских армий в 1812–14 годах и совершенно неудачные действия ее в 1854–56, в 1877–78 и в 1904–05 годах, то мы прониклись бы энергией и организационным упорством Петра; подвижностью, глазомером и решительностью Суворова; глубоким и твердым сознанием вреда, приносимого всем от интриг, карьеризма, профессионального невежества, отсутствия народного воспитания и преданности общему делу, т.е. всего того, что создало нам Аустерлицы, Фридланды, Плевны, Мукдены...

Прошлый опыт нужно изучать добросовестно не для того только, чтобы знать, как применить орудия войны, но и для того, чтобы знать: как их готовить, как воспитать и учить людей, чем и как их снабжать, как пополнять снабжение, как эвакуировать все пришедшее в негодность, а главное — как влиять на людские массы.

На все эти вопросы в России не было точного и продуманного ответа. Русская армия не знала в сущности, что такое она сама и для чего она существует, формула — «для защиты Царя и Отечества от врагов внешних и внутренних» — слишком неопределенна и растяжима, а состав армии и ее порядки совершенно не соответствовали ее задачам даже в узком смысле вышесказанной формулы: такая армия не способна была защищать ни Царя, ни Отечество от каких бы то ни было врагов, что доказала блестяще и под Аустерлицем, и под Фридландом, и под Плевной, и в Крыму (1855–56) и в Манчжурии. И, наконец, в мировую войну 1914–16 гг., и в дни «бескровной» революции! Короче говоря: в России не было не только правильной, но и вообще никакой военной доктрины.

Под «военной доктриной» я разумею: принципы для работы на войне, принципы (главные положения) для подготовки в мирное время всех средств и деятелей войны (всех ее факторов); ясное сознание, что армия существует для войны, как часть народного хозяйства, обеспечивающая государству самостоятельное существование.

Военная доктрина должна явиться результатом глубокого знания военного дела вообще, а своего отечественного в особенности, но без скрывания недостатков прошлого, а

наоборот — с твердым намерением отделаться, освободиться от этих недостатков. Прошлое должно быть изучено честно, с полным очищением его от лжи, реляций и прикрас казенных историков: чтобы совершенствоваться и побеждать — надо знать свои слабые стороны и стараться уменьшить их число и силу влияния на наш организм.

Выработанная таким образом «военная доктрина» данной армии должна быть катехизисом, обязательным для всех. На нем должны базироваться все уставы, наставления, учебники и пособия для подготовки войск. Отделу моральному должно быть предоставлено главное место, ибо воспитание войск и народа важнее для войны, чем обучение и материальная подготовка: можно знать все и быть хорошо снаряженным и — не хотеть жертвовать собою, и даже не хотеть подвергать себя лишениям и тягостям, всегда сопряженным с добросовестным исполнением обязанностей на войне.

А потому, обучая и живя, надо пользоваться каждой минутой для воспитания войск в духе добросовестности, смелости и преданности интересам общего дела.

Современные национальные (не наемные) войска должны состоять из работников общего дела, должны защищать общие интересы. Это сознание должно быть цементом армии и в то же время — руководящим фактором для направления действий и отношений всех чинов, всех рангов армии. Все должны быть работниками одного дела. Разница лишь в ролях: один стоит у руля корабля, другой — на вахте, третий — у машины, четвертый — у топки и т.д. Но у всех должна быть общая цель, общие интересы, общий кодекс законов, общие взгляды на дело и общие, одинаково усвоенные приемы при исполнении работ. Я не говорю, конечно, о деталях: они должны быть разнообразны до бесконечности, так как зависят от бесконечно разнообразной обстановки. Каждый работник, стремясь к выполнению поставленной ему частной задачи, наилучшим образом будет приспособлять свои знания и силы к условиям обстановки: ясно сознавая цель — всегда можно найти средства для ее осуществления...

Воспитывать надо не только словом, но и делом — каждым требованием, предъявленным подчиненному лицу и каждым шагом самого начальника (примером).

Всего этого в России не было.

(Залесский П.И. Возмездие. Берлин, 1925. С. 61–73).

НАЧАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СТРОИТЕЛЬСТВА БУДУЩЕЙ РУССКОЙ АРМИИ

А. Байов

I

«Пребывая в мире, нельзя забывать о делах воинских, чтобы не случилось с нами того, что с монархией греческой». Так сказал свыше 200 лет тому назад наш Великий Царь Петр I, отвечая на радостные поздравления его птенцов с заключением Ништадтского мира, закончившего долголетнюю войну со Швецией и утвердившего Россию на берегах Балтийского моря.

Эти мудрые слова Великого Петра не следует забывать нам и теперь, ибо несомненно, что несмотря на существование Лиги Наций, различных официальных, полуофициальных и частных всякого рода организаций и отдельных лиц, борющихся за вечный мир и проповедывающих его; несмотря на различные договоры о ненападении; несмотря, наконец, на недавние международные постановления считать войну вне закона, защита существеннейших интересов народов и государств, решение ими их основных исторических задач, обеспечение национального их роста и всестороннего развития — могут быть достигнуты, по выражению создателя Германской Империи Бисмарка, лишь «кровью и железом».

Для достижения указанных целей война есть единственное и притом нравственно законное средство. И это потому, что хотя она для данного и, быть может, ближайшего одного-двух поколений несет ужас личного горя, несчастья и печали, экономическое расстройство, ослабление материальных сил, понижение морали и огрубение нравов, но в то же время она благоприятствует развитию и выявлению лучших сторон человеческой души, пробуждает героизм, жажду нравственного подвига, готовность жертвовать собою для других и ради высших национальных целей, она научает многому полезному, она заставляет народы более напряженно работать в производительном труде и, давая возможность отдельным государствам и народам достичь их национальных стремлений и задач, способствует в конце концов развитию материального и морального прогресса человечества вообще.

Вечный мир возможен только на кладбище. Все живое стремится, с одной стороны, сохранить себя, а с другой стороны, обеспечить существование и получение наивысших во

всех отношениях благ для себя и для своего потомства, и за них готово бороться всеми силами.

И никакие Лиги мира и тому подобные организации, никакие договоры, признающие войну преступлением, не заставят народы отказаться от права на эту борьбу, от права на войну, когда дело дойдет до их жизненных и высших национальных интересов.

Недаром ныне, когда больше, чем когда-нибудь, идут разговоры о вечном мире, проповедуются учения, организуются разные союзы и заключаются всевозможные договоры против войны, все государства напрягают свои силы к тому, чтобы быть готовыми к войне, быть лучше других подготовленными к ней, — одни для сохранения и обеспечения своего настоящего положения, другие для достижения своих национальных стремлений и потребностей, третьи для получения первенствующего и даже мирового значения в соответствии с материальной и духовной мощью народов, их составляющих.

Раз это так, то вопрос о подготовке к войне во всех отношениях, об организации победы над теми, кто сможет и захочет помешать осуществлению тех или иных из указанных выше задач, приобретает действенное и притом весьма важное значение.

Особенное значение этот вопрос приобретает для нас, русских.

Историческая жизнь России на путях осуществления ее материальных и духовных национальных интересов одиннадцать лет тому назад была остановлена и даже повернута на много лет назад. Россия потеряла даже свое более чем тысячелетнее имя.

Национальный дух народа, его русская стихия, сознание своего исторического предназначения и своего значения среди других народов, ощущение своей физической и моральной мощи, своей даровитости и талантливости, верная оценка своей духовной организации, отличной от таковой других народов, не сегодня-завтра заставят русский народ, сбросив всякого рода путы, его ныне связывающие, вернуться на прежний исторический путь, к решению национально-органических своих задач, и прежде всего для того, чтобы возвратить России ее славное и дорогое для нас имя, занять среди других государств подобающее ей место, развернуть во всю ширь ее материальные возможности, дать выявиться в полной мере ее духовным богатствам и, в конце концов, выполняя миссию, возложенную на нее свыше, и руководясь истинами Православия, вести человечество к духовному совершенствованию.

Без борьбы внутренней и внешней, т.е. без войн гражданской и международных, добиться этих целей не представляется возможным.

Таким образом, России уже в ближайшем будущем предстоят войны и притом многочисленные и очень тяжелые.

Чтобы победить в этих войнах, России нужна организация соответствующих общих и специальных средств и нужно умение использовать эти средства в определенном направлении.

То и другое составляет задачу военного искусства.

Военное искусство, как по своим задачам, так и по своей цели, представляется искусством чрезвычайно сложным и трудным; и, несомненно, поэтому как организация средств войны, так и использование их для ведения ее — не могут производиться без определенной системы, без какого-либо плана, случайно, без направляющей идеи.

Такая система, такие руководящие идеи в военном искусстве, как, впрочем, и во всяком другом, могут быть установлены лишь при наличии основных положений, принципов или законов, основанных на природе вещей и на естественном взаимоотношении явлений, вытекающих из этой природы.

Наличие таких принципов (законов) признается всеми великими практиками военного искусства — великими полководцами, а также всеми первоклассными теоретиками военного дела — выдающимися военными учеными.

Великие полководцы силою своего гения интуитивно постигали эти принципы, сознательно на практике устанавливали их наличие и давали блестящие образцы их использования.

Выдающиеся военные ученые, изучая деяния великих полководцев, а также других военачальников, исследуя возможно большее число войн, в свою очередь убеждались в существовании законов военного искусства, вскрывали их сущность, точно формулировали их, делали познание их доступным для всех и наглядно доказывали, во-первых, что принципы военного искусства постоянны и неизменны и что только применение их различно, в зависимости от сложившейся обстановки, и во-вторых, что только следование принципам военного искусства и умелое применение их соответственно обстановке — приводило к боевой удаче, а нарушение принципов, забвение их приводило неминуемо к неудаче.

И эти положения справедливы при всякого рода войнах, при самых разнообразных условиях вооруженной борьбы, при боевых действиях различного характера — будут ли это войны международные или гражданские, ведется ли вооруженная борьба в местности обыкновенной, в горах, степях, в местности лесистой или болотистой, происходят ли боевые действия в поле, под крепостями, на разного рода укрепленных позициях, большими или малыми силами, наступлением или обороной, регулярным способом или партизанским.

К сожалению, как показывает опыт многочисленных войн, люди далеко не всегда относятся с надлежащим уважением к определенно установленным и практикой и теорией военного дела принципам военного искусства. Одни — по крайнему невежеству; другие — полагая, что принципы пригодны только в известных случаях, при боевых действиях определенного характера; третьи — считая, что в военном искусстве вообще не может быть никаких принципов, и что для искусного ведения военных действий нужен только навык и некоторая талантливость.

Такое отрицательное, в том или ином виде, отношение к принципам приводит при военных действиях, прежде всего, к крайнему напряжению усилий действующих войск, требует необычайного героизма с их стороны и вызывает массу кровавых жертв, и если иногда дает частные успехи, то в конечном результате завершается полной неудачей.

Примеры такого отношения к принципам военного искусства особенно часто и притом до самого последнего времени, как показывает беспристрастная история, можно подметить в русской армии.

Вот почему наши войны при встрече с более или менее серьезным и «строгим» противником всегда были излишне кровопролитны; вот почему боевые действия у нас сплошь и рядом велись без системы, без руководящей идеи, на авось, кустарно, не считаясь с потерями, руководствуясь убеждением, что мы «шапками закидаем»; вот почему наши успехи обычно были случайными, а наши неудачи — естественными и потому частыми; вот почему нашим военачальникам приходилось учиться уже на войне и войною, платя за свои уроки реками безрезультатно пролитой крови.

Готовясь ныне к войне, мы должны прежде всего проникнуться мыслью о несомненном существовании принципов военного искусства, о громадном значении их, о необходимости их изучить и научиться применять их при всякой обстановке. Мы должны раз навсегда оставить мысль, что можно, особенно при современных условиях, вести войну и отдельные боевые действия без следования принципам военного искусства. Мы должны твердо усвоить себе, что только при уважении к принципам военного искусства можно воевать и добиваться победы, по слову Петра Великого, «с легким трудом и малою кровью».

Нам тем легче исполнить все это, что наша отечественная история дает богатый материал для изучения военного искусства с этой точки зрения.

Изучайте походы и сражения Святослава Киевского, Дмитрия Донского, Великого Князя Московского Иоанна III, Царя Иоанна IV, Петра Великого, Миниха, Салтыкова, Румянцева, Суворова, Кутузова, Дибича, Скобелева, Гурко — и вы узнаете, в чем состоят

принципы военного искусства, каково их значение, как их применять при различной обстановке и что дает в результате искусное следование им.

Изучайте наши первые войны с Наполеоном, войны царствования Императора Николая I, Японскую войну 1904–05 гг. и Великую мировую войну и вы узнаете, к чему ведет сознательное или бессознательное пренебрежение принципами военного искусства, сколько лишней крови было пролито при этих условиях, за достижение частных успехов, почему в этих войнах постигла нас конечная неудача, однако также оплаченная многочисленными напрасными жертвами.

Во всякой борьбе одерживает верх, побеждает сильнейший.

Это закон природы.

В соответствии с этим и в зависимости от сущности других факторов вооруженной борьбы главным принципом военного искусства является так называемый «принцип частной победы».

Принцип этот требует быть сильнейшим на решительном (важнейшем) пункте в решительную минуту.

Удар, произведенный при таких условиях на этом пункте, в момент, наиболее благоприятный для нас и наименее благоприятный для противника (решительный), приводит к успеху на этом пункте. Вследствие же причин материальных специального характера, а также нравственных и психологических, — этот частный успех влечет за собою физическую и духовную невозможность сопротивления на других пунктах поля борьбы и, в конечном результате, приводит к общему успеху, общей победе в данном сражении.

Быть сильнейшим — это значит иметь численное превосходство и обладать более высокими качествами.

Но из двух свойств, которые дают возможность быть сильнейшим, наибольшее значение имеет качество, а не количество, ибо именно оно дает: наибольшее искусство действий владения средствами борьбы, напряжение усилий, порыв, стремительность, настойчивость, упорство, энергию, стремление к наибольшей согласованности действий, способность проявить жертвенный героизм вплоть до отречения от себя в пользу общего дела и до готовности положить душу свою за други своя; иными словами — качество дает все то, что делает человека сильнее.

С другой стороны, количество всегда в ущерб качеству, в особенности в случаях, где стихийно должна проявиться деятельность человеческого духа.

Поэтому для осуществления столь необходимого для общего боевого успеха принципа частной победы нет нужды непременно быть превосходнейшим в числе (преобладать

количеством). А потому, стремясь быть сильнейшим и принимая во внимание, что действовать во всех отношениях легче менее многочисленными, а значит и менее громоздкими, более подвижными и удобнее управляемыми массами, нужно стараться обладать преимущественно превосходнейшим качеством. Из этого можно и должно сделать заключение, что для того, чтобы быть сильнейшим на решительном пункте в решительную минуту, нет необходимости иметь численное превосходство и на всем поле сражения, хотя бы оно простиралось на многие десятки верст, ибо и здесь должно отдать преимущество качеству над количеством.

А отсюда прямой логический вывод, что и на всем театре войны можно с успехом бороться с противником, не имея численного над ним превосходства, но обладая войсками, превосходящими его войска качественно.

Наряду с этим нужно признать, что в настоящее время больше, чем когда-либо, в силу причин социальных, экономических и духовных и вследствие развития идей, с одной стороны, антигосударственных, с другой стороны, националистических — содержать вооруженные силы, численно громадные, для всякого государства гораздо труднее, тяжелее и менее материально выгодно, чем относительно незначительную армию, но зато хорошо подготовленную.

Таким образом, все говорит за то, что не только нет надобности, но и гораздо полезнее в целях достижения конечной военной цели войны — одержания полной победы над врагом — и гораздо выгоднее, с точки зрения материальной и моральной тяжести для государства и народа, иметь в качестве средства для вооруженной борьбы «невооруженный народ», и не «полчища», а относительно небольшую армию, каковую только и можно отлично подготовить, т.е. придать ей во всех отношениях высокое качество, это первенствующее свойство, дающее возможность быть сильнейшим на всех и на отдельных театрах войны, на каждом поле сражения и в решительном пункте его в решительную минуту.

Относительность при определении «незначительной» армии зависит от многих причин, и пределы ее различны для разных государств.

Она зависит: от величины самого государства; от численности народа, его составляющего; от географического положения государства; от протяжения и характера его границ; от естественных богатств; от промышленного и экономического его развития, его государственного смысла, силы и качества патриотизма, осознания им своей провиденциальной миссии; от его духовного развития, в частности от его религиозности и просвещенности вообще.

Все эти данные, обуславливая максимальную численность «небольшой» армии, в то же время должны определить и ту военную систему, которая может обеспечить формирование, организацию, пополнение, снабжение всем необходимым и боевую подготовку армии, дающую ей наивысшее качество.

Качество армии, в соответствии с природой человека, складывается из элементов материальных и духовных.

К первым относятся: физическое здоровье, сила и крепость каждого воина; все необходимое для жизни армии во все периоды ее существования и деятельности (обмундирование, снаряжение и т.д.); всякого рода оружие для ведения действий вообще и боя в частности; обученность отдельного бойца и целых частей различной величины; владение оружием, как в одиночку, так и в совокупности; искусство выполнять раздельно и согласованно различного рода действия, вызываемые боевой обстановкой; навыки, способствующие при наименьшей затрате физической силы и энергии выполнению всего того, что может быть потребовано на войне силою вещей, волею руководителей всяких степеней и обстоятельствами. Сюда же нужно отнести и организацию войсковых частей, ибо она способствует искусному пользованию оружием и выполнению необходимых боевых действий.

К духовным элементам качества относятся: способность преодолевать чувство самосохранения, сильная воля, твердость характера, храбрость, энергия, настойчивость, уверенность в себе, душевный подъем, стремительность, мужество, дисциплина, ясность сознания, хладнокровие, душевное равновесие, терпеливость, воодушевление, бодрость, готовность жертвовать собою для других и для общего дела.

Как бы ни были совершенны физические свойства человека, он не в состоянии будет использовать их на войне и особенно в бою, если он потеряет способность преодолевать чувство самосохранения; как бы богато ни были снабжены каждый воин в отдельности и вся армия в общем различного рода предметами снабжения, хотя бы и наивысшего качества, они не принесут им пользы, если воин в то же время утратит волю, духовную энергию и твердость; как бы совершенно ни было в армии оружие, оно будет для нее совершенно излишне, если наряду с этим воины в бою потеряют ясность сознания и уверенность в себе; никакое умение владеть оружием, никакое искусство производить различные боевые действия и никакие полезные навыки не приведут к успеху, если армия сверх этого не будет обладать храбростью, мужеством, душевным равновесием, хладнокровием, спокойствием; никакая самая лучшая организация, даже вполне отвечающая принципам военного искусства, не выполнит своего назначения, если в армии не будет подлинной воинской дисциплины.

К этому нужно прибавить, что армия не в состоянии будет преодолеть всех тех физических тягот, неудобств и неприятностей и тех моральных испытаний, которые сопровождают войну постоянно и непрерывно, если солдаты ее не будут обладать силою воли, настойчивостью, упорством, терпеливостью...

Наконец, только обладая высоким душевным подъемом, захватывающим воодушевлением, сильною стремительностью, горячим порывом, неиссякаемой энергией и бодростью, жаждой победы во что бы то ни стало, готовностью жертвовать собою за других и для победы, армия может выказать наивысшее напряжение всех своих физических и духовных сил для преодоления наисильнейшего сопротивления врага, опирающегося на все свои материальные средства и воодушевленного желанием не уступить до конца.

Таким образом, все материальные элементы находятся в зависимости от духовных, и первые теряют всякое значение при отсутствии или даже недостаточности вторых.

Поэтому, несомненно, духовная, нравственная сторона имеет преимущество над материальной.

Дух преобладает над материей.

II

Дух преобладает над материей.

Это, конечно, не значит, что материальная сторона не имеет никакого значения и может быть оставлена в пренебрежении.

Представляя собою фактор, усиливающий качество армии; давая средства, облегчающие борьбу с противником; уравнивая до некоторой степени шансы с ним; увеличивая возможности сломить его сопротивление, материальная сторона тоже имеет громадное значение.

Вследствие этого необходимо стремиться к тому, чтобы все элементы материальной стороны были бы наиболее совершенными и вполне отвечали бы требованиям современных условий войны.

Это тем более необходимо, что превосходство в этом отношении противника угнетающе действует на психику и на дух армии и потому сильно понижает духовную сторону, нравственный элемент.

Напротив того, сознание нашего превосходства над противником во всех частностях материальной стороны действует на психику и дух армии возбуждающе и потому чрезвычайно повышает нравственный элемент.

Все это необходимо иметь в виду при установлении основ воспитания и образования отдельного бойца и целых войсковых частей, программы, плана, системы и методов их, принимая во внимание первенствующее значение воспитания, взаимную связь между воспитанием и образованием, последовательность того и другого и практические цели, преследуемые обоими.

Высшим выразителем материальной стороны является оружие, которое в последнее время в большинстве случаев имеет характер машины, чрезвычайно по роду и виду разнообразной, обладает страшной разрушительной силой, дает возможность в короткий промежуток времени выводить из строя навсегда или на более или менее продолжительный срок громадное количество людей. В общем, современное оружие весьма могущественно, но чрезвычайно сложно по своему устройству и требует продолжительной и серьезной специальной подготовки для продуктивного пользования им.

Источником, сосредоточением и проявителем нравственной стороны является человек со всеми его физическими и духовными, положительными и отрицательными свойствами.

Раз это так, то исходя из того, что духовная сторона, нравственный элемент имеет большее значение, чем элемент материальный, необходимо признать, что человек на войне главенствует над каким бы то ни было оружием, ему принадлежит важнейшее значение, он первенствует над машиной.

Однако свойства современного оружия — машин — настолько могущественны, что сопротивляться обладающему ими, казалось бы, совершенно невозможно ни при каком характере боевых действий, ни при какой обстановке.

Несомненно, что всякое оружие, и чем совершеннее, тем больше, благодаря своим свойствам, в руках борющихся людей может в значительной степени облегчить нападение и усилить сопротивление и притом настолько, что в обоих случаях, вследствие именно его наличия, будет сломлено противодействие врага. Но, во-первых, по своей природе оружие может только усиливать и облегчать действия человека, само же оно, как бы совершенно и автоматически ни было, действовать не может, а во-вторых, оно в состоянии проявлять эти свои свойства в полной мере только тогда, когда в боевых действиях, угрожающих смертью, угнетающе влияющих на ум и волю людей, воины не потеряют способность подавить в себе чувство самосохранения и сохранить сильный дух и ясность сознания.

Если же этого не будет, то никакая машина им не поможет, и прежде всего потому, что они не в состоянии будут ею управлять, ее использовать, и она будет бездействовать.

Таким образом, оружие (машины) приобретает значение только в войсках, обладающих высокими нравственными качествами. Напротив того, в войсках, у которых дух слаб,

оружие-машины не только не дадут положительных результатов, но могут послужить лишь легкими трофеями для противника и привести даже к катастрофе. Это потому именно, что нравственно слабые войска более возлагают надежд на машины, а не на себя; и когда, вследствие слабости их духа, машины перестают производить ожидаемый от них эффект, то они обычно бросают их и поддаются панике.

Такое положительное и отрицательное влияние оружия-машин, а значит и их значение, может сказаться или в различных частях армии, в зависимости от разной высоты их духовного элемента, или в одной и той же части, когда она под влиянием тех или иных обстоятельств изменяет свое нравственное состояние.

История дает этому массу примеров.

Поэтому, с одной стороны, нельзя смотреть на оружие-машины как на некую незыблемо-прочную и первичную основу, которая при всех обстоятельствах может обеспечить всегда боевой успех, а с другой стороны, обязательно должно принимать все меры к тому, чтобы непрременный участник боевых действий, которые без него не могут быть осуществлены, — человек был бы всегда на высоте с точки зрения силы его духа, в самом широком понимании этого слова.

В общем, в боевых действиях первенствующее значение принадлежит человеку, а не машине (оружию), как бы она ни была могущественна и совершенна.

Справедливы поэтому слова знаменитого военного ученого генерала Генриха Антоновича Леера, который говорил, что главнейшим орудием на войне является человек.

Эти выводы и необходимо не упускать из виду при организации армии, при снаряжении и вооружении как отдельного воина, так и целых войсковых частей. Их также нужно иметь в виду при установлении способов боевых действий при всяких случаях и при равной обстановке.

Среди личного состава армии, составляющего ее важнейшую часть, имеющего первенствующее значение и являющегося главным орудием войны, нужно выделить тех лиц, которые во всех отношениях являются руководителями войск, начиная от самых мелких до самых крупных войсковых соединений. Лица эти — начальники всех степеней.

Значение начальствующих лиц громадно, так как они обучают и воспитывают войска, направляют и следят за их боевой подготовкой в широком смысле слова, а во время боевых действий составляют их планы и приводят их в исполнение, пользуясь для этого подчиненными войсками как средством, как орудием достижения тех или иных боевых задач.

Чем многочисленнее войсковая масса, которая подчиняется начальнику, тем и значение его больше, ибо тем боевые задачи, возлагаемые на него, значительнее, тем их достижение или невыполнение сильнее отражается на общем ходе войны и влияет на конечный ее результат.

С другой стороны, чем крупнее с этой точки зрения начальник, чем по своему положению он выше, тем выполнение его специальных обязанностей труднее. Эта трудность преодолевается только соответствующей всесторонней подготовкой.

Таковыми крупными начальниками должны почитаться все, начиная с тех, которые по основной организации еще мирного времени находятся во главе первых войсковых соединений, имеющих в своем составе несколько родов войск. Эти войсковые соединения обычно обладают значительной численностью и всеми средствами для решения самостоятельных боевых задач на поле сражения, то или иное выполнение которых отражается на ходе и результате всего сражения. Таких начальников логично и справедливо называть генералами.

В зависимости от той роли, которая выпадает на долю генерала, как в мирное время, так и особенно во время войны, его специальная подготовка должна обнимать и умственную и волевою стороны.

Он должен обладать обширными и всесторонними, твердо усвоенными знаниями военного дела; он должен отлично понимать военное искусство как в его идейной, принципиальной части, так и в технической; он должен обладать широким взглядом (большим круговоротом) в своей специальности и вообще быть в полной мере просвещенным в ней.

Все это дает ему прочный базис для работы и уверенность в себе. А еще Суворов говорил, что «на себя надежда — основание храбрости».

Генерал должен иметь твердую волю и сильный характер, и как производные от этих данных: спокойствие, хладнокровие, присутствие духа, способность не теряться ни при каких обстоятельствах, не суетиться и не суетить других.

Ему необходимо обладать решимостью принять решение и решительностью его выполнить, довести его до конца; ему должна быть присуща широкая, но разумная в пределах его компетенции, активная и пассивная инициатива, т.е. он должен уметь проявлять инициативу сам и в то же время, что, пожалуй, труднее, давать право и возможность проявлять ее своим подчиненным.

Генерал должен иметь гражданское мужество и не бояться ни юридической, ни нравственной ответственности.

Возможность больших потерь не должна останавливать генерала в принятии решения, важного для общего дела, и в приведении этого решения в исполнение с возможно большей энергией, ибо он должен помнить, что его колебания в принятии решения и его вялость в исполнении в конце концов потребуют гораздо больше усилий и приведут к гораздо большим жертвам и потерям.

Однако во всех случаях и при всех обстоятельствах генерал должен стремиться к тому, чтобы достигать успеха «с легким трудом и малою кровью».

Генерал должен уметь в минуту тяжелых физических и моральных испытаний подчиненных ему войск горячим словом, сильною речью, наконец, личным примером поднять их дух и возбудить в них энергию.

Наконец, генерал обязан выказывать наибольшую заботу о подчиненных ему войсках во всех отношениях, однако при полном отсутствии сентиментальности.

Таковы требования от генерала.

Он сможет выполнить их, если на свою службу, на свои обязанности он будет смотреть как на великое служение Родине, если он будет всецело предан своему делу, если он будет относиться к нему с любовью.

Ему эти требования выполнить будет легче, если он будет воином по призванию, если он будет даровит, обладать талантливостью, если в нем будет заложена способность к творчеству.

Как бы, однако, ни благоприятствовали выполнению этих требований врожденные качества человека, но все же достигнуть наибольшего совершенства в этом отношении можно лишь при надлежащей постановке соответствующего образования и воспитания лиц, готовящихся быть начальниками, начиная со школьной скамьи и затем в продолжение всей дальнейшей службы.

Для такой же постановки воспитания и образования необходима благоприятная для этого военная система, обеспечивающая справедливое и постепенное, в зависимости от опыта, знания и таланта, возвышение начальствующих лиц и создающая атмосферу, способствующую развитию в каждом начальнике требуемых от него качеств.

Но и этого всего будет мало, если каждый начальник и генералы в особенности, помня постоянное развитие военного дела, не будут стремиться путем самообразования и самовоспитания к возможно большему совершенствованию в себе необходимых им качеств, чтобы стоять всегда на высоте своего назначения.

Начальники всех степеней, до самых высших включительно, должны всегда помнить, что учиться не только никогда не поздно, но нужно всегда, непрерывно и усердно.

Каковы бы ни были основы формирования армии, будет ли она комплектоваться по принципу всеобщей воинской повинности или состояться из профессионалов, служащих по найму, она во всяком случае будет состоять в подавляющем числе из лиц господствующей национальности данного государства. Это одинаково относится как к солдатской массе, так и к начальникам всех степеней. И с этой точки зрения армия в наше время не может быть не национальной. И так как армия есть важнейшее средство военного искусства, то, таким образом, национальный элемент, несомненно, должен играть в ней определенную роль, хотя бы чисто внешнюю, разумея под этим бытовую сторону и некоторые жизненные и профессиональные навыки.

Но влияние национальной стихии на военное искусство не ограничивается только этим. Оно более существенно и глубоко.

Военное искусство как в тесном смысле слова, обнимающем собственно боевые действия, так и в более широком, включающем все вопросы, связанные с военным делом, подобно всякому другому искусству, есть результат деятельности духовных сил человека.

Характер этих сил зависит в значительной степени от национальных особенностей данного народа, сложившихся под влиянием условий: географических, этнографических, биологических и исторических, при которых данный народ образовывался, развивался и долгое время существовал, а также от той обстановки, в которой он живет в настоящее время и которая зависит: от степени и характера культуры, силы и направления просвещения, политического устройства и т.д., обстановки, отличной от той, в которой живут другие народы, и потому тоже долженствующей быть названной национальной.

Таким образом, нужно признать, что военное искусство, как, впрочем, и все другие, национально.

Каждое искусство достигает наивысшего своего совершенства, когда его источник — духовные силы человека — проявляет себя наиболее напряженно. Такого наивысшего напряжения духовных сил можно достигнуть тогда, когда они действуют совершенно свободно, в полном согласии с интеллектуальной и психической организацией человека и вообще в условиях, наиболее для этого благоприятных.

То и другое может быть лишь тогда, когда проявление духовных сил происходит под влиянием национальной стихии.

Если это относится вообще ко всем искусствам, то тем более должно признать это в отношении военного искусства. Это потому, что работа в области военного искусства происходит при обстановке, требующей наибольшего напряжения ума и воли и прочих духовных сил человека.

Таким образом, чтобы в военном искусстве достигнуть наибольших результатов, поставить его на наибольшую высоту, сделать его наиболее совершенным, необходимо творить в ней, не отрываясь от национальной основы, необходимо сохранять его национальный характер.

История вообще и наша отечественная в частности наглядно свидетельствует об этом.

У нас военное искусство достигало наивысшего состояния в эпоху Петра Великого и в век Екатерины II, когда оба эти Государя во всем проводили национальную точку зрения, когда военное искусство было вполне национальным и когда у нас появились великие, проникнутые национальным духом полководцы — Петр Великий, Румянцев и Суворов.

Утверждение, что военное искусство национально и что развитие его должно идти в национальном духе, сохраняя его национальный характер, не может быть поколеблено теми двумя истинами, в силу которых военное искусство, где бы оно ни культивировалось и ни проявлялось, всегда опирается на одни и те же принципы, вытекающие из его природы, и что одно из главнейших средств военного искусства — оружие, вследствие идейного и технического общения между собою всех народов и государств, ныне в различных армиях почти одно и то же.

Принципы военного искусства, очевидно, одинаковы для всех национальностей. Но вследствие различного характера мышления у разных национальностей и различного по силе и характеру проявления одних и тех же эмоций эти одинаковые принципы воспринимаются не совсем одинаково, взаимно расцениваются иначе и применяются различно. Одна национальность применяет принципы слишком прямолинейно и узко, другая обращается с ними более гибко и смотрит на них шире.

Точно так же и оружие в своей сущности в современных армиях одно и то же, но, во-первых, достижения в его совершенстве у разных государств различны, во-вторых, ввиду различия в национальной обстановке оно должно быть приспособлено к ней и, в-третьих, приемы и способы использования даже совершенно такого же оружия в зависимости от свойств ума и психики владеющих оружием, а также условий, в которых им пользуются, могут быть различны в той или иной обстановке.

Таким образом, лишь пренебрегая национальными особенностями в военном искусстве, можно достигнуть наилучшего использования и одинаковых принципов и одинакового по существу оружия. Сохранение национальных особенностей в военном искусстве также не может повредить ему и в том случае, если бы у других появились в этой области и новые идеи и новые технические достижения.

Ибо новые идеи в настоящее время могут относиться только к иному пониманию и толкованию принципов и к новому поэтому их применению, а также к созданию новых или к усовершенствованию старых технических средств. Что касается новых технических достижений, то результатом их может быть или оружие совершенно нового типа, или усовершенствование в оружии старого типа, а также новые способы его использования и применения.

Естественно, что проходить мимо того и другого не представляется возможным.

Во-первых, мы должны хорошо знать своих вероятных противников, дабы создать соответствующие средства и способы борьбы с ними, а также своих возможных союзников, для того чтобы быть осведомленными, на что мы можем у них рассчитывать, а во-вторых, то и другое в той или иной мере может быть использовано и нами.

Однако ни в идеях, ни в технических достижениях не будет полезно заимствовать все безоговорочно и целиком, потому что как бы они ни были совершенны и даже, так сказать, интернациональны, все же при переносе их на другую почву эффекта, который они производят на родной почве, на той почве, на которой они возникли.

Заимствуя что-либо из области военного искусства как в его идейной, так и технической частях, необходимо заимствованное приспособить к национальной обстановке, переработать, пронизать его национальными особенностями, согласовать с национальными условиями. Только при таких условиях заимствованное даст при его использовании желаемый результат. В противном случае оно не привьется, не войдет в плоть и кровь, останется чуждым и, даже при наибольших усилиях извлечь из него хотя какую-нибудь пользу, не даст желаемых результатов.

При всем том должно помнить, что дарования нашего народа, сила его умственных способностей, его большие творческие возможности, его всесторонняя талантливость, его высокие качества, вообще вся его высокая духовная организация, его исторический опыт, его обширная многовековая и многообразная практика в военном деле не должна допускать мысли, что мы, русские, в самостоятельном развитии военного искусства во всех его областях можем оказаться позади других национальностей, можем проявить меньше творчества, чем они, и, таким образом, можем быть поставлены в необходимость только заимствовать у других, слепо подражать этим другим и тем самым отказываться от своей самобытности.

Действия Петра Великого в этом отношении могут служить нам поучительным примером. Поставленный в необходимость весьма много заимствовать в области военного искусства у иностранцев, Петр все заимствованное переработал в горниле национализма, и

потому в результате проявил такое самостоятельное и самобытное творчество, проникнутое национальным духом и соответствующее национальным особенностям русского народа, что в военном искусстве опередил свое время более, чем на сто лет, дав возможность появиться у нас таким великими полководцам, как Румянцев и Суворов.

Итак: 1) значение и уважение в смысле следования, применения принципов, 2) преимущественное значение качества перед количеством, 3) важность духовной стороны по сравнению с материальной, 4) первенствующее значение человека, а не машин, 5) превосходная всесторонняя подготовка начальников и 6) необходимость следования национальным путем — таковы те первичные основные положения, при наличии которых только и может естественно, самобытно и совершенно развиваться военное искусство.

А раз это так, то эти же положения, как первично-основные, должны быть приняты как безусловно обязательные при строительстве будущей русской армии, дабы она была во всеоружии для той борьбы, которую ей придется несомненно вести за существование, честь, достоинство и лучшее будущее Великой Национальной России.

(А. Байов. Начальные основы строительства будущей русской армии // Русский Колокол. 1929. № 8. С. 6–13; № 9. 1930. С. 21–29).

О ВОИНСКОМ ВОСПИТАНИИ

А. Болтунов

I

Война понятие сложное, для уяснения в полной мере себя вызывающее четыре основных вопроса: 1) с кем и за что она ведется (политика), 2) как она ведется (стратегия и тактика), 3) чем она ведется (вооружение) и 4) кем она ведется (человек, войска).

Первые три вопроса имели и имеют обширную литературу, последний же в этом отношении сильно страдал и страдает сейчас. Как ни странно, но о человеке как отдельной личности, несмотря на то что он является главным фактором войны, главным ее деятелем, или совершенно ничего не говорилось, или говорилось как о предмете почти неодушевленном, не имеющем как бы решающего значения. Разбираются вопросы о совокупности этих личностей, об их административной группировке, но глубже этого редко шел анализ военно-научной и практической мысли...

Собираясь строить какое-либо солидное здание, ищут обыкновенно знающего инженера, который мог бы выполнить эту работу.

Под знающим инженером обыкновенно разумеют такого человека, который мог бы не только умело спланировать постройку, не только дать ей тот или другой вид снаружи и изнутри, но и такого, который знает свойства и качества строительного материала, знает его сопротивление, знает те сорта цемента, которые необходимы для скрепления его.

Приглашая инженера для такой работы, никому не придет и в голову спросить его: «А знаете ли вы теорию сопротивления материалов, знаете ли вы свойства кирпича сырцового и обожженного, свойства деревянных брусьев, железных балок и т.п.?» Это был бы абсурдный, оскорбительный вопрос. Само звание инженера уже гарантирует наличие у него полного комплекса необходимых знаний по всем отраслям его специальности, что в свою очередь гарантирует правильное научное выполнение порученной ему работы. Дальнейшее зависит от его таланта.

Так в наше время обстоит дело с возведением неодушевленного, материального здания.

Совершенно иначе обстоит дело с возведением монументально-громоздкого социального здания, именуемого армией. Для нее каждый гражданин страны является сырцовым кирпичом, которому надо придать еще соответствующую форму, который надо суметь умело обтесать и обжечь соответствующим образом, выработать требуемую сопротивляемость внешним и внутренним влияниям, испытать ее и только тогда положить на соответствующее место и скрепить его с остальными такими же кирпичами соответствующим психологическим цементом. Теоретического же знания в этом направлении и даже специальной литературы, из которой можно было бы почерпнуть эти знания, не было.

Знание офицером человека как строительного материала армии считалось само собою разумеющимся, как нечто прирожденное каждому, о чем не приходится и говорить, как, положим, об умении ходить или есть.

Основанием такого недоразумения является, по-видимому, силлогизм, что армия построена из людей; каждый офицер прежде всего человек; он сам себя, конечно, знает, а следовательно, знает и тот строительный материал, из которого построена армия.

Ошибка в этом силлогизме скрывается в посылке, что офицер как человек сам себя знает. Чувствовать себя — одно, а знать — другое. Забывается знаменитый афоризм греческого философа Сократа, который гласит: «Познай самого себя — познаешь других». Говоря это, мудрый грек хотел сказать, что труднейшей задачей является именно познать самого себя.

Офицеры, как и большинство людей, сами себя не знают, не знают и вообще человека, и это незнание человека, вносимое ими поневоле и в делаемое ими государственное дело, или тормозило его, или заставляло делать его «как Бог на душу положит»...

Есть другой силлогизм, в котором, имеется ошибки нет. Он гласит следующее: прежде чем народу воевать — надо ему учиться воевать. Учиться народ воевать может только в войсковых частях. Следовательно, войсковые части есть не что иное, как народные школы военного искусства. Учителями в этих школах являются офицеры.

Другой громадной социальной постройкой в государстве являются гражданские учебные заведения. Там тоже учат и воспитывают. Учат и просто грамоте и счету; изучают и разные специальности, как и у нас в войсках: в ротах, в учебных командах, в военных училищах и академиях. Но там прежде чем допустить учителя учить и воспитывать своих учеников, обучают его самого — как это надо делать, как надо учить и как надо воспитывать. Знание педагогики, дидактики, методики каждого предмета в отдельности и педагогической психологии обязательно в большем или меньшем объеме для каждого рядового учителя. Сейчас считается неоспоримым, что они должны знать эти предметы в совершенстве и уже основываясь только на этом знании приступать к обучению и воспитанию своих учеников, применяя к ним тот или другой метод обучения и тот или другой прием воспитания.

Что знал в этом направлении наш молодой офицер, выпускаемый из военного училища, — этот техник постройки армии, учитель-энциклопедист у себя в роте?

Он знал из курса истории, за что ведутся войны.

Он знал из курса тактики, как ведутся войны.

Он знал из курса артиллерии, чем ведутся войны.

И эти знания ему, бесспорно, были необходимы — иначе он не сделался бы офицером.

Но он совершенно не знает — кем ведутся войны. Он не знал ни самого себя, ни, тем более, человека-солдата.

Придя из училища в часть, он становился в тупик. Оказывается, что то, что он так старательно изучал в училище, нужно только в поле, на войне, но почти не нужно в казарме, где ведется подготовка солдата для поля и войны. Его назначили в ротную школу, но он совершенно не имел представления, как надо обучать грамоте, письму и счету. Он не знал, что по последнему слову техники этого дела на это обучение, если взяться за него умело, надо всего 48 учебных часов. Не знали этого и его ближайшие руководители — ротный и батальонный командиры. Принимаясь за эту работу, молодой офицер единственно мог руководствоваться теми смутными воспоминаниями, которые сохранились у него в памяти, — как его самого лет двадцать тому назад обучали грамоте родные.

Назначили молодого офицера заниматься строем с молодыми солдатами. И в этом деле ему приходилось руководствоваться опять воспоминаниями, хотя и недавнего времени, как его самого обучали. Он и здесь руководствовался лишь эмпирическими знаниями, не освещенными никакой теоретической методикой и психологией, а потому и без понимания смысла последовательности обучения вообще и его элементов: одиночного обучения, маршировки, шереножного и взводного учения и гимнастики.

Нам приходилось разговаривать по этому поводу со старыми, опытными, казалось бы, офицерами, которые утверждали, что смысл гимнастики для солдата только в наращении физических сил его и выработке умения преодолевать полевые препятствия, но не в приобретении некоторой элементарной грации, свободы движений, «физической развязанности», что сильно способствует прогрессу в умственном развитии.

Офицеры не понимали психологического значения ритмических движений, производимых группой людей по требованию и команде одного человека. Они не знали, что производящие такие движения теряют в это время свою индивидуальность, свою волю и переходят сперва своим телом, а за ним — своими чувствами и, наконец, умом всецело в повиновение командующему ими. Они не знали, что возможно частое повторение таких упражнений вызывает не только сознаваемое запоминание их самих, но и бессознательное запоминание чувствований этих моментов, чувствований подчинения командующему, переходящих постепенно в привычку вообще повиноваться ему. Если бы они это знали и понимали, то не поручали бы командовать вместо себя взводным унтер-офицерам, а делали бы это сами. Занятия их одухотворялись бы и приобретали бы интерес и для них самих, и для их подчиненных. Благодаря такому непониманию высокого смысла «муштры», ее обыкновенно высмеивали в тесных кругах либеральничавшей молодежи, над нею трунили; ее почти упраздняли в ущерб себе и подготовке части.

Они обучали своих питомцев уставам: внутренней службы, дисциплинарному. Обучали и требовали проведения их в жизнь, предполагая, что хоть здесь они на высоте своего положения. На самом же деле они и их знали только по параграфам, а психологического смысла и духа их не понимали. С течением времени некоторым многое интуитивно становилось ясным. А многие так и умирали, не понимая того, что делали.

Армия обучалась на эмпирических началах, на началах наследственных навыков и приемов, а не на основании строго обдуманых, научных методов. Результаты получались в большинстве случаев недурные, даже хорошие, но такая роскошь могла быть допустима только при долгих сроках службы; при коротких же это недопустимо. Интенсивность

обучения должна быть теперь доведена до наивысшей точки, а это возможно только при свете понимания, а не привычки...

II

Что именно надо «выработать» в человеке, чтобы из него сделать «воина-солдата»?..

«Режим», «внушение» и «обучение» есть способы воспитания, есть только пути, по которым можно прийти к решению поставленной задачи и ими пользуются при всяком вообще воспитании, но что же по этим путям должно быть влито в душу человека, чтобы ее переработать именно в душу солдата-воина?..

В просторечии принято смешивать воспитание с воспитанностью, с послушанием, с повиновением. Говорят: «Какой воспитанный этот мальчик» или «Какой воспитанный этот господин», выражая этими фразами: в ребенке — его послушность, его исполнительность, его вежливость, во взрослом — его умение себя держать в обществе, умение поклониться, умение вовремя и кстати сделать визит. Иными словами, под воспитанностью понимается лишь внешний лоск, налагаемый на людей требованиями общества, в котором они вращаются. О внутреннем же содержании человека этот термин ничего не говорит. Воспитанность есть тоже продукт воспитания, но это не есть окончательный результат его и главнейшая его задача. Это есть только бумажка от конфетки, которая в нее завернута. В этом смысле воспитанным бывает и подлец и честный человек, и трус и храбрец, атеист и верующий, коммунист и монархист...

Является вопрос: что надо внушить и чему надо обучить и в какой мере.

Под воспитанием, с точки зрения общей педагогики, разумеется работа воспитателя над воспитанником, по особо разработанной заранее программе, по развитию или подавлению в нем тех или других сторон врожденного характера, чувствований и мышления, силы которых впоследствии соответствовали бы дальнейшему житейскому предназначению воспитанника и облегчали бы ему выполнение возложенных на него задач.

Посильно формулируя и дополняя все вышесказанное, мы приходим к заключению, что воинское воспитание как понятие общее в правовом государстве слагается из развития положительных сторон духовной личности человека вообще и солдата в частности и в поднятии и координировании его физических сил и движений (исправлении мимики лица, жестикуляции и походки).

В область воинского воспитания, следовательно, должно входить:

а) развитие религиозного чувства (веры в Бога и загробную жизнь) (мистика),

б) развитие морального чувства (честности материальной и умственной),

в) развитие государственно-национального чувства,

г) развитие любви не только к родине, а и к отечеству, что далеко не одно и то же (родина Вологда, Малороссия, Дон, Кубань, а отечество — Россия; родина Бретань, Шампань и т.д., а отечество — Франция; родина Бавария, Саксония, а отечество — Германия. На смешении этих двух понятий сплошь и рядом строились и строятся сейчас обвинения в сепаратизме людей, совершенно им не зараженных как политической идеей, но ревниво любящих свою родину, что вносило вражду в стены казармы),

д) развитие активной гордости принадлежности к государству,

е) развитие любви к армии в общем и к своей части в частности,

ж) развитие любви и доверия к своему начальству,

з) развитие воинского послушания,

и) развитие физических сил и умения пользоваться ими,

к) развитие воинской воспитанности.

Всякое воспитание зиждется на авторитете воспитателя.

Вообще авторитет приобретается человеком трояким путем: его внутренними качествами, его характером и теми внешними атрибутами власти, которые ему даются его положением среди окружающих.

Всякое воспитание зиждется прежде всего на внутреннем авторитете воспитателя; на уверенности, на непоколебимом убеждении воспитываемого, что воспитатель сам в преподаваемых им истинах неизменно тверд и непоколебим. Никакой лжи и фальши тут быть не может.

Воспитание касается тончайших струн души человека, и всякая фальшь, всякая подделка неминуемо, интуитивно будет угадана воспитанником, и тогда работа воспитателя в лучшем случае сводится к нулю. «Врачу — исцелися сам», — гласит библейская мудрость. Отец, лгущий своей жене, никогда не выработает правдивости у сына.

Ротный командир, лгущий командиру полка, должен ожидать того же со стороны своего фельдфебеля.

Из этого абсолютного доверия к внутреннему авторитету воспитателя вытекает первая стадия послушания. Послушание тут само собой рождается; оно является производной внутреннего авторитета воспитателя. Его воспитаннику подсказывает инстинкт стадности и самосохранения. Овцы идут за козлом в силу веками сложившегося доверия у них к козлу, что он всегда и везде выведет их именно туда, где им будет всего лучше.

Но так бывает только с натурами мягкими, податливыми, неспорченными. Они подчиняются легко и без особого внешнего воздействия. Слова и, особенно, поступки и поощрения воспитателя — для них все. Таких натур, слава Богу, среди детей и молодых людей большинство.

Иначе дело обстоит с натурами жесткими или, еще хуже, с натурами, ранее искалеченными привитием им ложных или ненужных понятий и идей. Воспитателю необходимо бывает одолеть тут твердую, а в худшем случае — даже злую волю человека. Ему здесь предстоит трудная задача — утвердить свой внутренний авторитет, доказать, но, конечно, не в споре, что именно он прав, а не воспитанник, что истина принадлежит ему и за ним, как за истиной, надо идти. Для этого надо привлечь внимание. Оно привлекается двумя способами: интересом и силою.

Если интерес заслонен злою волею — надо употребить силу. Их две в распоряжении воспитателя: сила характера (воли) и физическая сила (или полномочия к ее применению). Иногда бывает достаточно первой. Гр. Л.Н. Толстой в «Войне и мире», описывая характер старика Болконского, говорит: «Князь был резок и неизменно требователен, и потому, не будучи жестоким, он возбуждал к себе страх и почтительность, каких нелегко мог добиться самый жестокий человек».

Если для одоления сопротивления недостаточно силы характера, то только тогда наступает момент применения атрибутов внешнего авторитета воспитателя, из которых полномочие к применению физической силы и такового же воздействия является последним.

Такова в кратких чертах лестница способов внушения воспитателем необходимых идей своему воспитаннику.

Казарма войсковой части есть народная школа «вооруженного народа». В ней народ учится — как надо воевать. Это лаборатория, в которой из человека делают солдата-воина.

Офицер в этой школе-лаборатории — народный учитель, лаборант.

Следовательно, чтобы его деятельность в этой школе была вполне продуктивной, он должен обладать двойным авторитетом: внутренним и внешним, и кроме того он должен знать свой собственный характер и уметь управлять и даже играть им, как хороший артист.

О внешнем авторитете говорить не приходится, значение его сознавалось всегда и законы и уставы армий всех стран его старательно и охраняли, и усугубляли.

Об авторитете же внутреннем можно и должно говорить много и особенно именно теперь, когда сроки службы сокращаются, а запросы как со стороны подготовки, так и со стороны контингентов, поступающих в войска, все увеличиваются.

Выше мы уже имели случай говорить, что в порядочное гражданское учебное заведение в настоящее время не примут учителем человека, который незнаком с педагогией вообще и с ее подотделами: общей психологией, педагогической психологией, дидактикой, методикой преподаваемого предмета и с этикой. У нас в России эти требования предъявлялись даже к сельским учителям, знания которых в лучших учебных округах, кроме того, подновлялись в этой области на периодически устраиваемых съездах и курсах.

Почему же к офицеру, который тоже прежде всего народный учитель в специальной школе военного дела — казарме, а потом уже военачальник в поле — во время войны, таких требований не предъявлялось?

А между тем именно эти занятия повышают и укрепляют внутренний авторитет всякого учителя, они его квалифицируют, делают мастером своего дела, что тотчас же начинает осязательно чувствоваться его учениками.

Общая педагогическая литература у нас в России была настолько хорошо разработана, что воспользоваться ею по общим вопросам для словесного обучения солдата (вера, нравственность, патриотизм) нам, военным, не представит никакого труда...

Раньше мы упомянули, что натуры жесткие или ранее испорченные требуют иногда со стороны офицера-воспитателя проявления его внешнего авторитета в большей мере, чем это установлено нормальным режимом.

Внешний авторитет, т.е. повиновение уже «не за совесть», а «за страх», главнейшим образом поддерживается в войсках «Дисциплинарным уставом», но о нем скажем особо, здесь же хотелось бы обратить внимание еще на некоторые приемы воинского воспитания, практикующиеся в других странах.

Неправильно было бы думать, что воинское воспитание исчерпывается только работою офицера в казарме или, вообще, в рядах войск.

Мысль о необходимости возможно шире и глубже проводить воинское воспитание в той или другой черте его в толщу армии — в частности и народа, в общем должна быть доминирующей и руководящей у всех, работающих на государство, от мала до велика. Необходимо вкоренить мысль, вдалбливая ее на каждом шагу, что нет разницы между штатским и военным мирами. Все одинаково граждане своего отечества. Все одинаково работают над созданием его богатства, величия и могущества, а потому и не должно быть того, что выражалось обыкновенно словами: «Это у нас в армии, а это у нас, положим, в министерстве внутренних дел или просвещения». Для всех есть одно: «Это у нас в России, а это у них в Европе».

Болгария испещрена памятниками Освободительной войны 1877–78 годов. Все места более или менее выдающихся боев этой войны отмечены или часовнями, или памятниками, или братскими могилами. Все они построены русскими. Их сейчас никто не ремонтирует, не поддерживает; они разваливаются, и будет время, когда их уже нельзя будет и найти.

Какую пользу они принесли России?

Но есть здесь же в Болгарии и другого сорта монументы.

В селах и деревнях вы можете встретить памятники, построенные не русскими и не болгарскими властями, а кметствами (общественными управлениями). Они построены для увековечения памяти тех граждан — героев села, которые пали в той или другой войне за независимость и процветание «Свободной Болгарии». Они архитектурой не богаты, но знаменательны. Чаще всего это каменная или чугунная доска, вделанная в стену над источником, из которого все берут воду; и на ней четко, без всяких вычур, значатся имена героев и где, и когда они пали смертью храбрых. Всякий берущий воду невольно имена эти читает и... запоминает. Он запоминает не только имена, но тут же ему напоминается изо дня в день, что и его долг защищать «Свободную Болгарию», так же как и того, уже павшего односельчанина.

Россия как государство не могла, конечно, не отметить памятниками таких великанов ее военной мощи, как Петр Великий, как Суворов, Кутузов, Барклай-де-Толли, Скобелев. Памятники им должны были быть поставлены именно в столице, и если они теперь там разрушены, то надо будет их восстановить. Эти великаны — достояние всей России.

Но в этой же России было много удивительных серых героев, на героизме которых собственно и жила как слава их вождей, так и слава самой России.

Где и чем память о них у нас в отечестве была отмечена? Были ли у нас в селах и деревнях памятники, подобные болгарским, или хотя бы белые и черные доски в церквях с именами крестьян этого села или волости, «живот свой за други своя положивших» или награжденных Георгиевскими крестами.

Озаботилась ли об этом хоть одна земская управа; подумала ли когда-нибудь, что хорошо было бы воздвигнуть подобный монумент. Хоть одно городское самоуправление поставило ли хоть один подобный памятник на площади у себя в городе? К сожалению — нет!..

Существует одна оригинальная особенность, отличающая наши наставления и уставы от германских. Наши уставы все безличны или изложены в третьем лице; наоборот, немецкие везде, где только это позволяет стиль, изложены в первом лице. Слова «мы»,

«нас», «нам» и т.д. не редкость встретить в немецких официальных изданиях, руководящих работой в войсках.

Нам могут сказать, что это случайный пустяк, не играющий никакой роли. Позволим себе с этим не согласиться и повторить слова профессора генерала Головина: «Мелочей в нашем деле нет». Этим стилистическим приемом каждый воин, от мала до велика, психологически приобщается к общему государственному делу. Он приучается чувствовать на каждом шагу, что и он «спица в колеснице», что нет никакого различия между «вами», отдающими приказание, и «нами», исполняющими его. В силу этого делаемое дело от бытности часовым на посту и до составления плана войны является в представлении каждого немца-воина общим, «нашим государственно-национальным делом». Вот пример: начальник Военного управления фон-Сект в своем предписании, при котором издан устав «Управление войсками и бой всех родов войск, действующих совместно», говорит: «Только поддерживая живую память о средствах боя, которые были у нас отняты (т.е., скажем от себя, — отняты у каждого немца, начиная от самого фон-Секта и кончая последним рядовым германской армии), мы найдем, даже без них, пути и средства, дающие возможность выдержать бой против неприятеля, снабженного современным вооружением». В объяснительной же записке к этому уставу, в «Заключении» к части 1-й ее говорится: «Ничего не изменилось в отношении того, что и технически и численно более слабые армии могут быть приведены к победе. Народ, который стремится к победе, получит армию, которая его достойна».

Какие прекрасные слова.

Но, вместе с тем, и какой тонкий агитационный прием. Это и есть тонко продуманный, планомерный прием воспитания армии в национальном духе от низов до верхов.

III

Начнем эту главу словами Г. Леера: «Правильно назвать — правильно понять», и прибавим от себя: правильно понятое — правильно исполняется...

По нашим наблюдениям и многочисленным разговорам с солдатами стало ясным, что они слова «дисциплина» не понимали, а лишь чувствовали, отгадывали его смысл, его содержание. Для решения этой загадки новобранцу требовалось более или менее продолжительное время...

Солдат действительно умел повторить § I «Дисциплинарного устава», он умел перечислять, вызубрив с чужих слов, в чем она заключается, но первое время совершенно не понимал — что же такое собственно дисциплина.

Синтез — дело нелегкое не только для солдата. Перечисления, данные в параграфе первом устава, начинали постепенно встречаться в жизни солдата-новобранца; в его мозгу они начинали объединяться, слагаться в некоторое общее понятие, которое, оказывалось, было не чуждым ему и раньше, но только как-то оно иначе называлось на его родном языке, а докопаться до этого объединяющего слова, которое сразу раскрыло бы ему весь секрет — что такое дисциплина, он в своем мозгу никак не мог. Удачная подсказка в этот момент действовала на него, как луч света в знакомых потемках. Так обстояло дело с солдатами. Но оно еще хуже обстояло и обстоит, к сожалению, и с офицерами. Здесь это, по сути дела, простое понятие затемнено уже метафизическим философствованием в духе Хемницера, не дающим никак разобраться, где же «веревка» и «вервие простое».

Чувствуя этот существенный недостаток устава в воинском воспитании и зная крайнюю необходимость ясного понимания солдатом такого важного отдела его, М.И. Драгомиров, этот большой знаток и службы, и души солдата, и его круга и способа мышления и понимания, определил дисциплину, как известно, так: «Делай все, что тебе прикажут, но против Государя не делай».

Эта формула уже не есть перечисление, в чем состоит дисциплина, которое, как всякое перечисление, не может быть исчерпывающим, а есть определение, синтезирующее перечисления первого параграфа Устава и дающее категорический и простой ответ на недоуменный вопрос новобранца — что же такое в самом деле «дисциплина». Это именно тот луч света, который падает в его умственные, хотя и знакомые, но все же потемки.

Выше мы сказали, что определить дисциплину не умели не только солдаты, но и офицеры. Мы приходим к этому выводу не голословно, а из того, что если бы этот вопрос был бы действительно не затуманен с давних времен для офицеров — учителей солдат, то, во-первых, не потребовалось бы разъяснения Ю. Драгомирова и, во-вторых, он не поднял бы тех споров и разговоров, которые возникли около него сейчас, и не в кругу рядовых офицеров, а в сфере старших чинов и начальников...

«Правильно назвать — правильно понять», «Дисциплина есть “повиновение”».

Всемерно приветствуем. «В добрый час» — если это пожелание не останется гласом вопиющего в пустыне. Пора нам отделаться от иностранных слов, путающих во многом наши русские понятия. Русское слово русскому человеку, особенно простому крестьянину, всегда будет понятнее...

Ведь мы должны ни минуты не забывать, что уставы пишутся прежде всего (на девять десятых) для солдат, т.е. для простого народа... Необходима руководящая идея, но она

должна быть ясна, как кристалл, и ничем не завуалирована. Она в таком виде и изображается в присяге.

Для руководящего же повседневной жизнью устава, что яснее в этом отношении идеи послушания законам и законно поставленным начальникам. Это и есть идейно точный перевод иностранного слова «дисциплина».

Освободившись, таким образом, от иностранного термина, не представит в дальнейшем труда и дать точное определение — как слову, его заменившему, так и понятию, им озаглавленному.

В элементарном учебнике логики мы читаем следующие строки: «Когда мы произносим какое-либо слово, соответствующее известному понятию, и хотим сделать его понятным для всех, то мы должны раскрыть содержание понятия, соответствующего указанному слову, а так как содержанием понятия называется совокупность его признаков, то “раскрытие” содержания понятия можно обозначить как перечисление признаков, присущих данному понятию»¹⁰⁰.

Руководствуясь этими соображениями и отвечая на вопрос в 1924 году генерала А. Драгомирова о дисциплине, мы предложили тогда и предлагаем вновь «Дисциплинарный устав» при его переработке назвать «Уставом о послушании русского воина». Параграф же первый этого устава изложить так: «Послушание русского воина состоит в полной покорности и подчинении себя Законам нашей Армии и ее уставам и в полном, благоговейном уважении к ним. Оно закрепляется и удостоверяется воином его клятвою (присягою) на Кресте и Св. Евангелии».

Следующий же параграф начать так: «Поэтому воинское послушание обязывает каждого воина точно и беспрекословно исполнять приказания и команды Законом поставленных начальников и старших и т.д.»

Русский термин «послушание» обозначает общее понятие, включающее в себя и «повиновение», и «подчинение», и «уважение», и вообще отдачу не только себя телом, но и своей воли и ума в распоряжение известной идеи, а за нею и в распоряжение старших носителей ее («Послушание» в монастыре).

Заканчивая этим вопросом о дисциплине, нам хочется еще напомнить, что в старой нашей армии, а по инерции еще и сейчас, лучшие солдаты, да и офицеры, получив какое-либо приказание от начальника, отвечали и отвечают ему в знак почтения и готовности исполнить приказание — односложно — «слушаюсь». Иными словами, младший, приступая

¹⁰⁰ Проф. Г. Челпанов. Учебник логики. 1915. С. 31.

к действительному выполнению параграфа первого «Дисциплинарного устава», сразу же выражал одним словом, как он понимает этот устав.

IV

Офицер — мозг армии. Есть хороший офицер — есть хорошая армия; нет его — не будет и армии.

Сейчас при существующем положении надо поставить вопрос не столько о том, как воспитать уже существующего, но вымирающего офицера, как о том, как воспитывать будущих наших офицеров, которые должны будут прийти на смену «последним могиканам» славной старой армии.

Словом, необходимо теперь же пересмотреть коренным образом вопрос — отвечали ли и будут ли отвечать своими программами и методами воспитания современным требованиям жизни и военного искусства те военные училища, память о которых еще не угасла.

После японской войны и, особенно, революции 1904 года офицера стали обвинять, что он далеко себя держит от солдата, и ставили ему требование стать возможно ближе к нему.

Необходимость реформы отношений и установления какой-то связи между офицерами и солдатами очевидно была осознана уже тогда, но как к этой реформе приступить и с чего начать — еще не обрисовалось с полной отчетливостью, и приказание: «Стать ближе к солдату» — явилось тогда просто временной канцелярской отпиской. Существовавшее же положение вещей не давало ничего для выполнения этого приказа в частях. К нему там, как к отписке, и относились...

Для того, чтобы уяснить себе, что, собственно, значит стать ближе к солдату, упростим этот вопрос и поставим его в такой форме, что значит вообще стать ближе к человеку. Ведь солдат есть не что иное, как человек.

Под этим выражением понимается, как известно, желание познакомиться ближе с человеком, узнать его самого, его характер, его ум, его наклонности, вкусы, желания, нужды, его симпатии и антипатии, его горе и радость, и, наконец, что самое главное, основываясь на своих знаниях, идти ему на помощь в тех затруднениях, которые он встречает на своем жизненном пути, как морального, так и материального характера.

Наивысшая форма такого сближения и есть «близкие люди», «близкие друзья».

Сокращая этот перечень, для ясности мысли мы можем свести его к такой формуле: «Стать ближе к человеку — значит изучить его и помогать ему жить». А помогать солдату

жить — значит помогать ему служить, так как жизнь солдата всецело поглощена его службой.

О необходимости теоретического изучения в военных училищах солдата как человека и способах такого изучения мы говорили уже выше. Здесь речь идет уже о практическом применении этих знаний и о бытовом изучении жизни солдата.

Говорят о Суворове, о Кутузове и о многих других наших полководцах, говорят и о некоторых рядовых офицерах, желая их похвалить, что они «умели говорить с солдатом» и что в этом было их громадное преимущество перед другими.

«Их понимали солдаты».

Научиться говорить можно только разговаривая и наблюдая; разговаривать же и наблюдать можно только находясь в среде солдат. Для наблюдения же, кроме того, нужно и умение и практика.

Легчайший способ изучения как самого человека, так и его языка — это совместная жизнь с ним.

Требовать от офицера, хотя бы и младшего, чтобы он жил постоянно в казарме, в среде солдат, конечно, нельзя. Нельзя по многим причинам. Эта мера прежде всего уронила бы его служебный престиж в глазах самого же солдата и стеснила бы как офицера, так и его подчиненных.

Как начальнику необходимо отдохнуть от подчиненных, так и подчиненным необходим отдых от начальства. Пульсация, периодичность общения дает всегда и во всех случаях жизни людей большую силу и стойкость их отношениям, чем ровное и непрерывное его постоянство. Этот закон одинаково справедлив и для влюбленных и для казармы, где к общечеловеческим отношениям примешивается еще и разница в служебном и правовом отношении солдата и офицера.

Постоянство общения вообще посторонних людей между собою сперва делается тяжелым для сторон своею неизбежностью, стеснительностью и назойливостью, а потом, переходя в неминуемую привычку, притупляет остроту обоюдного внимания, интереса и, главное, страха к личности соприкасающихся. Наяду тем именно страх к личности, страх перед неизведанной до конца индивидуальностью, страх к постороннему «я» и его воле и есть первый и главнейший задерживающий стимул, который вообще заставляет людей один другого стесняться, сторониться, опасаться и держать себя в пределах рамок приличия. Это сила центробежная, уравновешиваемая в людских обществах центростремительностью обоюдного интереса и пользы общения людей между собою.

Этот страх людей перед личностью человека создает для умело пользующегося им вокруг него как бы некоторый ореол тайны, отличающий его от остальных. «Он не такой, как мы все, грешные». Этой особенностью психики человека толпы с большим искусством пользовались египетские жрецы и правители не по избранию, а по дарованию.

Имея все это в виду и все же признавая необходимость найти те пути, по которым офицер, когда ему это нужно будет, сумел бы подойти и стать ближе к солдату, остается обратить внимание на тот период его службы, когда он еще не офицер...

Постараемся уяснить себе, какой из периодов доофицерского положения рациональнее всего было бы использовать для этого.

Таких периодов три: 1) время после поступления на военную службу, но до поступления в военное училище, 2) время пребывания в военном училище и 3) время после окончания училища, но до производства в офицеры.

Опыт использования именно в этих целях времени до и после поступления в военные училища у нас уже был. Это опыт с вольноопределяющимися и выпуска их из окружных юнкерских училищ не сразу в офицеры, а в подпрапорщики.

В отношении понимания солдата и близости к нему, бесспорно, эти опыты дали в свое время положительные результаты...

Жизнь идет вперед; с каждым годом темп ее ускоряется. Обстановка ее неузнаваемо изменилась, меняется сейчас, и будет далее меняться. Меняются взгляды и отношения людей. Организация и вооружение войсковых соединений коренным образом меняются. Меняются сроки службы в них, а с ними меняется и интенсивность работы в частях...

Жизнь и дело требуют пересмотра всей системы организации как воспитания, так и программ образования будущих молодых офицеров. И это необходимо делать немедленно, теперь же, так как могикан старой школы осталось немного, ряды их продолжают редеть и им скоро не под силу будет вынести на своих плечах сложную организацию новой русской армии...

Молодой человек, окончивший среднее учебное заведение или кадетский корпус и желающий далее идти на военную службу с тем, чтобы быть впоследствии офицером, должен поступить не позже 15-го июля в одну из строевых частей, по своему усмотрению и желанию, вольноопределяющимся. Это правило одинаково для всех родов войск без исключения.

В течение трех с половиной месяцев (половина июля, август, сентябрь и октябрь) он живет в среде солдат на положении рядового, не пользуясь никакими льготами, и со своей частью участвует в частном и общем лагерном сборе. По окончании лагерей он знакомится и

с казарменной жизнью части. В этот период времени в офицерское собрание он допускается лишь изредка и не иначе как по рекомендации ротного командира и на правах и положении сына ротного же командира.

К 1-му ноября он откомандировывается в соответствующее военное училище (пехотное, кавалерийское, артиллерийское или инженерное). В училище он должен доставить два документа: 1) аттестацию ротного (эскадронного, батареиноного) командира, утвержденную командиром полка и 2) свой собственный дневник о своей жизни и службе в части со всеми приложениями и комментариями по этому поводу. Форма дневника, план и подробное наставление для его ведения вырабатываются заблаговременно соответственными военными училищами, где обращается первенствующее внимание на изучение солдат — сослуживцев автора дневника. Такие формы и наставления рассылаются в части, по их требованию, в печатном виде и там выдаются всем желающим попасть в училище.

Прием в училище производится по конкурсу документов об образовании и предоставленных дневников — главнейшим образом.

С 1-го ноября во всех военных училищах начинаются зимние занятия...

Здесь же разбираются и наблюдения, сделанные молодыми людьми и в офицерских собраниях.

Нет лучшего способа обучения, как записываемое планомерное и сознательное наблюдение.

Зимний курс, или, вернее, классные занятия в военных училищах продолжаются 8 месяцев (по 1-е июля) с Рождественскими и Пасхальными перерывами, каждый на две недели.

С 1-го по 21-е июля разрешается отпуск домой.

22-го июля юнкер прибывает вновь в строевую часть по предписанию из училища, но ни в коем случае не в ту, из которой он прибыл первоначально. Здесь же вступает в должность отделенного начальника, к которой его тщательно подготовляли в течение зимы...

К 1-му ноября юнкер опять возвращается в свое военное училище. Дневник его по-прежнему рассматривается и обсуждается групповым порядком, как и первый раз. Осмысленный опыт работы и жизни в казарме с солдатом нарастает таким образом еще больше.

Дневники всех периодов обязательно возвращаются авторам.

Наступает новая зима, и вновь классные занятия на втором курсе при том же распределении времени.

К концу этого периода юнкер производится в унтер-офицеры...

Окончив второй теоретический курс военного училища, юнкер вновь после отпуска в июле месяце является в указанный ему училищем уже третий полк и там, в одной из рот, по выбору командира полка, принимает уже взвод во всех решительно отношениях на законном основании и согласно действующим уставам.

Это будет период выработки будущим офицером его служебного такта.

Юнкер здесь будет самостоятельно вести воспитание и обучение взвода...

При таком положении солдат будет изучен юнкером отлично, он будет знать всю подноготную жизнь роты во всех отношениях. Знание всех уставов осветится вдумчивой практикой и личным опытом.

С таким богатым запасом впечатлений, опыта и переживаний он вернется опять, но уже в последний раз в свое училище (при двухгодичном курсе — для производства).

Здесь, на третьем курсе, можно было бы дать таким юнкерам и угол на рукав и звание «подофицера».

Для усиления самоконтроля и самовоспитания необходимо после окончательного ознакомления юнкеров в училище между собою ввести на втором и третьем курсах суд чести юнкеров...

На третьем курсе окончательно завершается теоретическая подготовка будущего офицера и шлифовка как его самого в воспитательном отношении, так и подготовка из него воспитателя солдат, и он после производства и отпуска в июле месяце является в тот полк, в который ему при выборе вакансий досталось производство.

Воинское воспитание есть только одна из частных вообще государственного воспитания нации, планомерно проводимого в жизнь во всех ее проявлениях.

Народ, желающий жить самостоятельно, должен иметь национальную, а не наемную армию, а поэтому он должен озаботиться прежде всего о воспитании своей молодежи в духе религии, любви к своему Отечеству и к своей армии как неотъемлемой части его самого.

В представлении руководящей общественности и администрации страны — вопросы и интересы армии должны быть всегда родными и близкими и не затемняться партийным и ведомственным эгоизмом.

В руководящих военных кругах главнейшим вопросом организации армии должен быть вопрос о надлежащем подборе и воспитании офицера, памятуя, что «офицер — мозг армии». Следующим вопросом является забота об унтер-офицере как о «скелете армии».

Уставы, наставления и остальные руководящие распоряжения должны уже в своем стилистическом изложении, помимо содержания, назойливо носить отпечаток национальной идеи обороны своего Отечества всеми одинаково — от мала до велика.

Воинское воспитание солдата в частях может быть направлено лишь к поддержанию и развитию чувств религиозного и патриотического; само же оно создать эти чувства, за краткостью и недостатком времени, не может. Главнейшей его задачей будет развитие любви к армии в общем и к своей части — в частности.

В конечном результате воинское воспитание в частях должно дать полное, безоговорочное, вошедшее в привычку, автоматическое послушание. Смысл и значение этого требования должен быть совершенно ясен для каждого, и его не должно затемнять иностранными словами и ненужным философствованием. Русский человек казуистики не любит. Устав о воинском послушании (дисциплинарный) такое безоговорочное название и должен носить.

Присяга же как идейное изложение воинского служения всякого гражданина своему Отечеству должна быть обязательно знаема каждым военнослужащим твердо наизусть. Это его «Символ верности служения Отечеству».

Разъяснения и напоминания — какой каре подлежат клятвопреступники со стороны Церкви и Государственных законов, должны быть делаемы возможно чаще.

(Военный сборник. 1928. Кн. 9. С. 80–115).

КРАСНАЯ АРМИЯ

А. Зайцов, Е. Месснер

Мнения о Красной армии очень противоречивы. Одни считают ее армией, неспособной успешно бороться с современными европейскими армиями. Другие, наоборот, склонны приписывать ей именно те качества, которыми не обладают сейчас эти армии. Может ли она считаться армией современной, технически оборудованной так же, как и другие армии Европы? Какова ее организация, какова ее численность? Ответа на все эти вопросы в зависимости от политической окраски и национальности авторов часто диаметрально противоположны.

Что же на самом деле представляет сейчас Красная армия? Для ответа на этот вопрос нельзя ограничиться перечислением числа дивизий и описанием управляющего армией командного и политического аппарата. Этот внешний фасад дает мало. Ключ к пониманию существа этой армии в истории ее возникновения и развития и в тех идеях, которые легли в основу ее организационных форм.

Красная армия возникла 15 лет тому назад, в начале 1918 года, когда по идее Ленина сумбурно возникшая и так же сумбурно развивавшаяся Красная Гвардия была переформирована в Красную Армию. Первоначально она была добровольческой. Лишь весной 1918 г. для добровольцев был установлен 6-месячный срок обязательной службы. Принудительный набор начался лишь с июня 1918 года, и с этого именно времени собственно лишь и можно говорить о Красной армии.

За время Гражданской войны призывами мобилизованных, трех новых возрастов и ловлей дезертиров Красная армия была доведена к концу 1920 года до 5/2 миллионов.

К 1921 году Гражданская война кончилась, и стал вопрос о том, что делать с этой полуорганизованной 5-миллионной массой. За 1921 год поэтому армия была сведена до 1/2 миллионов, но и эта цифра была, конечно, непосильной для СССР. Наступил период блужданий и проектов реорганизации. Из-за желания сократить штаты мирного времени и в то же время пропустить сквозь ряды армии всю достигавшую призывного возраста молодежь было решено перейти на милиционную систему. Отсюда родилась идея «территориальных», т.е. по существу дела милиционных дивизий, имевших задачей пропуск возможно большего числа призывных путей сокращения срока службы до нескольких месяцев, и притом еще распределенных в течение пяти лет. Прикрытием этого, отработывавшего призывных «территориального» (ибо эти милиционные дивизии комплектовались, конечно, лишь за счет

районов своего расположения) аппарата, должна была служить постоянная «кадровая» армия с 2-летним сроком службы, расположенная вдоль границ.

Назначение комиссаром по военно-морским делам Фрунзе вместо Троцкого привело к окончательному оформлению этой новой структуры Красной армии. Реформы 1924–25 гг. и были направлены к закреплению этого нового порядка. Только со времени этих реформ Красная армия, наконец, перешла с рельс Гражданской войны на рельсы мирного времени.

Отдельные рода войск были переформированы по общеевропейскому образцу, появились серии новых уставов, хотя и овеянных духом Гражданской войны 18–20 гг., но уже более или менее в военном отношении грамотных. Закрепляется штатная численность армии в 600 т. примерно человек, и армия начинает отрабатывать благодаря территориальному аппарату свыше половины ежегодно подлежащего контингента.

Техническое оборудование еще примитивно...

Но хуже всего дело обстояло с командным составом. За время Гражданской войны в значительной своей части принудительно в ряды Красной армии вошло до 50 т. бывших офицеров и 200 т. старых унтер-офицеров. Они-то и составили во время Гражданской войны тот остов, которым держалась эта пятимиллионная полуорганизованная масса. Но их не хватало, и вот за три года Гражданской войны большевиками наспех было пропущено через «Командные курсы» (нечто среднее между школой подпрапорщиков и школой прапорщиков) еще около 40 т. «красных командиров». По окончании Гражданской войны старые офицеры стали увольняться и меняться выдвинутыми войной новыми красными командирами. Политически армия стала крепнуть, в военном отношении ее захлестывала волна безграмотных командиров. Несомненно, что в эти годы Красная армия по своей боеспособности стояла неизмеримо ниже даже своих непосредственных соседей на западной границе.

Нужно было найти выход из этого тупика, и наступает новый период строительства, в общем завершившийся лишь к 1930 году.

Прежде всего принялись за командный состав. Возникли военные училища («нормальные школы»). Взамен комиссарского надзора при командирах-специалистах решили перейти к единоначалию, совмещая в лице командира и политические и военные функции. Для этого нужен был новый командный состав. Начинается усиленный набор в военные школы привилегированных слоев населения — рабочих и партийных коммунистов. Стихийно растет процент коммунистов среди командного состава. В армию вводят коммунистов, а главное, сам командный состав упорно стремится записаться партийным билетом. Единоначалие становится возможным. Командный состав («начсостав» по-

советски) в своей массе становится партийным. Беспартийному командиру хода не дают, и начсостав перекрашивается в красную краску. Внешняя картина дает полное официальное благополучие. В 1927 году половина командного состава — «партийцы». В 1930 — число коммунистов среди командиров близко к двум третям общего их количества. Никакая статистика не может, однако, сказать, насколько прочно пристала к ним красная краска. Но фасад выкрашен.

Прием же в школы искусственно доводит среди поступающих процент коммунистов до 80-ти. Основная предпосылка для устранения двоевластия (командир и комиссар) устранена. Проблема командного состава, наконец, решена. По крайней мере, казенные цифры отвечают заказу.

Но что дало это решение? Из 50 примерно тысяч командного состава (офицеров) лишь 10% составляют старые офицеры, только половина прошла советские военные училища, а остальные 40% — учились «чему-нибудь и как-нибудь», кто на командных курсах, а кто и попросту нигде. В военном отношении командный состав Красной армии в массе не отвечает тем требованиям, которые сейчас предъявляются офицеру. Искусственный подбор при пополнении командного состава политически благонадежного элемента привел к его военной безграмотности. Еще хуже, однако, то, что эта малограмотность плохо осознана самим командным составом. Опыт Гражданской войны, плохо понятый и недостаточно разработанный, внес полную смуту в умы. Успехи на фронтах Гражданской войны еще больше затемнили и без того неясное представление о современном бое в командном составе. Это привело к его примитивному убеждению, что именно Гражданская война 18–20 гг. сказала последнее слово и что ее опыт будто бы опровергает опыт других войн. Для критического подхода к изучению явлений Гражданской войны командный состав не подготовлен и поэтому слепо принимает на веру то, что требует внесения самых серьезных поправок для того, чтобы этот опыт мог быть использован для будущей войны.

«Натаскать» офицера за три года учения в военной школе сейчас уже нельзя. И проблема командного состава — основная проблема Красной армии.

Наряду с этим верхи совсем не безграмотны. Если отбросить несколько чисто декоративных фигур, вроде Клима Ворошилова, Буденного, Дыбенко и им подобных, правят армией люди совсем грамотные. Советская военная литература дала такие труды, как, например, «Эволюция военного искусства» Свечина, которая смело может быть поставлена наряду с лучшими произведениями современной мировой военной литературы. Да и его «Стратегия» совсем не хуже курсов стратегии европейских армий (например, Кюльмана).

Советские Уставы конца второго периода (1927–1929 гг.) немногим уступают германским, и если бы не необходимость писать их для неподготовленного командного состава, они были бы написаны, вероятно, еще лучше. Много балласта можно было бы отбросить, основные идеи выявились бы еще более четко. Но этот балласт в виде цифр, правил на все случаи жизни и поучений неизбежен в армии с командным составом, подобранным по признаку не профессиональной годности, а лишь политической благонадежности.

Казалось бы с первого взгляда, что при наличии подготовленных верхов и необученного, но благонадежного (во всяком случае внешне) командного состава выход из положения не так уже сложен. Нужно лишь приналечь на военную грамоту за счет политической. Но вот тут-то и обнаруживается вся безвыходность того тупика, в который загоняется командный состав Красной армии. Сама военная грамота ставится под сомнение.

Смены верхам нет. Если не считать выдвинувшихся за последнее десятилетие единиц — масса командного состава не выдвинула подготовленных для руководства армией верхов на смену правящим ею сейчас.

Военная Академия еще живет на старой профессуре. Новой на смену ей нет. Военная наука не может идти вровень с жизнью, потому что коммунистическая доктрина требует создания своей, «пролетарской» военной науки. Даже А.А. Свечин, идейный руководитель Красной Академии чуть ли не с ее основания и начальник «Всероссийского главного штаба» еще во время Гражданской войны, подпал сейчас под подозрение, и его уже обвиняют в непонимании этой новой марксистской военной науки и пристрастии к «буржуазному идеализму». Но все потуги создать новую военную науку пока не дали ровно ничего. Старая профессура обречена на отмирание, новая не рождается. Старая военная наука отмирает, новой не могут создать. И вот в этом идейном тупике и бьется советская военная мысль. Весь вопрос в том, кто победит. Но это, конечно, большой вопрос.

За эти же годы техническое оборудование армии, однако, сильно шагнуло вперед. Пехота, наконец, получила хороший ручной пулемет (Дегтярева). И насыщенность тяжелыми пулеметами (36 на полк), и наличие пехотной артиллерии делают ее настоящей современной пехотой. Артиллерии мало, но все-таки в дивизии уже есть два калибра (76 мм пупки и 122 мм гаубицы), и по числу батарей она лишь на одну треть уступает французской дивизии, 10 вместо 15... Постепенно растет и тяжелая артиллерия (152 мм гаубицы и 107 мм пушки), и она начинает доводиться почти до дивизиона на дивизию. Появились зенитные пушки. Быстро растет воздушный флот. Создана авиационная промышленность... Начинается, еще пока ошупью и без наличия надежной промышленной базы, моторизация...

Технически Красная армия с 1924 года непрерывно росла, и от примитивной техники той эпохи она подходит сейчас к современным европейским нормам.

70 пехотных и 16 кавалерийских дивизий Красной армии, благодаря переходу больше чем половины армии к территориальной системе, обрабатывают почти две трети призывных. Допризывная подготовка, вневойсковое обучение и, главное, «Осовиахим» стремятся полностью охватить военным обучением все годное для армии население. Создававшийся постепенным слиянием военно-научного общества «Добролета» и «Доброхима» — «Осовиахим» является мощным аппаратом милитаризации населения. Свыше 5 миллионов членов этой полупринудительной организации вовлекаются ею в военную подготовку. Людской резервуар охвачен военной подготовкой почти полностью. Вопрос только в ее качестве. Как и в «пяtilетке» — «качественные показатели» и здесь расходятся с «количественными». Погоня за количеством за счет качества — вот общий итог в этой области. И это самоуверенно противопоставляется достижениям «буржуазных» армий. Массовая пролетарская армия, «недостижимая» для буржуазных государств, наполняет гордостью советских военных писателей. Вера в то, что эту массовую армию сейчас поднять под силу только пролетарскому государству, сидит прочно в советских мозгах. Этот мираж количества сильно мешает трезвой оценке действительности. Фуллер с его механизированной армией считается типичным выразителем чаяний буржуазных армий. Но где, кроме Красной армии, Фуллера принимают сейчас всерьез? Да и самый знак равенства, проводимый советской военной печатью между механизацией и буржуазной структурой армии, совершенно не отвечает сущности идей Фуллера. Этот ярлык приклеен к Фуллеру лишь для того, чтобы оправдать невозможность в настоящих условиях провести хотя бы частичную механизацию Красной армии. Но с «легкой руки» Форда автомобильный завод в Нижнем скоро сможет заставить и механизацию признать «пролетарской».

Итак, Красная армия, конечно, далеко ушла не только от эпохи Гражданской войны, но и того периода роста, с которым у многих и посейчас связано представление о ней, как об армии технически отсталой и дезорганизованной. Это, конечно, в 1931 году совершенно не отвечает действительности. И организационно и технически она не уступает своим соседям, а во многих областях (например, авиации), несомненно, их превосходит, милитаризация проводится широко и захватывает все слои населения. В пополнениях Красная армия недостатка не встретит. Ее Уставы не хуже уставов других армий. Ее материальная часть сильно подправилась. Создается и военно-промышленная база...

Полуинтеллигентное офицерство

...В наше время особенно высокие требования предъявляются к офицерскому составу армии осилить все разнообразие средств войны — оружия, боевых машин, транспорта, связи, — овладеть тактикою боя, где находит себе применение и примитивный штык и чудо техники — зенитное орудие, где ползание пехотинца комбинируется с бешеной скоростью танка, где таят смерть и земля, и небо, и подземелье, где надо уберечь своих воинов и от пули-пчелы и от воющего снаряда-чемодана.

Все армии повышают образовательный стаж своих офицеров. Старики генералы садятся за парты и в «школе маршалов» учатся военной и государственной мудрости. Получение чинов сопряжено с выдержанием экзаменов. Специальная и общеобразовательная программа военных училищ расширена. Для поступления в эти училища требуется законченное среднее образование, причем уровень этого образования сильно повышен в послевоенное время.

Только в СССР этот уровень понизился — десятилетка выпускает юношей с развитием не выше шести классов европейской гимназии (если не ниже). В военные училища принимаются молодые люди, завершившие восьмилетку, то есть примерно четыре класса гимназии в западных странах. Военные училища, считаясь с уровнем развития своих воспитанников, имеют жиденькую программу, не идущую в сравнение с программами военных школ Европы. Состав преподавателей в военных училищах таков, что и эта куцая программа не осуществляется — в офицеры выходят полуинтеллигенты.

Зло увеличивается тем, что и эти полуинтеллигенты имеют ограниченный доступ к ответственным должностям — совершенно безграмотные герои Гражданской войны в силу своих прежних заслуг идут быстрее этих полуинтеллигентов к вершинам иерархической лестницы: Федько, Буденный и Дыбенко взобрались на верхнюю полку; столь же яркие «мыслители», но в меньших чинах заняли следующие полки в служебной галерее, армией владеют лица, которые в анкетах заполняют графу «общее образование» словами «в объеме начальной школы»; «в объеме» это означает, что и начальной школы не окончил.

Полуинтеллигентам остаются вторые роли, но и здесь отбор производится не столько с точки зрения мыслительных способностей, сколько по степени преданности партии и Сталину. Особенно в последние годы быстро скакали через чины шпионовыдвиженцы: крикнувший «слово и дело» немедленно получал повышение по службе. Сейчас много должностей командиров полков занято 26–27-летними шпионовыдвиженцами. Командный

состав Красной армии сполз в своей интеллигентности на уровень средний между европейским и китайским — евразийцы могут быть довольны.

Ворошилов недавно, говоря о своих офицерах, похвалил их за то, что они хорошо стреляют из винтовки и преданы компартии. При Бироне тоже требовалось, чтобы офицеры умели хорошо фехтовать и хорошо танцевать, то есть вращаться в избранном обществе. И красные офицеры умеют хорошо фехтовать — винтовки вместо шпаги — и умеют вращаться в избранном коммунистическом обществе.

Нарком Обороны, потрясенный статистикой об общем образовании офицерства, — 30% с гимназией, 40% с неполной гимназией и 30% с начальной школой — предписал в кратчайший срок всем неучам получить среднее образование. При полках были созданы курсы, и получился конфуз — процент переползающих из класса в класс не достиг и 10. Тогда стали переводить в следующий класс без экзамена — приказом по полку: и при этой «системе» оказалось 47% неуспевающих.

Это не значит, что недоучившиеся — плохие солдаты; это не значит, что красные командиры не храбры, не обладают волей, не знают свое ремесло. Это не значит, что Красная армия не может воевать.

Это значит, что она не может воевать «малою кровью». Неопытный пахарь замучит себя и коней — и все же выпашет меньше, чем искусный крестьянин; плохой косарь перепортит покос и изломает свою несчастную поясницу; бестолковый кучер загонит лошадей и не даст той скорости езды, что кучер — мастер своего дела. Так и в военном деле: офицерство знающее и — это самое важное — офицерство интеллигентное проливает кровь бережно, как искусный хирург, офицерство же неинтеллигентное «пускает кровь» без меры, как цирюльник.

Инженер, не нашедший правильного решения в сложном случае, кооператор, не осмысливший сделки в закупке или продаже, причиняют лишь денежный убыток. Офицер же с недостаточно развитой способностью быстро и находчиво мыслить, льет бесцельно, а следовательно, преступно человеческую кровь — кровь своих солдат или кровь вражеских. Это одинаково позорно с точки зрения военного искусства.

Красная армия, пока она будет руководиться нынешним офицерством, будет армией кровавых боев — может быть победа, может быть поражение, но во всяком случае кровавые.

(Зайцов А. Красная армия // Часовой. 1931. № 54. С. 10–12. Месснер Е. Полуинтеллигентное офицерство // Знамя России. 1938. № 2–3. С. 8–9).

Часть II. АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аннотации книг: № 1–147

Аннотации статей: № 148–491

...Только библиография может вести от популярного, т.е. мнимого, знания к знанию действительному, основанному на непосредственных источниках, указание которых и заключается в библиографии.

Н. Федоров

АННОТАЦИИ КНИГ

1. *Авалов П.* В борьбе с большевизмом. — Глюкштадт и Гамбург, 1925. — 540 с.

Воспоминания бывшего командующего русско-немецкой западной армией в Прибалтике. — Краткий исторический обзор взаимоотношений России и Германии. — Принципы и ход мировой войны. — Меншевицкая и большевицкая революции в России. — Формирование добровольческих войск в Митаве. — Военное совещание в Риге 26.08.1919 г. — Военные действия. — Большевизм. — Государь Император.

2. *Акацтов М.Е.* (Михаил Антонов). Книга скорби. — б.м., 1925. — 322 с.

Политические и патриотические убеждения автора. — Из истории Смутного времени России в XVII веке. — Цена революционного разорения России и условия ее возрождения после «большевизма». — Взгляд на монархию в России. — Историческая миссия России. — Критический анализ антибольшевистского движения. — Возрождение России через социально здоровую деревню. — Схематические параллели Смутного времени и революции.

3. *Алексеев Н.Н.* На путях к будущей России (Советский строй и его политические возможности). — Париж, 1927. — 75 с.

Современная постановка русского политического вопроса. — О старой и новой «Русской правде». — «О государстве как союзе мира и союзе правды». — О строении

советского государства. — О некоторых преимуществах и недостатках советской системы. — О монархии, республике и союзе народов.

4. *Алексеев Н.Н.* Теория государства. — Париж, 1931.

Идея государства в современном государствоведении. — Методы теории государства. — Понятие государства и элементы государства. — Территория. — Народ. — Власть. — Государственное устройство. — Организационные начала государственной жизни. — Государственный порядок. — Государственный идеал.

5. *Амфитеатров А.* Литература в изгнании. — Белград, 1929. — 57 с.

Литература белых отступлений. — П.Н. Краснов. — Галлиполийская литература. — Наиболее яркие представители литературы русской эмиграции.

6. Армия и Флот. Военный справочник. — Париж, 1930. — 170 с.

Основы воинского духа. — Императорская Российская армия (части и соединения). — Императорский Российский Флот. — Русский Обще-Воинский Союз. — Военно-Морской Союз. — Военная печать. — Иностранные армии.

7. Артиллерийские «чай-беседы». Сборник докладов. Составители: Тимофеев М.Ф., Лашков С.И. — Белград, 1930. — 48 с.

О традициях артиллерии русской армии, применении артиллерии в различных видах боя, видах огня, приемах стрельбы. Обзор литературы по артиллерии.

8. *Белогорский Н.* Доколе же... — Берлин, 1931. — 64 с.

Необходимость энергичной борьбы с большевиками России. Конкретные предложения и призывы к борьбе. — Спор с «непредрешенцами».

9. Белый Архив I. — Париж, 1926. — 223 с.

Выдержки из военных документов периода революции 1917 г. — Воспоминания участников «белой борьбы». — Письма белых вождей. — Белое движение. — Отношение к большевизму и Красной армии.

10. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. — Париж, 1970. — 242 с.

Письмо «О войне» С. 190–201.

Война, ее природа и цель. — Восприятие войны людьми. — Пацифизм. — Психология войны. — Иррациональность цели войны и дисциплина масс. — Классовая война. — Война как состязание духа народов. — Идея вечного мира.

11. *Валь В.Г.* Деятельность ген.-адъютанта Щербачева. — Таллинн, 1935. — 156 с.

Биографические данные и краткий боевой и служебный путь ген. Щербачева Д.Г. — Деятельность Щербачева на посту начальника академии Г.Ш. — Щербачев — командующий Румынским фронтом в годы Первой мировой войны. — Щербачев как один из организаторов противобольшевистской борьбы в годы Гражданской войны и позже.

12. *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. — Париж, 1927. — 264 с.

Русский народ и его место в истории. — Обзор истории России и российской государственности. — Войны в истории России. — Армия и политика Петра I.

13. *Верцинский.* Год революции. Воспоминания офицера Генерального Штаба за 1917–1918 годы. — Таллинн, 1929. — 60 с.

Начало революции. — Обстановка и развитие событий в 8-й армии генерала Л.Г. Корнилова. — Служба автора в Главном управлении Генерального штаба.

14. Генерал Кутепов. Сборник статей. — Париж, 1934. — 378 с.

Краткий биографический очерк об А.П. Кутепове, командующем I армейским корпусом во время изгнания белой армии из Крыма и ее пребывания в Галлиполи, в дальнейшем — председателе РОВС. — Воспоминания о Кутепове видных деятелей Русского Зарубежья, друзей, коллег Кутепова.

15. *Гериониус Э.* Война и промышленность. — Пильзен, 1928. — 63 с.

Первое экономическое следствие войны. — Рабочий вопрос во время войны в России. — Число рабочих, требуемых в период войны. — Управление промышленностью во время войны в России и у союзников. — Стоимость войны. — О возможных способах покрытия военных расходов при будущих войнах. — Налоги, достаточные для ведения войны. — Промышленность после войны.

16. *Геруа А.* Полчища. — София, 1923. — 434 с.

Соотношение между политикой и военной организацией. — Вооруженный народ и политика. — Армия и психология масс. — «Частные» случаи и «общие» им законы. — Проблемы кадров. — Организация и психология. Логика и вера. — Деникин и Красная армия. — Дух армии и военная организация. — Политичность и психика упадка нравственности вооруженной массы. — Армия и идеалы борьбы. — Опыт России, христианство и Толстой. — Борьба за личность и интернационал. — Русская литература. Идеализм, пророчество и пошлость. — Россия и Европа. — «Позитивизм и Русский». — Взрывы в народе детонируют в армии. — Борьба современных идей и полчища. — Вооруженный народ и пацифизм. Пророчества Ленина. — Вожди и масса. — Гражданская война и армия. — Анализ современного военного искусства. — Связь армии и экономики. — Военная доктрина. — Массы и мир. — Большевизм — патологическое явление. — Разоружение и вооруженный народ. — Ограничение вооружений. — Сокращение вооружений и его проблемы. — Новая армия. — Расчет силы действующей армии. — Высшее командование и парламентские органы в армии. — Продолжительность службы. — Усиление профессиональных кадров.

17. *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни. Т. 1–2. — Париж, 1969–79 гг. — Т. I — 276 с.; т. II — 218 с.

Учеба в кадетском и пажеском корпусах. — Служба в молодые года и учеба в академии Г.Ш. — Служба в Генштабе и участие в Русско-Японской войне. — Служба до 1917 г. — Характеристика военного ведомства России, сослуживцев, известных военных деятелей.

18. *Гинс Г.К.* На путях к государству будущего. От либерализма к солидаризму. — Харбин, 1930. — 205 с.

Кризис либерализма и социализма. Учение о социальной солидарности. — Новые формы организации хозяйства. — Синдикализм в фашистской Италии. — Корпоративное государство и фашизм. — Лига Наций и международный солидаризм. — Марксизм перед судом истории. — Солидаризм как новое достижение культуры.

19. *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. — I–II тома. — Пекин, 1921 г. — Т. I — 325 с., т. II — 606 с.

Краткая биография, политические стремления адмирала Колчака. — Большевики в начале 1918 г. — Антибольшевизм в Сибири. — Сибирское правительство. — Период многовластия. — переворот 18 ноября. — Интервенция. — Земельный вопрос. — Ошибки и

просчеты. — «Побеждающий большевизм». — Красная армия. — События в Иркутске осенью 1919 г. и гибель Колчака. — Уроки интервенции.

20. Главнокомандующий Русской Армией генерал барон П.Н. Врангель. — Берлин, 1938. — 239 с. Сборник статей п/р А.А. Фон-Лампе.

Врангель в строю. — Автобиографические сведения. — Боевой путь. — Заслуги. — Деятельность Врангеля в эмиграции. — Статьи о Врангеле И.А. Ильина, Б. Штейфона, Ф. Касаткина-Ростовцева и др.

21. Головин К.Н. Военные усилия России в Мировой войне. I–II т. — Париж, 1939. — Т. I — 210 с.; т. II — 239 с.

Русские законы о всеобщей воинской обязанности. — Затруднения России в использовании ее многолюдья и в «устройстве и оборудовании Российской Вооруженной силы». — Численность людей, призванных во время войны, и людские потери. — Вооружение и снабжение армии. — Ход войны и настроения армии и тыла. — Разложение армии. — Приложения: схемы, графики.

22. Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года. Дни Галицийской битвы. — Париж, 1940. — 196 с.

Ход битвы. — Анализ руководства ею. — Действия сторон.

23. Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. План войны. — Париж, 1936. — 267 с. и 49 схем.

Численность и мощь русской армии перед войной. — Мобилизационные возможности России. — Международная политическая обстановка. — Разработка планов войны в 1910 и 1912 годах. — План войны 1913 г. и «большая программа 1914 г.». — Снабжение армии и ее тылов. — Начало войны и выправление ее плана.

24. Головин Н.Н. К чему идет Великобритания? — Рига, 1935. — 228 с.

Строение и задачи военно-морской мощи Британской империи. — Характеристика сухопутных сил. Военно-воздушный потенциал и воздушная политика Британии. — Политико-стратегические проблемы современной Великобритании.

25. Головин Н.Н. Мысли об устройстве будущей Российской Вооруженной Силы. — Белград, 1925. — 403 с.

Основной план создания Российской Вооруженной Силы. — Военная доктрина: сущность, опыт, принципы. — Качество войск. Дух войск и социально-политические условия. — Процесс подготовки офицеров. — Наша армия и армии вероятных противников. — Оптимальный количественный состав войск. — Характеристика ТВД. — Устройство родов войск.

26. *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. — Таллинн, 1937 (в 12 книгах серии приложения к «Иллюстрированной России», кн. 23–34).

Зарождение контрреволюции. — Выступление Корнилова. — Образование областных противобольшевистских движений. — Зарождение «Красной армии». — Революция и казачество. — Развитие общероссийского противобольшевистского движения. — Протест интеллигенции. — Формирование Добровольческой армии, ее характеристика и история. — Освобождение Сибири. — Образование «Белого военного фронта Гражданской войны».

27. *Головин Н.Н.* Современная стратегическая обстановка на Дальнем Востоке. — Белград, 1934. — 60 с.

Экономическое и политическое положение в Русском Приморье. — Возможности Красной армии на Дальнем Востоке. — Необходимые силы Японии для овладения Приморьем. — Возможности авиации Японии и СССР на Дальнем Востоке.

28. *Головин Н.Н.* Суворов и его «Наука побеждать». — Париж, 1931. — 132 с.

Описание жизни А.В. Суворова. — Изложение автором взглядов и учения великого полководца по воспитанию и подготовке воина к армии. — Приложения: «Наука побеждать» А.В. Суворова и пояснения к ней Н.Н. Головина.

29. *Головин Н.Н.* Танки в минувшую войну и будущую. — Прага, 1925. — 122 с.

История создания танка. — Первое боевое применение. — Массовое использование. — Боевые возможности и принципы использования. — Совершенствование танков. — Возможности России в этой связи.

30. *Головин Н.Н., Бубнов А.* Тихоокеанская проблема в XX столетии. — Прага, 1924. — 289 с.

Экономическая, политическая, демографическая характеристика Японии и ее политика на Тихом океане. — Будущая война на Тихом океане и ее стратегические особенности. —

Стратегическое единорство Америки и Японии и характеристика их морских сил. — Возможные политические группировки на Дальнем Востоке и их значение. — Россия и ее интересы в тихоокеанском регионе.

31. *Граф Г.* На «Новике» (Балтийский Флот в войну и революцию). — Мюнхен, 1922. — 480 с.

Утилизация флота и объявление войны. — Боевые действия флота в начальный период войны. — Характеристика адмиралов К.О. фон Эссена, А.В. Колчака и др. — Ход войны на Балтике. — «Революционная смута и флот». — Взгляд на революцию матросов и офицеров. — «Смерть Флота». — Приложения: таблицы боевого и численного состава флота.

32. *Грулев М.* Записки генерала-еврея. — Париж, 1950. — 250 с.

Воспоминания. Детство и среда воспитания. — Служба офицером в войсках. — Служба в Генеральном штабе в конце XIX века. — Жизнь и служба в Сибири, на Дальнем Востоке, в Азии и на Кавказе. — На Японской войне. — Период перед Первой мировой войной.

33. *Даватц В.Х. и Львов Н.Н.* Русская армия на чужбине. — Белград, 1923. — 125 с.

Жизнь белой армии в лагерях Галлиполи, на Лемносе в 1920–23 гг.

34. *Данилов Ю.Н.* Великий Князь Николай Николаевич. — Париж, 1930. — 370 с.

Биография и жизнь Великого Князя Николая Николаевича (Романова). — Военная служба Великого Князя до Первой мировой войны. — Роль его в политике России. — Россия накануне войны. — Великий Князь Николай Николаевич как Верховный Главнокомандующий Русской Армии в начальный период войны. — Жизнь Великого Князя в эмиграции и его кончина.

35. *Данилов Ю.Н.* Россия в Мировой войне. 1914–1915 гг. Берлин, 1924. — 397 с.

Причины войны и поводы к ней. — Мобилизация русской армии. — Готовность России к войне. — Состояние вооруженных сил и реорганизация армии по плану 1910 г. — Политические союзники и противники России. — Идеи стратегического развертывания. — Начало войны и настроения в обществе. — Состояние наших армий после четырех месяцев наступления. — Планы наши и противника в 1915 г. — Работа военного министерства и общественных организаций по снабжению армии.

36. *Деникин А.И.* Брест-Литовск. — Париж, 1933. — 52 с.

Переоценка во Франции значения Брестского мира и отношения к нему. — Воссоздание автором истории подписания этого исторического соглашения. — Последствия Брестского мира для России и ее союзников.

37. *Деникин А.И.* Мировые события и русский вопрос. — Париж, 1959. — 87 с.

Угроза мировой войны. — Оценка политических союзов государств. — Причины новой мировой войны. — Вопрос колоний и раздела мира. — Отношение держав к России. — Отношение Германии к русским эмигрантам. — Политика Японии. — «Вражда» в кругах русской эмиграции. — «Свержение Советской власти и защита России». — Военная организация зарубежья и ее задачи. — Свержение большевизма в России как путь ее национального возрождения.

38. *Деникин А.И.* Офицеры. Очерки. — Париж, 1928. — 140 с.

В художественной форме, через эпизоды Гражданской войны и эмигрантской жизни офицеры старой русской армии показаны в контексте их трагической судьбы.

39. *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Т. I–V. — Париж — Берлин, 1921–1926. Т. I — I–II выпуски. — Т. I. вып. I. 183 с.; т. I вып. II. — 238 с.

Устои старой армии и ее состояние перед революцией. — Армия и революция. — Борьба за власть; Временное правительство. — Положение на русско-германском фронте весной 1917 г. Военные реформы 1917 г. — «Демократизация армии». — Печать и пропаганда. — Армия летом 1917 г. — Корниловское выступление.

Т. II — 345 с.

Генерел Крымов и его смерть. — Военные реформы Керенского. — Большевистский переворот. — Смерть Духонина. — Формирование белой армии на Дону и ее первые действия.

Т. III — 272 с.

Стимулы борьбы с советской властью. — Власть и армия. — Жизнь Добровольческой армии. — Красная армия. — Попытка государственного строительства на юге России.

Т. IV —

Крушение Германии. — Интервенция в России. — Борьба за единство военного командования антибольшевистскими силами. — Положение на Украине в 1918 г. — Внешняя политика юга России.

Т. V —

Верховная власть Колчака. — Отступление армий Юга. — События в Крыму в 1920 г. — Оставление Деникиным поста Главнокомандующего вооруженными силами юга России и уход в эмиграцию.

40. *Деникин А.И.* Путь русского офицера. Мемуары. — Нью-Йорк, 1953. — 382 с.

Сведения о родителях. — Детство, учеба в школе и военном училище. — Служба в войсках. — Обучение в военной академии Г.Ш. — Японская война. — Служба между войнами и оценка тогдашнего положения в стране. — На фронтах Первой мировой войны.

41. *Деникин А.И.* Русский вопрос на Дальнем Востоке. — Париж, 1932. — 35 с.

Опасность новой мировой войны. — Политика Японии в начале 30-х годов и ее анализ. — Оккупационные действия Японии в Китае. — Советско-японские отношения. — Военные возможности Японии и Советского Союза на Дальнем Востоке. — Неспособность советской власти защитить русский Дальний Восток.

42. *Деникин А.И.* Старая армия. — Париж, 1929. — 153 с.

О русской армии начала XX века. Армия на общем фоне русской жизни. — Управление и командование: достоинства, недостатки, личности. — Взаимоотношения начальников и подчиненных. — В военной академии. — В войсках. — Армия и революция 1905 г. «Армия мешала революции, и революции нужно было ее разложить» (с. 78).

43. *Добрынин В.* Донской календарь на 1928 год. — Прага, 1928. — 110 с.

Православный календарь на 1928 г. — Начало Донского казачества. — Жизнь казачества и отношения с Москвой в XVI–XVII вв. — Петровский период. — От Петровской реформы до 1917 года.

44. *Дрейлинг Р.К.* Воинский устав Петра Великого и Суворов. — Белград, 1931. — 47 с.

Идейное содержание «Устава Воинского» Петра I и его влияние на А.В. Суворова и суворовскую военную науку.

45. За Русь Святую!.. — Белград, 1937. — 155 с.

Лига русских офицеров и солдат запаса. — Задачи лиги в эмиграции. — Покровители лиги и ее лидеры. — Декларация лиги. — Украина и Россия. — Военная и другие коллегии

лиги. — Через освобожденную Украину к Великой России. — Приложения. (Постановление Земского Собора о присоединении Малороссии (Украины).

46. *Зайцов А.А.* Служба Генерального Штаба. — Нью-Йорк, 1961. — 208 с.

Предмет службы Г.Ш. — Краткий исторический очерк возникновения русского Г.Ш. — Общие основания устройства штабов. — Оперативная работа штабов. — Управление работой связи. — Организация разведки.

47. *Зайцов А.А.* 1918 год. Очерки по истории русской Гражданской войны. — Белград, 1934. — 275 с.

Общая характеристика Гражданской войны 1918–1920 гг. — Соппротивление окраин России октябрьскому перевороту и зарождение Добровольческой армии. — Австро-германская оккупация и 1-й Кубанский поход. — Оформление русской контрреволюции. — Осень 1918 г.

48. *Залесский П.И.* Возмездие. (Причины русской катастрофы). — Берлин, 1925. — 280 с.

Размышления о судьбах России. — Подготовка социальных потрясений всей историей России. — Общие свойства и главные черты дореволюционного времени. — Особенности военной службы в России до Первой мировой войны. — Что показала Манчжурская война. — Армия и революция. — Антибольшевики. — Причины русской катастрофы.

49. *Зальф А.* Научная тактика. Основной закон и принципы вооруженной борьбы. Танненбергская катастрофа и ее виновники. — Таллинн, 1932. — 227 с.

Экскурс в историю военного искусства. — Значение знаний, военной подготовки, морального фактора для исхода войны. — Способы военных действий. — «Научная тактика». — Основной закон вооруженной борьбы. — Принципы вооруженной борьбы.

50. Записка по Украинскому вопросу. — Париж, 1921. — 39 с.

Роль Германии в украинском вопросе. — Роль Польши: ее планы, петлюровские организации, возможные последствия польской политики. — Ватикан, самостийника и Польша. — Украинская пропаганда. — Обстановке на Украине.

51. Зарубежные Высшие Военно-Научные курсы генерала Головина. — Париж, 1931. — 61 с.

Учреждение курсов. — Изучаемые научные дисциплины. — Метод обучения. — Число часов и занятий. — Учебные пособия. Проверочные испытания. — Защита профессорских диссертаций. — Приложения. — Список учебного и административного персонала.

52. Зарубежный Союз Русских военных инвалидов. 1920–1938. — Париж, 1938. — Сведения о Союзе. — Организация и управление. — Состав и распределение по странам. — Средства Союза и трудовые предприятия. — Помощь Союзу.

53. *Зензинов В.* Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию. 1939–1940. — Нью-Йорк, 1944. — 587 с.

Встречи автора с русскими пленными в Финляндии. — Письма, полученные погибшими впоследствии красноармейцами. — Анализ и изучение писем: количество, орфография, сила традиций. — Картина российской жизни, следующая из писем: советский патриотизм, экономика, нужда, заработки, семьи, религия. Полные тексты 227 писем.

54. Знаменательный юбилей. 50-летие священнослужения Архиепископа Гермогена Екатеринославского Новомосковского, архипастыря Донской армии. — Белград, 1936. — 71 с.

Поздравления и празднование юбилея. — Обращение Гермогена к христолюбивому воинству Российских казачьих войск.

55. *Иванович Ст.* (В.И. Талин). Красная армия. — Париж, 1931. — 243 с.

Военно-политическая доктрина Красной армии. — «Красный милитаризм». — Социальный состав Красной армии. — Красная армия — школа коммунизма. — Крестьянская стихия в армии. — Культура Красной армии. — Коммунизм и командный состав.

56. *Изгоев А.С.* Рожденное в революционной смуте. — Париж, 1933. — 32 с.

Социальный состав и русские политические силы эмиграции. Крах левых и правых идеологий. — Заслуги евразийских течений. Новая основа патриотизма. — Исчезновение стимулов к революционной борьбе. — Коммунистическое самодержавие и его аппарат. — Коммунистический капиталистический трест. — Люди в СССР.

57. *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою. — Берлин, 1925. — 221 с.

Философское опровержение учения Л.Н. Толстого «О непротивлении злу насилием».
— О русском христоролюбивом воинстве в рамках проблемы «Христианство и война».

58. *Ильин И.А.* Путь духовного обновления. — Белград, 19(35) — 246 с.

Источники веры. — Свобода: внешняя, внутренняя, политическая. — Совесть. — Любовь как путь. Любовь и вера. — Семья: значение, задачи воспитания. — Обретение Родины. — Патриотизм. Идея нации. Национальное воспитание.

59. *Ильин И.А.* Родина и мы. — Белград, 1926. — 16 с.

Тяжесть утраты Родины. — Понятие Родины. — Родина внутри человека. — Белая армия и будущая Россия. — Дух чести. — Пути духовного возрождения России. — Духовная нищета «красных». — Задачи эмиграции.

60. Казаки за границей. — София, 1930. — 112 с.

Сведения о казачьих формированиях в эмиграции. — Отражение их жизни. — Публикации приказов по РОВС, касающихся казачества. — Сведения об умерших казаках в эмиграции.

61. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. — Париж, 1928. — 397 с.

Казачество, его историческое и государственное предназначение. — Мысли военачальников, духовенства, писателей, общественных деятелей, казаков. Среди авторов — А.И. Деникин, П.Н. Врангель, А.П. Кутепов, А.И. Куприн, П.Б. Струве...

62. Казачий сборник. — Париж, 1930. — 142 с.

Беллетристика, стихи, воспоминания о казачестве, статьи публицистического характера. Среди авторов — А. Куприн, Н. Туроверов, И. Мельников и др.

63. *Карсавин Л.П.* Церковь, личность и государство. — Париж, 1927. — 30 с.

Взаимоотношения этих трех субстанций и их соотношение.

64. *Катель И.* Всемирная война и Союз Народов. — Берлин, б.г. — 120 с.

Итоги Первой мировой войны. — Идея пацифизма. — Сущность и средства Союза Народов. История развития его идей. — Попытка осуществления всеобщего мира. — Гаагская конференция и международные организации мира как предвестники Союза Народов. — Проблема Союза Народов. — Приложение: Официальный текст договора о Союзе Народов на французском языке.

65. *Келчевский А.К.* Думенко и Буденный. — Константинополь, 1920. — 16 с.

Роль и значение конницы в Гражданской войне. — Конница и казачество. — Думенко и Буденный — «крупные самородки». — Сущность и психология конницы. — Тактика действий Думенко и Буденного.

66. *Керсновский А.А.* История Русской Армии. Ч. I–IV. — Белград, 1933–1938. — 1014 с.

Основные законы русской государственности. — Вооруженные силы Московской России. — Преобразования и состояние армии при Петре I. — Послепетровская армия. — Русская армия в век Екатерины II. — Павловские времена. — Армия и «наполеоновские грозы». — Русская армия в войнах XIX века. — Состояние армии во второй половине XIX века. Война с Японией. — Вторая половина царствования Николая II. — Мировая война и русская армия. — «Без Веры, Царя и Отечества».

67. *Керсновский А.А.* Мировая война. (Краткий очерк). — Белград, 1939. — 16 с.

68. *Керсновский А.А.* Философия войны. — Белград, 1939. — 91 с.

Задача возрождения русской национальной военной доктрины. — Война и христианская мораль. — Понятие «справедливости» и цели войны. — Война и мир. — О разоружении. — Природа военного дела, военное искусство и наука. — Политика и стратегия. — Тактика и техника. — Ведение войны и его принципы. — О военном человеке: его качества, военная этика. — Армия и военный потенциал государства. — Общественное мнение. — Русская национальная военная доктрина.

69. *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). — Париж, 1971. — 347 с.

История Зарубежной России. — Культурно-просветительная работа русского зарубежья. — Русские учебные заведения за границей. — Русская наука за рубежом. — литература и искусство русской эмиграции. — Библиография. — Иллюстрации.

70. *Колесников Н.В.* Франция или Германия? — Владивосток, 1921. — 397 с.

Осмысление результатов Первой мировой войны, революции в России, Гражданской войны. — Роль Франции и Германии в российских катаклизмах.

71. Комплектование Красной армии. — Берлин, 1926. — 78 с.

Точки зрения на устройство будущей русской армии. — Анализ условий, повлиявших на организацию Красной армии. — Комплектование. — Качество «человеческого» материала. — Система призыва и допризывная подготовка. — «Детали обязательной военной службы и ее сроки. — Оценка закона от 18.09.25 г. об обязательной военной службе в Красной армии.

72. *Кончаловский Д.П.* Пути России. — Париж, 1969. — 259 с.

Краткая биография автора. — Знаем ли мы себя? — Большевизм как русское и мировое явление. — Россия и Европа. — Современная цивилизация и христианство. — Советская интеллигенция.

73. *Краинский Н.В.* Без будущего. Очерки по психологии революции и эмиграции. — Белград, 1931. — 187 с.

Очерки мемуарного характера, выдвигающие на первый план психологическую сторону человека в условиях Гражданской войны, революционной разрухи и вынужденных эмигрантских скитаний.

74. *Краинский Н.В.* За Веру, Царя и Отечество. — Белград, 1930. — 8 с.

(Речь, произнесенная в собрании офицеров, оставшихся верными историческому лозунгу). Армия и психология. — Психология в мораль, народ и армия. — Значение воинской дисциплины и военной символики. — «Подвиг Добровольческой армии».

75. *Краснов П.Н.* Душа армии. — Берлин, 1927. — 158 с.

Предисловие Н.Н. Головина: «Чтение труда генерала П.И. Краснова вызывает бодрую веру в будущее России». «Будем надеяться, что пример генерала Краснова вызовет ряд

повторных попыток исследования духовной стороны войны. Неподнятые еще поля в этой области громадны» (с. 6–7). — Необходимость изучения военной психологии. — Чувство страха. — Механические средства воздействия на душу человека. — «Психологическая толпа». — Паника. — Значение морального воспитания народа. — Воспитание армии в атеистическом государстве.

76. *Лукин А.П.* Флот. Том 2. — Париж, 1934. — 191 с.

Художественно-мемуарное изложение событий на Балтике в период Первой мировой войны и революции. — Роль адмиралов фон Эссена, Колчака и других исторических лиц в этих событиях.

77. *Лукомский А.С.* Воспоминания. — Берлин, 1922. В 2-х томах. — Т. I — 300 с., т. II — 332 с.

Краткие сведения об авторе. — Ход «Европейской войны». — «Государственный переворот» и Корниловское выступление. — Начало Добровольческой армии. — Гетманство на Украине. — Армия Деникина. — Врангелевский период. — Отношение Франции и Англии к борьбе с советской властью.

78. *Мариюшкин Ал.* Армия и война будущего. — б.м. и г. (Книга представлена аннотацией на тыльной обложке издания: Мариюшкин Ал. Трагедия русского офицерства).

Зарождение армий. — Значение их в жизни народов и государств. — Война как явление неизбежное. — Пацифизм и социализм. — Каковой должна быть армия и способы ее комплектования. — Воспитание и обучение в армии. — Проблемы будущей войны.

79. *Мариюшкин Ал.* Трагедия русского офицерства. (Очерк). — Новый сад, 1923. — 18 с.

Значение командного состава для армии и государства. — Травля русского офицерства в России всеми сословиями с начала XX века и до конца Гражданской войны. — Раскол офицерства русской армии. — Вина офицеров, вставших на сторону революции.

80. *Милюков П.Н.* Воспоминания. 1–2 том. — Нью-Йорк, 1955. Т. I — 438 с., т. II — 394 с.

Детство, гимназия, студенческие годы. — Учительство. — Годы скитания. — Революция и кадеты. — Государственная деятельность. — Временное правительство.

81. *Милюков П.Н.* История второй русской революции. — Т. I, вып. I. — София, 1921. — 248 с.

Четвертая Государственная Дума. — Корни второй русской революции. — Война и революция. — Наступление революционной демократии. — Защита буржуазной революции от социалистической. — Расчленение России под лозунгом «самоопределения». — Уступки демагогам «пролетариата».

82. *Милюков П.Н.* История второй русской революции. — Т. 1, вып. 2. — София, 1921. — 291 с.

Корнилов или Ленин. — Кризис власти. — Развитие конфликта с Корниловым. — Московское государственное совещание. — Выступление Корнилова и его неудача.

83. *Милюков П.Н.* История второй русской революции. — Т. I, вып. 3. — София, 1923. — 307 с.

Второй кризис власти. — Керенский и большевики. — Демократия против КД. — Победа большевиков в Петроградском Совете.

84. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. — Т. 3. Национализм и европеизм. — Париж, 1930. — 507 с.

Народное самопознание. — Националистические идеалы органической (XV — XVII вв.) эпохи. — Образование националистической идеологии. — Стихийная реформа Петра I, стихийная ее оппозиция. — Послепетровская культура.

85. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. — Париж, 1931. — 453 с.

Церковь и вера. — Начало русской религиозности. — Национализация веры и церкви. — «История беспоповщины». — Судьбы господствующей церкви. — Церковь во время революции. — Церковь и творчество. — Литература революции и советского периода.

86. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. — Париж, 1937. — 331 с.

Социально-философские основания очерков. — Месторазвитие русской культуры. — Происхождение национальностей.

87. *Миллюков П.Н.* Национальный вопрос (Происхождение национальности и национальные вопросы в России). — Берлин, 1925. — 192 с.

Три постановки национального вопроса: космополитическая, националистическая, интернациональная. — Научная точка зрения. — Раса и национальность. — Национальные вопросы в России и Европе. — Национальные движения на территории бывшей России. — Национальный вопрос в Советской России.

88. *Миллюков П.Н.* Республика или монархия. — б.м., 1929.

Республика — идеал или целесообразность. — Монархия — форма прошлого. — Крестьянство и Белое движение. — Созрела ли русская демократия?

89. *Миллюков П.Н.* Россия на переломе. I–II т. — Париж, 1927. — Т. I — 400 с., т. 2 — 281 с.

Государственная Дума и революция. — Влияние войны и упорства царя на революцию. — Исторические предпосылки революции. Причины победы большевиков. — Борьба за разложение армии. — Поражение Корнилова. — Большевики у власти. — Компартия, Красная армия, красный террор — три опоры советской власти. — Советская дипломатия и Третий интернационал. — История Гражданской войны и белого движения. — Русская эмиграция.

90. *Миллюков П.Н.* Три платформы республиканско-демократических объединений. (1922–1924). — Париж, 1925. — 63 с.

Республика и монархия. — Федерация, свобода и равенство. Учредительное собрание. — Всеобщее избирательное право. — Свобода хозяйственной деятельности. — Крестьянский и рабочий вопрос. — Армия. — Внешняя политика.

91. *Миллюков П.Н.* Три попытки. (К истории русского лжеконституционализма). — Париж, 1921. — 87 с.

Опыт парламентаризма в России.

92. *Миллюков П.Н.* Эмиграция на перепутье. — Париж, 1926. — 136 с.

«Зарубежный съезд»: происхождение, подготовка, ход, выводы. — Течение «возвращенчества»: идея и представители.

93. *Молло К.* Русские офицерские знаки. — Париж, 1965. — 24 с.

Происхождение и назначение офицерских знаков. Их описание и принадлежность.

94. *Наживин И.* Глупость или измена? — Брюссель, 1930. — 51 с.

Открытое письмо Милюкову. — Саркастическая критика деятельности, позиции и выступлений Милюкова.

95. *Назанский В.И.* Крушение Великой России и Дома Романовых. — Париж, 1930.

Императорские армия и флот. — Армия — школа патриотизма. Царские офицеры — оплот русской государственности. — Русский флот. — Император Николай II и его армия. — Душа Императорской Русской Армии (глава X).

96. *Новгородцев П.* Демократия на распутье // София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии п/р Н.А. Бердяева. — Берлин, 1923. — 190 с. — с. 93–107.

Понятие демократии в античности. Дальнейшее развитие понятия демократии. — Трудности осуществления идеи демократии. Религиозное и научное отношение к демократии.

97. *Парфенов П.С.* Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири. 1918, 1919, 1920 гг. — Харбин, 1921. — 170 с.

Хроника революции от февраля до октября 1917 г. — Возникновение советской власти в Сибири и ее просчеты. — Организация сил контрреволюции. — Начало Гражданской войны в Сибири. — Успехи «чехо-сибирских войн». — Начало массового «белого» террора. — Успехи Красной армии. — Падение Омского правительства. — Борьба за Дальний Восток. — Уход японских войск и бегство Семенова.

98. *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых. — Рига, 1930. — 250 с.

Перед выступлением чехов на Волге. — Оценка вооруженных сил Советской России, организация народной армии. — Бои за Самару. — Отступление из Омска. — События в Забайкалье в 1920 г. — В Приморье в 1921–22 гг. — Судьба остатков Белого движения.

99. *Пио-Ульский Г.Н.* Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. — Белград, 1939. — 60 с.

Биография автора. — Перечисление виднейших представителей русской эмиграции. — Их влияние на культуру других народов.

100. *Половцев Л.В.* Рыцари тернового венца. — Прага, 19- . — 218 с.

Воспоминания члена Государственной Думы о 1-м Кубанском (Ледяном) походе ген. М.В. Алексеева, Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина.

101. *Попов К.* Воспоминания кавказского гренадера 1914–1920 гг. — Белград, 1925. — 282 с.

Воспоминания штабс-капитана Попова о событиях Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. — Боевой путь К. Попова.

102. *Пронин В.М.* Последние дни Царской Ставки. — Белград, 1929. — 88 с.

Воспоминания участника событий о происходившем в Ставке Верховного Главнокомандующего Русской Армии в феврале-марте 1917 года. — Деятельность в эти дни Императора Николая II, начальника штаба генерала М.В. Алексеева. — Приложения. — документы правительства и Ставки.

103. Путь России. Опыт научной идеологии. — Белград, 1937. — 48 с.

Что такое научная идеология. — Итоги XIX и пути XX-го. Суть и пути России. — Наследство России XIX века. — Целепостановки России XX века.

104. *Пятницкий Н.В.* Красная армия СССР. Выпуск I. Красная армия и коммунистическая партия. (Политическое устройство армии). — Париж, 1931. — 68 с. (3 лекции).

Пролетаризация и коммунизация Красной армии. — Сущность организации СССР и РККА. — Диктатура ВКП(б) в стране и армии. — Партийная половина Красной армии. — Политический аппарат РККА. — «Органы сыска, кары и соблазна» в армии. — Военно-политические школы. — Социальный состав ВКП(б) и ее армейской части.

105. *Резанов А.С.* Штурмовой сигнал П.Н.Милюкова. — Париж, 19- . — 64 с.

Значение речи Милюкова в Государственной Думе 11 ноября 1916 года. — Критика речи. — Оценка ее с точки зрения уголовного закона. — Приложение: речь Милюкова.

106. *Реймерс Николай А.* О «правом» и «левом» типах мышления. Опыт политической силлогистики. — Париж, 1949. — 71 с.

Споры о политических понятиях «левизны» и «правизны». — «Левое» и «правое» как два типа нравственно-политического мышления. — Фашизм и большевизм. — «Правое» и «левое» в оценках повседневной жизни. — Традиция в жизни народов. — Религия и философия, право и мораль.

107. *Реймерс Николай А.* Право и мораль. Опыт морфологии нравственного сознания. — Париж, 1934. — 32 с.

Иерархия благополучия и иерархия духа. — Содержание нравственной жизни. — Антисоциальность морали. — Формальная идея права. — Действительное и должное. — Право и мораль при автократии, демократии, логократии. — Социальность морали человека.

108. *Реймерс Николай А.* Эстетический принцип в истории. Опыт характеристики народов. — Париж, 1931. — 90 с.

Эстетический принцип. — Исторический принцип. — История как мост между наукой и искусством. — Эстетико-историческая характеристика отдельных народов. — Классические, типические и аморфные народы. — Русский народ.

109. Русская армия в изгнании. 1920–1923 гг.

Прибытие русской армии и флота в Константинополь. — Жизнь армии в военных лагерях Галлиполии, Лемноса, Чаталджа. Положение армии в славянских государствах. — Организация учебных заведений.

110. Русская культура. Сборник статей. — Белград, 1925. — 148 с.

Русская наука. — Национальное сознание в русском культурном прошлом. Государственная культура России. — Русская военная культура.

111. Русские в Галлиполи. Сборник статей, посвященный пребыванию I Армейского Корпуса русской армии в Галлиполии. — Берлин, 1923. — 490 с.

Путь и прибытие корпуса в Галлиполи. — Размещение войск в лагере. — Организация, снабжение, постановка военного и общего обучения. — Правовое положение и административная деятельность. — Общественная жизнь корпуса. — Армия и беженцы. — Идея России в переживаниях корпуса.

112. *Свечин М.* Записки старого генерала о былом. — Ницца, 1964. — 205 с.

Семья. Кадетский корпус и военное училище. — Служба в полку и учеба в Академии Г.Ш. — Война с Японией. — Служба Свечина в Генштабе. — Участие в Первой мировой войне. — Революция и ее отрицательная оценка. — Миссия в Киеве у гетмана Украины. — Жизнь в эмиграции.

113. Сводка сведений об армиях пограничных с Россией государств. — Белград, 1924. — 40 с.

Сведения о численности, составе, вооружении армий Японии, Румынии, Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы.

114. *Святополк-Мирский Д.Н.* Чем объяснить наше прошлое и чего ждать от нашего будущего. — Париж, 1926. — 87 с.

Краткая характеристика предреволюционной социально-политической обстановки в России. — Основные черты большевизма. — Влияние на Россию идей Запада. — Генезис русского «интеллигентского» мышления. — Земство и его роль в России. — Основы русского монархического чувства. — Вопрос о будущем России.

115. *Серафим*, архиепископ. Русская идеология. София, 1939. — 180 с.

Определение русской идеологии и ее осуществление в жизни ваших предков. — Отступление от православной веры под влиянием Петра I. — Возврат русских к истинной вере — условие возрождения России. — Церковь и будущая Россия. — «Симфония властей».

116. *Синеоков В.* Казачество и его государственное значение. — Париж, 1928. — 47 с.

Что такое казачество. — Происхождение. — Борьба казачества с Западом и Востоком. — Значение казачества в жизни государства и ценность для будущей России.

117. Смена вех. Сборник статей. — Прага, 1921. — 167 с.

Авторы: Ю. Ключников, Н. Устрялов, С. Лукьянов, А. Бобрищев-Пушкин, С. Чахотин, Ю. Потехин. — Характер русской революции. — Разное ее понимание. — Роль революционеров и интеллигенции. — Любовь к России. — Судьба России.

118. Современные проблемы. Сборник статей. — Париж, 19- . — 213 с.

Авторы: М. Алданов, Ю. Далевский, И. Вишняк, Ст. Иванович, Б. Нольде и др. — Проблемы демократии. — Проблема исторического прогноза.

119. *Соколов Б.* О необходимости национал-политического воспитания в русской зарубежной школе. — София, 1930. — 15 с.

Задачи и смысл национально-политического воспитания. — Нацеленность на переустройство будущей России.

120. *Соколов Б.* Социализм ведет к капитализму. — Рига, 19(32).

Цели общества. — Что дает социализм обществу на словах и на деле. — Свобода при социализме и капитализме. — Социальные проблемы социализма и капитализма. — Человечество «вернется к капитализму».

121. *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина. — София, 1921. — 290 с.

Зачатки правительства при Добровольческой армии. — Вооруженные силы на Юге России. — Ход событий во время правления ген. Деникина.

122. *Сорокин П.А.* Идеология аграризма. — Прага, 1924. — 35 с.

Международное Аграрное Бюро. — Социологический сравнительный анализ городского и деревенского укладов жизни. — Класс землевладельцев как гарант нормальной внутренней и международной жизни.

123. *Спекторский Е.В.* Принципы европейской политики России в XIX и XX веках. — Любляна, 1936. — 23 с.

Общественное мнение России и ее военная политика. — Верно ли суждение о России как захватчике и европейском жандарме? — Русская политика «принципов» в Европе до XIX и в XIX–XX веках. — «Своею кровью Россия искупила не только вольность Европы, но и ее честь» (с. 18).

124. Спутник русского христианина-националиста. — Женева, 1937. — 59 с.

Основы Русского Христианского Национального движения. — Религиозный смысл революции и ее отрицательные уроки. — Церковь и государство. — Любовь к Родине. — Семья. — О христианском правосознании. — О власти. — О свободе. — О частной собственности. — Армия. — О национальной территории.

125. *Станкевич В.* Судьбы народов России. — Берлин, 1921. — 373 с.

Происхождение, этнические корни, территория, общая и политическая история народов Белоруссии, Украины, Латвии, Эстонии, Армении, Грузии, Азербайджана, Финляндии, Польши. — Их жизнь в составе России. — Национальные проблемы.

126. *Степанов И.В.* Белые, красные и Евразийство. — Брюссель, 1927. — 63 с.

Революция и русская армия. — Образование Добровольческой армии и причина ее поражения. — Роль общественности в Гражданской войне. — Позиция Европы в связи с событиями в России. — Военный лагерь в Галлиполи. — Эмиграция и ее задачи. — Евразийство и его воззрения.

127. *Струве П.Б.* Социальная и экономическая история России. — Париж, 1952. — 386 с.

Понятие и проблема социальной и экономической истории. — Периодизация социальной и экономической истории России. — Племена и государства. Князь и людь. — Господа, или мужи, и смерды, или мужики. — Киевская Русь. Ростовско-Владимирская гегемония. — Покорение Руси татарами. — Первая русская республика и первая империя. — Образование Московского государства. — Статьи Струве П.Б. на различные темы.

128. *Тараканов*, генерал. Служба Генерального Штаба. Лекции, читанные в 1932–1933 гг. (на курсах генерала Головина в Белграде). — Белград, 1933. — 221 с.

Краткий исторический очерк развития Генерального штаба. — Назначение Генерального штаба. — Факторы, определяющие мощь армии и роль Генштаба в каждом из них. — Деятельность Генштаба в мирное и военное время. — Военная доктрина. — Обучение войск. — Воспитание войск. — Подготовка командирского состава. — Единоначалие. — Качества высшего командного состава. — Оперативная деятельность.

129. *Таубе М.А.* Вечный мир или вечная война? Мысли о «Лиге Наций». — Берлин, 1922. — 110 с.

Анархия мировой войны и всеобщее стремление к более усовершенствованному международному правопорядку. — Социологические предпосылки идеи правового союза народов. — Основные законы социальной жизни. — Существо права и идея культурной

общности между народами. — Юридический характер норм международного права. — Соотношение понятий политики и права, права и войны, войны и мира.

130. *Тимашев Н.С.* Официальное мировоззрение советского государства и его пропаганда. Лекции. — Париж, 1931. — 39 с.

Состав мировоззрения и приемы его пропаганды. — Инстанции, вырабатывающие официальное мировоззрение. — Формы пропаганды. — Защита официального мировоззрения от конкурентов. — Философская сторона, социологическая и политическая. — Переменная часть и постоянная часть официального учения. — История крестьянской партийной политики и доктрина коллективизации.

131. *Тимашев Н.С.* Политическое и административное устройство СССР. Лекции. — Париж, 1931. — 71 с.

Цели переустройства территории. — Принцип национального федерализма и экономического районирования. — Организация центральной власти. — Видимый и действительный государственный аппарат. — «Красный деспот». — Политбюро и ведомства. — Основной принцип строения местной власти. — ГПУ.

132. *Трахо Р.* Черкесы. — Мюнхен, 1956. — 143 с.

Из исторического прошлого черкесов. — Начало сношений с Москвой и борьба против русской угрозы. — Черкесы под русской властью. — Гражданская война и независимость северокавказской республики. — Черкесы под властью большевиков. — НЭП и коллективизация. — Язык, литература, просвещение. — Черкесская эмиграция.

133. *Троцкий Л.Д.* История Русской Революции. Т. 1–3. — Нью-Йорк, 1976.

Особенности развития России. — Россия в Первой мировой войне. — Агония монархии. — Двоевластие. — Армия и война. — «Правящие и война». — Крестьянство (т. I).
Лето 1917 г. — Керенский и Корнилов. — Большевики и советы (т. II).

Национальный вопрос — Военно-революционный комитет. — Октябрьское восстание. — «Съезд советской диктатуры» (т. III).

134. *Устрялов Н.В.* В борьбе за Россию. — Харбин, 1920. — 61 с.

Интервенция. — «Союзники и мы». — Патриотизм. — Национализм. — Колчак и Врангель.

135. *Устрялов Н.В.* На новом этапе. — Шанхай, 1930. — 45 с.

Предпосылки и диалектика НЭПа в СССР. — НЭП и партия. — Сумерки НЭПа. — Социалистическое наступление. — Проблемы индустриализации в перспективе. — Полемика автора с идейными противниками.

136. *Устрялов Н.В.* Под знаком революции. — Сборник статей. — Харбин, 1927. — 415 с.

Национал-большевизм. — О будущей России. — «О нашей идеологии». — Национализация Октября. — Кризис современной демократии. — О русской нации.

137. *Устрялов Н.В.* Политическая доктрина славянофильства. — Харбин, 1925. — 27 с.

Задачи социальной философии славянофилов. — Славянофильская трактовка самодержавия. — Закон и право на Западе и в России. — Аполитичность и антигосударственность русского народа. — Христианство — истинный путь народа. — Значение политических взглядов славянофилов.

138. *Устрялов Н.В.* Проблема Пан-Европы. — Харбин, 1929. — 17 с.

Паневропейская идеология. — Страх перед русским натиском — характерная черта паневропейской психологии и идеологии. — Европейская мораль XX века. — Индивидуализм. — Противороссийская направленность паневропеизма.

139. *Устрялов Н.В.* Россия (у окна вагона). — Харбин, 1926. — 53 с.

Впечатления от посещения Советской России.

140. *Цветаева М.* Лебединый стан. Перекоп. — Париж, 1971. — 165 с.

Стихи, посвященные Белой гвардии.

141. *Цуриков Н.* Советское правительство, иностранцы, война и позиция эмиграции. — София, 1936. — 16 с.

Советское правительство и должное к нему отношение. — Россия в оккупации собственного правительства. — Советское правительство, война и иностранцы. —

Неспособность советской власти защитить Россию. — Задача Красной армии — переворот. — Война и русская эмиграция.

142. *Шавельский Г.* Воспоминания последнего Протопресвитера Русской Армии и Флота. В 2-х томах. — Нью-Йорк, 1954. — Т. I — 415 с.; т. II — 413 с.

Назначение на должность протопресвитера. — Русская армия в предвоенное время. — «Наши главнокомандующие». — Царская ставка. — Церковные дела. — Деятельность военного духовенства в великой войне. — Перед революцией. — Царь и царица в заточении. — Добровольческая армия, ее дух, неудачи и закат.

143. *Шестов Л.* Что такое русский большевизм? — Берлин, 1920. — 38 с.

Идеализм большевизма. — Большевизм — движение реакционное. — Разнообразие философских взглядов в России. — Ненависть мыслящей России к «мещанству». — «Диктатура над пролетариатом». — Ленин — игрушка в руках истории.

144. *Штейнфон Б.А.* Кризис Добровольчества. — Белград, 1928. — 131 с.

Борьба и боевой путь Добровольческой армии. — События Гражданской войны. — Оценка роли Добровольческой армии. — Причины ее ошибок и просчетов.

145. *Штейнфон Б.А.* Национальная военная доктрина. Профессор генерал А.К. Байов и его творчество. — Таллинн, 1937. — 227 с.

Биографические сведения о Байове А.К. — Деятельность Байова в академии Г.В. и его научные труды. — Содержание курса истории русского военного искусства. — Научная и общественная деятельность Байова в эмиграции.

146. *Шуберский А.Н.* К 25-летию со дня основания высших военно-научных курсов профессора генерала Головина в Белграде. — Ментона, 1955. — 64 с.

Зарождение мысли о создании русской высшей военной школы за рубежом. — Этапы создания высших военно-научных курсов в Париже. — Деятельность курсов и роль в ней Н.Н. Головина. — Метода работы и результаты обучения. — Белградский филиал курсов, его деятельность и история.

147. *Яхонтов В.А.* Русское офицерство в связи с развитием русской общественности. — Нью-Йорк, 19- . — 29 с.

Происхождение русского офицерства. — Социальный разрыв между офицером и солдатом. — Особенности офицерского образа жизни. — Драма русских офицеров революционной поры. — Большевистский террор. — Офицерство и новый жизненный уклад.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ

148. *Адариди К.* Партизаны и будущая война // Вестник военных знаний. — 1930. — № 6 — С. 17–22.

Краткий исторический обзор партизанских действий а войнах. — Обусловленность партизанского движения сущностью современных войн. — Уверенность в развитии и росте партизанского движения в будущих войнах.

149. *Акулинин И.* Казачество в Великой войне (1914–17 гг.) // Часовой. — 1939. — 240–241. — С. 25–27.

Общая характеристика боевого пути, заслуг и потерь казачества в Первой мировой войне.

150. *Алданов М.А.* Проблема исторического прогноза // Современные проблемы. Сборник статей. — Париж, 1921. — 213 с. — С. 191–213.

Неразработанность проблемы социально-политического прогноза. — Политический прогноз для России. — Состояние и возможная будущая роль крестьянства, рабочих армий, бюрократии. — Опровержение жизнью прогнозов Ленина. — Прогноз автора на ситуацию в России после падения большевиков.

151. *Александрова В.* Командиры Красной армии // Новый Журнал. — 1943. — Кн. 6. — С. 343–355.

Характеристика образов красных командиров в советской художественной и публицистической литературе.

152. *Александровский Г.Б.* Подготовка командного состава в Советском флоте // Часовой. — 1933. — № 108–109, 110–111.

Проблемы большевиков с подготовкой кадров для флота. — Училища командного состава и набор в них. — Командирская учеба. — Военно-морская академия РККА им. Ворошилова: краткая характеристика ее работы.

153. *Алейников Н.Н.* Русь Московская и Россия Петербургская // Русский военный вестник. — 1926. — № 59.

Отношение России к Востоку и Западу. — Три элемента основы будущей Российской государственности: «Церковь, Верховная власть и народ». — Нарушение гармонии трех элементов. — Россия эпохи Московского государства. — Эпоха «Империя 30 000 столоначальников». — Православная вера. — Лицо церковной иерархии. — «Иностранцы» в России и отношение к ним, «Московская Русь была демократической монархией, авторитет Церкви стоял чрезвычайно высоко, правительство относилось к иностранцам достаточно твердо и... достаточно гуманно. С Петра I Россия превратилась в бюрократическую Империю, авторитет Церкви пал... Все пошло вразброд» (с. 5).

154. *Алейников Н.И.* Русская эмиграция и политическое самовоспитание // Русский военный вестник. — 1926. — № 73.

«Гибель государственного хозяйства логически вытекает из факта устранения и гибели хозяина государства». — Равнодушие Запада к происшедшему в России. — Тягостное положение русской эмиграции. — Необходимость гармонии между эмигрантами и отсутствие таковой. — Курс политической и житейской науки эмиграции. — «Что делать?» — Неисчерпаемость внутреннего национального богатства: «Не во вне, а внутри нас самих находится залог нашей грядущей победы».

155. *Алейников В.Н.* Украина в прошлом, настоящем и будущем // Русский военный вестник. — 1927. — № 94, 96, 98, 101.

«Украинский вопрос». — Соотношение понятий «Малороссия» и «Украина». — История «отделения» и воссоединения с Россией. — Исторические события в России Средних веков. — Роль в истории Б. Хмельницкого и Мазепы. — Книга Лаппо И.И. «Происхождение украинской идеологии». — Позиция и деятельность «украинских националистов» в годы революции и Гражданской войны. — Их деятельность за рубежом. — Возможные проблемы Украины в будущем России.

156. *Андреанов П.* Михаил Дмитриевич Скобелев // Армия и Флот. — 1932. — № 10. — С. 24–33.

Общее значение и личность «белого генерала» М.Д. Скобелева. — Биографические сведения о Скобелеве. — Военная деятельность Скобелева: походы в Среднюю Азию и на Балканы. — Полководческий гений Скобелева.

157. *Анисимов С.* Советское поколение // Новый Журнал. — 1949. — Кн. 22. — С. 105–126.

Стандартизация мышления советского человека. — Извращение идеи права в СССР. — Классовый характер советской морали. — Бескомпромиссность власти как потенция произвола и неравенства. — Война: политическое или национальное явление?

158. *Антоний* (митрополит). Евразийство в его зарождении и теперь // Русский военный сборник. — 1927. — № 74. — С. 1.

Начало евразийства. — Его ориентиры и устремления. — Евразийство и церковь.

159. *Артемьев М.* Жива ли Россия? // Путь. — 1930. — № 25. — С. 3–21.

Лик умирающей и уходящей России. — В чем гибель России? СССР — воплощение «грядущего хама». — Большевизм и его проявление в России как болезнь, ниспосланная свыше. — Антирусские тенденции большевизма.

160. *Ахаткин К.З.* О составителях и исполнителях // Часовой. — 1935. — № 143. — С. 6–9.

Составители и исполнители плана Первой мировой войны со стороны России. — Примеры соотношения военных замыслов и их исполнения, замышляющих и исполнителей.

161. *Бабкин Б.* Политические взгляды К.П. Павлова // Новый Журнал. — 1946. — Кн. 12. — С. 254–268.

Отношение знаменитого русского ученого-физиолога к политике и его политические взгляды до революции. — Отношение к Павлову советского правительства в начале 20-х годов. — Период отрицательного отношения Павлова к большевикам и привыкание к ним. — Любовь Павлова к России.

162. *Байов А.К.* «Малая армия» и способ ее комплектования // Вестник военных знаний. — 1930. — № 8. — С. 7–13.

Вопрос «малых армий». — Анализ способов комплектования современных армий. — Противоречия профессиональной армии. — Предложения по комплектованию будущей русской армии.

163. *Байов А.К.* Начальник штаба // Военный сборник. — 1925. — Кн. 6. — С. 43–54.

Неразвитость «учения о начальнике штаба». — Значение штаба в современной военной организации. — Разделение функций между штабом и командиром и их взаимоотношения. — Требования к начальнику штаба. «...Начальник штаба должен быть дополнением к командующему войсками, дабы они оба вместе представляли собою как бы один цельный аппарат, способный дать решение ... провести его в жизнь и... выполнить...» (с. 48). — Принципы организации штаба.

164. *Байов А.К.* Начальные основы строительства будущей Русской армии // Русский Колокол. — 1929. — № 8. — С. 6–13; 1930. — № 9. — С. 21–29.

Значение и нравственный аспект войны. — Элемент лицемерия в разговорах о вечном мире. — Историческая миссия России и роль в ней армии. — О законах и принципах военного искусства. — Требования к современной армии. — Материальная и духовная стороны военного дела. — Роль военачальников. — Значение творчества, самообразования и воспитания в военном деле. — Национальный характер и самобытность русской армии.

165. *Байов А.К.* Необходимая воинская добродетель // Вестник военных знаний. — 1929. — № 3. — С. 1–8.

Инициатива как необходимое качество каждого военного. — Виды инициативы. — Традиция военной инициативы. — Русская традиция. — Границы инициатив «Историко-логический авали» военной инициативы.

166. *Байов А.К.* Неправильный путь // Вестник военных знаний. — 1932. — № 3 (16). — С. 7–11.

Соотношение духовных и технических факторов войны и их особенности, связь с военным искусством. — Национализм как источник духа войск.

167. *Байов А.К.* Нужны ли крепости как элемент государственной обороны // *Часовой*. — 1930. — № 40. — С. 4–6; № 41. С. 13–14.

Значение опыта в военном искусстве. — «Опыт последней войны является наиболее ценным...» Но и к нему «нужно относиться с осторожностью» (№ 40. — С. 4). — Роль крепостей в мировой войне. — Принципиальная сторона вопроса о крепостях. Сохранение их стратегического значения.

168. *Байов А.К.* Несколько мыслей по вопросу о военной доктрине // *Военный сборник*. — 1924. — Кн. 5. — С. 45–97.

Изучение опыта минувших войн. — «Военная боевая доктрина в ее особенности в разных странах. — Влияние военной доктрины на ход и исход войн и вопрос ее необходимости. — Понимание доктрины и ее оснований. — Военная доктрина как военное искусство и ее элементы. — Доктрина и национальные особенности. «Вся армия должна быть проникнута военной доктриной во всей ее совокупности. Она должна быть не только обучена, но и воспитана в ее духе» (с. 97).

169. *Байов А.К.* Русская военная доктрина // *Вестник военных знаний*. — 1933. — № 4 (20). — С. 14–35.

Что должна отражать военная доктрина. — Требования к ней. — Петр I как создатель русской доктрины. — Суворовская доктрина. — Забвение их учения и необходимость создания русской военной доктрины XX века. — Задача создания русской национальной доктрины в новой России.

170. *Бармин А.Г.* Академия Генерального Штаба // *Новый Журнал*. — 1942. — Кн. 3. — С. 341–347.

Воспоминания бывшего советского генерала о годах учебы в Военной академии в начале 20-х годов в Москве.

171. *Башмаков А.А.* Творческая идея монархии и младоросская агитация // *Часовой*. — 1935. — № 152–153. — С. 19–23.

Противоречия между младоросским движением и «идеологией русского национального царизма». — Угроза разложения русского монархизма. — Идеологические шатания младороссов. — Монархия и идея фашизма. — Особенности фашизма в Италии. — Идея православного царя.

172. *Бек-Мурза*. Вождь и вожак. (Психологический этюд // Сигнал. — 1935. — № 2. — С. 21–25.

Опора великих полководцев на дух войск. — Каждый вождь — «полководец-психолог». — Военно-психологические вопросы в «Войне и мире» Л.Н. Толстого. — Господство меньшинства над большинством — основной закон исторической жизни. — Психология отношений общества и власти.

173. *Беляев В.* Логистика // Военный сборник. — 1922. — Кн. 3. — С. 224–232.

Ошибки Генерального штаба русской армии. — Истоки военных доктрин и их особенности. — Проблемы высшей военной школы.

174. *Бердяев Н.А.* Война и эсхатология // Путь. — 1940. — № 61. — С. 3–15.

Библия о войнах. — Эсхатологическое понимание христианства. — Эсхатология К. Леонтьева, В. Соловьева, А. Блока, А. Белого, Н. Федорова. — История человечества — история войн. — Иррациональность войны и ее эсхатологическое начало.

175. *Бердяев Н.А.* Политика и этика // Новая Россия. — 1940. — № 62–83. — С. 6–8.

Политика и мораль по Макиавелли. — Христианские элементы у Руссо и Маркса. — Ужас морального состояния общества. Разрыв целей и средств политики и разрыв воли к могуществу с этикой.

176. *Бердяев Н.А.* Столкновение рока и разума // Новая Россия. — 1938. — № 53–54. — С. 4–7.

Одержимость европейских демократий страхом войны. — Идея рока в германском сознании и современная милитаризация рока. — Фашизм — рок капиталистических обществ, буржуазных демократий. — Эсхатологизм русской идеи.

177. *Бернацкий Н.* Война и народное хозяйство // Русский инвалид. — 1930. — № 12. — С. 34.

Взаимовлияние войны и народного хозяйства. — Русская мысль конца XIX — начала XX века об этом вопросе. — Расходы борющейся нации. — Нарушение экономического механизма в войну. — Приспособление народного хозяйства к военным нуждам.

178. *Бинштак Г.* О смысле истории // Новый Журнал. — Кн. 21. — С. 253–258.

Краткий обзор подходов к философии истории (Дильтей, Гегель, Вебер, Ницше и др.).

179. *Бицилли П.* Нация и государство // Современные Записки. — 1929. — Кн. 38. — С. 381–400.

«Нация — творческое становление идеи». — Нация без государства и государство без нации. — История России — пример «беспримерного напряжения народных сил на службе государству». — Нация как коллективный индивидуум. — Церковь и нация в России. — Революция и нация.

180. *Бицилли П.* Эволюция нации и революция // Современные Записки. — 1930. — Кн. 42. — С. 374–384. .

Соотношение понятий «революция» и «эволюция». — Стадии культур и структуры государства. — Эволюция и революция в малом и большом государствах. — Революция в национальном государстве. — Русская революция 1917 г., ее идея и фашизм в Европе. — Национальная революция. — Диалектика нации.

181. *Бобров М.* Если завтра война // Возрождение. — 1950. — Тетр. 12. — С. 159–164.

Анализ сложной международной обстановки в мире с точки зрения угрозы новой мировой войны. — СССР как главный источник этой угрозы. — Внутренние антисталинские силы России.

182. *Болтунов А.* О воинском воспитании // Военный сборник. — 1928. — Кн. 9. — С. 80–115.

Сложность познания человека. — Необходимость военной психологии. — Задачи воинского воспитания. — Стадии воспитания воинов. — Роль офицера в воспитательном процессе. — Воспитание и обучение офицера. — Проблема воинской дисциплины. — Слаженность воинского коллектива. «Народ, желающий жить самостоятельно, должен иметь национальную, а не наемную армию, а потому... заботиться о воспитании молодежи» (с. 105). «В представлении руководителей общественности и администрации страны вопросы и интересы армии должны быть всегда родными и близкими и не затемняться партийным и ведомственным эгоизмом» (с. 110).

183. *Борисов В.* «Аксиома» Наполеона — как основание для будущей военной доктрины // *Война и Мир.* — 1923. — № 6. — С. 139–160.

Разновидности военной доктрины: «оперативная», «тактическая», «воспитательная». — Характер связи «воспитательной» доктрины с остальными. — Путь выработки доктрины, по мнению французов. — Доктрина Русской армии в Первой мировой войне. — Три «оперативные доктрины»: академическая, министерская, полководческая. — Смелость и «нападательность» как основы военной доктрины.

184. *Борисов* (генерал-лейтенант). О принципах стратегии // *Осведомитель.* — 1937. — № 4. — С. 13–15.

Значение изучения и использования принципов военной стратегии в руководстве войсками.

185. *Борисов.* О стратегических теориях // *Осведомитель.* — 1938. — № 5. — С. 18–23.

Теория стратегии своя у каждого военного деятеля. — Из эволюции теории стратегии. — «Геометрические» теории стратегий. — Опровержение формулировки Клаузевица о войне как продолжении политики. — Связь современных стратегических теорий с теориями древних полководцев.

186. *Бубнов А.Д.* Основы Русской морской политики // *Морской журнал.* — 1936. — № 101–102. — С. 5–11.

Факторы, определяющие морскую политику всякого государства и в частности России. — Высокая политика России и ее проблемы в разные эпохи. — Главные основания русской национальной морской политики.

187. *Бубнов А.Д.* Очерки морской политики // *Морской журнал.* — 1935. — № 89–91.

Анализ морской политики ведущих европейских государств (Англии, Франции, Италии, Германии).

188. *Бубнов А.Д.* Русская морская проблема // *Зарубежный морской сборник.* — 1929. — Кн. 3. — С. 48–70.

Сущность русской морской проблемы. «Главная и даже единственная — по крайней мере на много еще лет — Русская морская проблема состоит в стремлении к обеспечению свободы и безопасности Черноморских морских путей».

189. *Бучикский Б.* Военная академия // Военный сборник. 1965. — № 8. — С. 24–33.

Роль армии в государстве. — Роль Военной академии в армии. — Академия Генерального штаба: условия приема и учебы, перспективы после окончания.

190. *Варнект В.* Что поняло русское офицерство // Часовой. 1935. — № 146–147. — С. 20–21.

Понятие русской военной эмиграции. — Анализ социально-политического опыта и состояния русского офицерства за последние 20 лет.

191. *Винклер О.* Национал-социализм и Россия // Проблемы. Угроза войны. Защита страны. Сборник. — Париж, 1934. — Вып. I. — С. 77–118.

Приход к власти Гитлера и роль в этом политических партий. — Гитлер, Розенберг и их книги «Моя борьба», «Миф двадцатого века». — Отношение к славянству. — Идея национал-социализма. — Устремления Гитлера на Восток.

192. *Винклер О.* Россия и Германия // Проблемы. Угроза войны. Защита страны. Сборник. — Париж, 1935. — Вып. II. — С. 150–167.

Угроза мировой войны. — Тенденции к военно-политическим союзам. — Отношения России и Германии. — Политика Германии. — Возможные последствия войны России с Германией в контексте мировой войны.

193. *Вишняк М.* На родине — на чужбине // Новый Журнал. — 1943. — Кн. 5. — С. 241–260.

Угроза третьей мировой войны. — Почему не удалась коллективная безопасность. — Как может она удалась. — Каким хотят видеть и как изображают СССР. — Что есть тоталитаризм. — Раздел влияний и равновесие сил. — Правда о России и общность судьбы.

194. *Вишняк М.В.* Национальные вопросы в России // Современные Записки. — 1928. — Кн. 35. — С. 437–471.

Не национальный вопрос, а национальные вопросы. — Автономии и федерации. — Право на отделение. — Подлинность и фиктивность СССР как союза. — Лозунги большевиков по национальным проблемам и что за ними. — Степень политической культуры как условие признания права на государственную самостоятельность. —

Отделение от России как шаг к национальному самоистязанию. — Подобные процессы в годы Гражданской войны. — Неразлучность России и ее народов.

195. *Вишняк М.* О Советской цивилизации // Новый Журнал. — 1944. — Кн. 8. — С. 52–274.

Что такое «Советы», «советское»? — Советская политическая система с 1918 по 1937 год. — Какую организационную структуру признать советской? — Существо большевизма. — «Добольшевицкий большевизм». — Советская «демократия». — Как Россия может использовать победу в войне.

196. *Вишняк М.* Правда антибольшевизма // Новый Журнал. — 1942. — Кн. 2. — С. 206–223.

Явление «джингоизма» как таковое и его проявления в среде русской эмиграции. — Идеализация советского строя и Красной армии. — Оправдание антибольшевизма. — Разоблачения большевизма! — Столкновение двух диктатур. — Отделение героизма советской армии от правящей «клики». — Войны рожают исторические и политические спекуляции. — Апологетика войны.

197. *Вишняк М.В.* Соблазн патриотизма // Новый Журнал. 1946. — Кн. 13. — С. 168–186.

«Всякая власть мнит себя патриотической». — Антипатриотизм первых лет советской власти. — Реабилитация патриотизма в России после Второй мировой войны. — Миф о новом патриотизме Сталина. — Патриотизм как движитель исторических событий и различное понимание его разными людьми. — Гегель о патриотизме. — «Антипатриотизм» русских поэтов. — Власть и патриотизм.

198. *Войтинский В.* После победы // Новый Журнал. — 1944. — Кн. 7. — С. 220–237.

Мысли о международных отношениях после войны. — Вернется ли Европа к системе национальных независимых государств. — Возможные варианты государственного строительства в различных странах после войны. — О военных союзах.

199. *Волошин Г.* Этический и исторический смысл Галлиполи // Вестник Галлиполийцев. Трехлетие общества. — 1924. — С. 81–82.

Нравственная оценка «белой борьбы» и ее итог — Галлиполи.

200. Выводы из финско-советской войны // Часовой. — 1940. — № 251. — С. 3–5.

Боеспособность Красной армии в период войны. — Отношение бойцов Красной армии к советской власти.

201. *Вязьмитинов В.* Война и психология // Военный сборник. — 1922. — Кн. 3. — С. 126–131.

Обоснование необходимости военной психологии и ее развития. — Психологическая подготовка. — Ее роль в управлении «действиями лиц и масс». «...необходимо самое серьезное и непрерывное внимание к изучению и использованию свойств человеческой психологии во всех ее проявлениях как в отдельном человеке, так и в массах. Ибо человек всегда был, есть и будет главным деятелем и орудием войны» (с. 131).

202. *В.В.О.* Эволюция танковых доктрин // Часовой. — 1937. — № 201. — С. 4–6.

Этапы эволюции применения танков в Англии, во Франции после Первой мировой войны.

203. *В.О.* Армия мировой революции // Часовой. — 1934. — № 128. — С. 7–9.

Характеристика Красной армии как армии советской политической системы и «армии международного пролетариата». — Подспудное сохранение в Красной армии русского начала.

204. *Галай Н.Я.* На верхах политического аппарата Советских Вооруженных сил // Часовой. — 1962. — № 436. — С. 8–10.

Анализ и политический смысл перестановок в руководстве политорганами в советских Вооруженных силах.

205. *Галай Н.Я.* Связи и взаимовлияния между социальной структурой общества и его военной системой на примере СССР // Часовой. — 1967. — № 490–495.

Экскурс в область истории военного искусства с точки зрения макросоциологии. — Основные особенности социальной структуры советского общества и советской военной системы. — Методика искусственного создания социальной базы общества и системы его вооруженных сил. — Эффективность и слабости функционирования советской военной

системы в мирное и военное время. — Границы возможностей влияния социальных факторов на военную систему.

206. *Геруа А.* Земская рать // Вестник военных знаний. — 1931. — № 1(9). — С. 27–33.

Анализ книги генерала фон Зеекта «Земская рать». — Проблемы комплектования современных армий.

207. *Геруа А.* Кадры Красной армии // Русский военный вестник. — 1927. — № 82.

Образование регулярных армий в эпоху Средневековья. — Роль реформаторских военных трудов Н. Макиавелли. — Переход армий на милиционную систему в Германии и Франции в XVIII в. — Кадры Красной армии, их численность, качество, структура.

208. *Геруа А.* Малая армия // Вестник военных знаний. — 1930. — № 4. — С. 1–13.

Идея сокращения современных армий: Геруа, фон Зеект. — Фрагменты из книги фон Зеекта «Думы солдата». — Комплектование и численность армий. — Малые армии в эпохи бунта масс. — Армия — государственный аппарат.

209. *Геруа А.* Монизм // Вестник военных знаний. — 1933. — № 4 (20). — С. 26–28.

Великие военные деятели человеческой истории как этапы военно-научной и военно-практической эволюции. — Недопустимость монизма в военном деле.

210. *Геруа А.* Петр Великий и Суворов // Вестник военных знаний. — 1930. — № 8. — С. 1–6.

Связь русской военной эволюции с европейской. — Военные реформы Петра I. — Значение «побеждающей мысли» полководца. — Значение Суворова для России и военного искусства.

211. *Геруа А.* Поворот на малые армии // Вестник военных знаний. — 1930. — № 6. — С. 8–11.

Два течения в вопросах войны и мира: пацифистское и воинствующее. — Тенденция к уменьшению численности армий в пользу качества. — Выдержки из труда Триандафилова. — Эволюция к малым армиям.

212. *Геруа А.* Политика Рейхсвера // Вестник военных знаний. — 1929. — № 1. — С. 12–16.

Военная политика германской армии как один из источников мировой войны. — Политизированность — черта массовых армий. — Выдающиеся военные умы Германии. — Типы отношений армии к политике. — Переоценка возможностей германской армии в 1914–1918 гг.

213. *Геруа А.* Поразил — победил (Юденич) // Вестник военных знаний. — 1931. — № 5 (13). — С. 1–11.

Боевой путь, полководческий талант генерала Н.Н. Юденича (в связи с 50-летием военной службы).

214. *Геруа А.* СГВ // Царский вестник. — 1930. — № 116. — С. 3.

СГВ — «семинарий Гражданской войны». — Изучение Гражданской войны в «Коммунистическом институте им. Толмачева». «Прежде чем воевать, надо учиться».

215. *Геруа А.* Стихия Гражданской войны // Царский вестник. — 1930. — № 115. — С. 4.

Выдержки из серии статей А. Геруа в газете «Новое Время» за 24.11, 4 и 12.12 1929 г. «Стихии Гражданской войны». Необходимость изучения Гражданской войны. — Гражданская война как форма борьбы с большевиками. — Необходимость создания «Семинария Гражданской войны» как органа изучения и осмысления этого социально-исторического явления.

216. *Геруа Б.* Русский Генеральный Штаб // Царский вестник. — 1931. — № 199. — С. 2; № 200. — С. 2.

Проблемы и некоторые изъяны в системе прохождения службы офицерами Генерального штаба (выпускниками Академии Г.Ш.). Уроки для Генштаба будущей Российской армии.

217. *Геруа Б.* Стратегия альтруизма // Часовой. — 1939. — № 240–241. — С. 5–13.

Этапы пути русской армии в 1914–1917 гг. как единый акт альтруизма — и самопожертвования. — Роль русской армии в победе союзников над Германией в «Великой войне».

218. *Геруа Б.* Творчество, доктрина, доктринерство // Вестник военных знаний. — 1933. — № 4 (20).

Сущность военного творчества и творчества как такового. — Великие военные творцы. — Невежество иностранцев в отношении русских полководцев. — Значение военной школы. — Краткие характеристики разных военных школ. — Не «доктрина», а «школа».

219. *Гильфердинг Р.* Война, разоружение и милиционная система // Воля России. — 1926. — № 6–7. — С. 136–149.

Проблема разоружения в Лиге Наций. — Капитализм и война. — Социализм и война. — Ошибки при анализе капиталистической политики. — Развитие методов партий для создания мира. — Социалистическая военная политика и организация вооруженных сил. — Проблемы милиционной армии и ее отличия от постоянного войска. — Милиционная армия и идеология масс. — Всеобщая воинская повинность — иллюзия демократизации военных сил народа. — Угроза миру и рабочее движение.

220. Главнейшие реформы в Красной армии в 1923 году // Вестник Русского Национального Комитета. — 1924. — № 8. — С. 69–88.

Общая характеристика состояния Красной армии к концу 1922 г. — Переход к корпусной организации. — Реформа военно-учебных заведений. — «Реформа обучения пехоты». — Частичный переход к милиционной системе. — Допризывная военная подготовка. — Схема развертывания Красной армии при мобилизации. — Отношение армии к власти государства. — Приложения.

221. *Головин Н.Н.* Американские впечатления // Русский инвалид. — 1930. — Ш 10, II.

Впечатления от посещения Америки. — Отношение американцев к войне и причины их экономического благополучия. — О значении воинской вежливости и ложной демократии в армии. — Военное творчество. — Система служебного роста в американской армии. — Сравнение сотрудничества Академии Генерального штаба с Генштабом в американской армии и в старой русской армии. — Характеристика американской культуры. — Способности Г. Форда и его бездушие.

222. *Головин Н.Н.* Борьба за реформу нашего высшего военного образования // Русский инвалид. — 1937. — № 106–110, 112–114; 1938. — № 116–123.

Несогласие с критикой попытки реформирования академического образования в русской армии в 1908–1911 гг., высказанной в книге Б. Штейфона «Национальная военная доктрина». — Разъяснение Головиным сути этих преобразований. — Рассуждение о методах военного обучения. — Постановка обучения во Французской военной академии и в «Нашей академии». — Подготовка профессорско-преподавательского состава и подготовка лекций. — Обучение методам и методологии в Военной академии. — Почему реформа академии была необходима. — Чему в как учил Фош.

223. *Головин Н.Н.* Генерал от Инфантерии Князь Петр Иванович Багратион // Морской журнал. — 1936. — № 103. — С. 2–5.

Краткая биография, боевой путь и подвиги П.И. Багратиона.

224. *Головин Н.Н.* Итало-абиссинская война // Современные Записки. — 1935. — Кн. 59. — С. 318–357.

Вооруженные силы сторон. — Предполагаемый план действий и группировка итальянской армии — Политическая подготовка Италией театра войны. — Начало войны. — Прогноз войны.

225. *Головин Н.Н.* Какая воздушная сила нужна будущей России // Армия и Флот. — 1938. — № 6. — С. 1–16.

Авиация как вид вооруженных сил. — Главная задача авиации в России. — Основные характеристики самолетов, их возможности и использование в военных действиях. — Примерные штаты авиационных частей.

226. *Головин Н.Н.* Наука о войне // Часовой. — 1933. — № 101–102. — С. 2–4; № 103–104. — С. 6–8.

Стратегия по Лееру — философия военного дела. — Наука о войне и наука о ведении войны. «Накопление богатейшего материала для науки о войне шло во всех отдельных отраслях военной науки» (№ 101–102. — С. 2). — Необходимость создания социологии войны, первые попытки в этом направлении. — Понимание категорий закона и принципа в применении к науке о войне. — Эволюционный характер военного искусства. — Предмет социологии войны (законы статики, динамики и эволюции войны) и методология военных наук. — Роль методологии. — Развитие науки о войне.

227. Головин Н.Н. О социологическом изучении войны // Осведомитель. — 1937. — № 4. — С. 1–13.

Отсутствие науки, изучающей войну как особое явление социальной жизни. — «Социология войны» как наука о войне. — О статистике войны. — Необходимость кафедры или института по социологии войны.

228. Головин Н.Н. Письма о военном самообразовании // Военный сборник. — 1925. — Кн. 6. — С. 3–10.

Самообразование как преодоление трудностей. — Цель и значение военного самообразования. — Необходимость объединения в кружки «ревнителей военных знаний». — Рекомендация литературы для самообразования.

229. Головин Н.Н. Развитие основных идей современной тактики // Военный сборник. — 1924. — № 5. — С. 198–141.

Новое оружие — новая тактика. — Анализ основных черт довоенных доктрин Германии, Франции, России. — Оперативно-тактический анализ кампании 1914 г. — Ускорение эволюции форм военного искусства. «Высшее вождение войск в современную эпоху заключается не только в том, чтобы правильно распределить и направить армии. Оно заключается также в постоянном обновлении применяемых войсками тактических методов и в энергичном изыскании в современной технике все новых и новых средств борьбы» (с. 117). — Необходимость теснейшей связи Академии Генерального штаба с Генштабом. «Наше Главное Управление Генерального Штаба по существу имело мало общего с военной наукой...» (с. 118).

230. Головин Н.Н. Расстрел Тухачевского // Русский инвалид. — 1937. — № 105. — С. 2.

Правильность своих прежних выводов о неспособности большевистского режима создать современную сильную народную армию. — Попытки Тухачевского сделать ее таковой. — Гибель маршала как расплата за эти попытки.

231. Головин Н.Н. Современная война и «Красная Вооруженная Сила» // Военный сборник. — 1922. — Кн. 3. — С. 5–50.

Мобилизационные возможности государства. — Качество войск. — Социальная база вооруженной силы. — Роль и возможности техники в современной войне. — Значение

военной науки. — Анализ научной работы в Красной армии. («1) стремление попасть в тон диктаторам России, 2) незнание, непонимание тех выводов, к которым привел военную науку опыт минувшей Европейской войны») (с. 39). — Основания для создания вооруженной силы будущей России.

232. *Головин Н.Н.* Современная стратегическо-политическая обстановка в Китае // Армия и Флот. — 1933. — № 9. — С. 47–56.

Анализ военно-политической обстановки в Китае и Манчжурии в 1933 г. — Роль СССР в военном конфликте в Китае. — Шансы на успех в борьбе за Китай у Японии и Коминтерна. — Воздействие Америки и Европы.

233. *Головин Н.Н.* Социологическая сущность большевизма // Русский инвалид. — 1931. — № 16. — С. 2–3.

Социально-психологическая обстановка в России в ноябрьские дни 1917 г. — Умелое использование Лениным преступного элемента. — Пушкин и Достоевский о бессмысленности и жестокости русской смуты. — Отрыв русской интеллигенции от народных масс. — Ставка на преступные и темные стороны масс — социологическая сущность большевизма. — Специфическая особенность большевизма — не социалистические идеи, а разрыв с моралью.

234. *Гудериан Гейнц.* Русская стратегия во время войны // Часовой. — 1961. — № 420. — С. 4–6.

Происхождение русской стратегии. — Ее развитие и применение в годы Второй мировой войны.

235. *Гулевич А.А.* Начало регулярной армии // Часовой. — 1933. — № 105. — С. 4–8.

К 250-летию полков Преображенского и Семеновского и Бомбардирской роты. «Потешные» полки Петра I. — Военные забавы юного царя. — Первые солдаты «потешного» дела. — Ратный пример Петра. — Переход частей из «потешных» в настоящие и их первые начальники. — Обучение воинов. — Расправа со стрельцами и ставка на новое войско. — Боевые действия в 1700 г.

236. *Гулевич А.А.* Основы устройства современных армий // Русский инвалид. — 1931. — № 28–30, 33.

Принципы и системы комплектования армий европейских государств, США и Японии: анализ и размышления.

237. *Гурко*. Письмо в редакцию // Русский военный вестник. — 1927. — № 117.

Может ли военный в революционную эпоху стоять вне политики? — Что значит быть политически образованным. — Армия — оружие власти при любой форме государственного правления. — Опасность политизации офицеров. — Долг воина — принести в жертву Родине свои политические пристрастия.

238. Германские генералы говорят. (О русском солдате и командовании Красной армии) // *Часовой*. — 1961. — № 419. — С. 3–4.

Выдержки из книги Б.Х. Лидделл Харта (англ.). — Характеристики немецкими генералами вооружения советской армии, качеств бойцов и командиров в годы Второй мировой войны.

239. *Далин Д.Ю.* Как Россия оборонялась // Новый Журнал. — 1947. — Кн. 14. — С. 213–231.

Ложность утверждения о том, что войну против фашизма выиграл Сталин и партия. — Предвоенные заявления Ворошилова о готовности к войне и их обман. — Нежелание Сталина сообщать цифры погибших в войне и предполагаемое их количество.

240. *Далин Д.Ю.* Красная армия // Новый Журнал. — 1943. — Кн. 4. — С. 273–293.

Красная армия — русский народ, а не отражение его. — Особенности Красной армии. — Состав армии. — Вновь война Отечественная, а не классовая. — Критика «партийности» в армии. — Вынужденное возвращение к российскому патриотизму. — «Фронт» Корнейчука как программа реорганизации Красной армии. — Напряжение между комиссарами и командирами. — Уверенность в победе Красной армии.

241. *Далин Д.Ю.* Советская сфера безопасности // Новый Журнал. — 1943. — Кн. 6. — С. 258–275.

Будет ли мир после войны прочным? — Цель России — расширение влияния в послевоенной Европе. — Необходимость самоограничения победителей.

242. *Данилов Ю.Н.* Беседы о войне и мире // Часовой. — 1930. — № 38, 39, 41–43, 45, 46;. 1931. — № 47– 50, 51–53, 56, 57.

Итоги Первой мировой войны. — Стремление человечества к предотвращению войны и проблемы на этом пути. «Думая о мире и работая над его укреплением, приходится помнить и о возможности войны... В этом раздвоении — трагизм жизни современных государств» (№ 38. — С. 8). — Необходимость воссоздания русской военной мощи. — Различное отношение государств к опыту войны. — Пути комплектования армии. — Военно-техническая и научная стороны армии. — Война — дело всенародное. «Нечего страшиться недостатков массовых армий, раз формирование вытекает из современного государственного правосознания, что защита родины есть “священная обязанность каждого гражданина”» (№ 43. — С. 4). — Подготовка государства к войне. — Армия в СССР и ее противоречия. — Призыв на службу и учебные сборы. «...в федеративном построении государства все граждане одинаково должны быть привлекаемы к защите общего отечества» (№ 46. — С. 7). — Милиционная система защиты государства. — Соотношение количества и качества армии и техническая сторона. — Трудовая повинность. — Армия наступательная или оборонительная? — Роль в войне родов войск и тыла.

243. *Данилов Ю.* Власть войны // Армия и Флот. — 1933. — № 9. — С. 57–60.

Деспотичность законов войны и «всеобщность» воинских обязанностей. — Современная война — война массовых армий и длительного времени. — Тенденция к распространению обязанностей по обороне государства на всех членов общества. — Противоречия этого требования. — Трудовая повинность. — Распространение власти войны и на материальные силы нации.

244. *Данилов Ю.Н.* Несколько мыслей о Красной армии // Вестник Русского Национального Комитета. — 1923. — № 4. — С. 47–57.

Логичность попыток построения Красной Армии. — Процесс создания Красной армии. — Категории командного состава и качество офицеров. — Возможности Красной армии. — Идеологическая обработка воинов.

245. *Данилов Ю.Н.* Русская стратегия в мировую войну // Вестник военных знаний. — 1929. — № 1. — С. 5–9.

Подход к пониманию стратегии России в мировой войне. — Необходимость комплексного военно-политического подхода к оценке военной стратегии и взгляд автора на стратегию России с этой позиции.

246. *Демидов И.* Возрожденная Россия и ее земля // Крестьянская Россия. — 1922. — Кн. 1. — С. 55–68.

Отсутствие в будущей послебольшевистской России капитала и замена его иностранным в процессе возрождения. — Народно-государственная идея и тип землевладения. — Земельный вопрос в России и связь с современностью. — Земля как основа жизни ею владеющего.

247. *Денике Ю.П.* Гитлеровская война // Новый Журнал. — 1942. — Кн. 3. — С. 165–176.

Смысл имени Второй мировой войны. — Гитлеровская война. — Гитлер как центральная личность и фактор войны.

248. *Денике Ю.* Размышления о власти // Новый Журнал. — 1943. — Кн. 5. — С. 142–160.

Поражение европейских демократий в конце 30-х–начале 40-х годов. — Хочет ли народ демократии? — Факторы, способствовавшие гибели демократии. — Легитимность антидемократии. — Проблемы власти в революционной России 1917 г. — Некоторые положения установления демократии.

249. *Деникин А.И.* Борьба продолжается // Борьба за Россию. — 1927. — № 6. — С. 2–9.

Парадокс прихода советской власти. — Антинародность коммунистического режима. — Тенденция национального обособления как средство против большевизма. — Белое движение. — Причины победы большевиков. — Продолжение борьбы.

250. *Деникин А.И.* В советском раю. (Предсмертная статья) // Возрождение. — 1950. — Тетр. 8. — С. 7–21.

30-летие СССР. — Истребление в нем «буржуазии как класса». — Система истребления лучших людей в СССР. — Советские концлагеря. — Страх в СССР. — Гонения на Церковь. — Разоблачение «конституционных свобод» в СССР.

251. *Деникин А.И.* Письмо оттуда. Ответ туда //Борьба за Россию. — 1928. — № 70. — С. 2–12.

Текст письма из Советской России от ранее знакомого офицера с критикой политической позиции Деникина. — Ответ Деникина: судьбы армии и офицерства в революционную эпоху в связи с судьбой России.

252. *Деникин А.И.* Призрак войны // Борьба за Россию. — 1927. — № 15. — С. 2–11.

Идеологическая подготовка СССР к войне с «мировым капитализмом». — Тайная деятельность советского правительства на сопредельных территориях. — Лицемерие стремления большевиков к миру. — Миф о «Крестовом походе против России». — Соотношение сил в возможной войне.

253. *Деникин А.И.* Трубы иерихонские // Борьба за Россию. — 1927. — № 34. — С. 1–4.

Тайная подготовка России к войне. — Связи России и Германии. — Тезисы Коминтерна от 29 мая 1927 г. — Антикапиталистическая истерия.

254. *Деникин А.И.* Этика войны // Русский инвалид. — 1931. — № 7. — С. 2–3.

Извечное стремление «мировой совести народов» смягчить жестокую сущность войны моральнообязующими правилами. — Постоянное нарушение этих этических норм в различные эпохи и, особенно, в современную.

255. *Дивеев.* Церковный вопрос и военные // Царский вестник. — 1950. — № 118. — С. 1–2.

Что значит стоять за веру. — Отношение военной эмиграции к церкви и реакция на конфликты в среде русского зарубежного духовенства.

256. *Добророльский С.* Милиция в условиях современной войны // Война и Мир. — 1924. — № 13. — С. 82–100; № 14. — С. 96–114; № 15. — С. 62–92.

Эволюция военных организаций с древнейших времен до XIX в. — Кадровые армии Европы XIX в. и их классовая сущность. — Проект милиционной армии по Жоресу. — Универсальное устройство американской армии. — Необходимость согласованности военной системы государства с его устройством. — Необходимые качества армии как таковой: воспитанность и дисциплина; практическое знание военного дела; современное материально-техническое снабжение; подготовленный командный состав, высокий военный

дух как синтез всего устройства армии и др. — Возможность достижения этих качеств при милиционной армии. — Необходимость милиционной армии.

257. *Добrorольский С.* Об управлении массами на войне // *Война и Мир.* — 1923. — № 6. — С. 72–94.

Огромная численность современных армий и проблема управления ими. — Кризис управления армиями в начальном периоде Первой мировой войны и накопление опыта управления. — Маневр как основной вид управления армиями.

258. *Добrorольский С.* План мобилизации // *Война и Мир.* — 1925. — № 19. — С. 40–67.

Значение мобилизации вооруженных сил и ее общегосударственный характер в современной войне. — «Преобладающее значение процесса мобилизации в проблеме новой армии». — План мобилизации как ее руководящая основа: основные принципы и положения.

259. *Добrorольский С.* Проблема разоружения // *Война и Мир.* — 1924. — № 17. — С. 3–20.

Шаги Лиги Наций к разоружению и их анализ. — Формальность сокращений вооружений в Европе. — «Умы и сердца не покорятся разоружению только потому, что это решено на международной конференции». — Воплощение тенденции государств к политическому объединению как единственная возможность начала разоружения.

260. *Доманевский В.Н.* Генеральный Штаб в вождении войск // *Часовой.* — 1931. — № 70. — С. 3–7.

Расчленение — принцип организации войск. — Штаб как орган техники управления. — Единоначальник и штаб. — Роль тыла. — Офицеры Генерального штаба. — Начальник Штаба. — Вопрос назначения начальника Генерального штаба.

261. *Драгомиров В.М.* Подготовка Русской Армии к Великой Войне // *Военный сборник.* — 1923. — Кн. 4. — С. 98–119; 1924. — Кн. 5. — С. 189–212; 1925. — Кн. 6. — С. 55–76.

Подготовка командного состава. — Главное управление Генерального штаба. — Частая смена начальника Г.Ш. — Роль генерала Палицина в реформировании армии. — Взгляд на военную доктрину. — Частная инициатива командного состава. — Ошибки в мышлении

командиров. «Вся кампания 1916 г. была доказательством шаблонного и поверхностного строя мысли русского командования». — Мобилизационная подготовка. — Дисциплина и ее основания. — Обучение армии. — Зависимость качества армии от «прочности» кадров и запаса.

262. *Дрейлинг Р.К.* Русская военная культура // Русская культура. Сборник статей. — Белград. — № 25. — С. 67–74.

Геополитическая обусловленность необходимости крепкой Русской армии. — Войско Московской Руси и казачество. — Создание регулярной армии и флота Петром I. — Значение Суворова. — Слава русского флота. — Реформы Милютина. — Гибель армии в революции.

263. *Егоров А.* Командный состав и военная доктрина // Вестник военных знаний. — 1934. — № 1 (21). — С. 21–27; № 2 (22). — С. 20–24.

Единство действий — главное требование военной доктрины. — Связь между военной доктриной и военной системой. — Командный состав как ключевое звено в достижении согласования в действиях. — Характеристика военно-учебных заведений России до Первой мировой войны. — Качественный состав офицеров русской армии.

264. *Егоров А.* О военной доктрине // Вестник военных знаний. — 1933. — № 2 (18). — С. 8–16.; № 3 (19). — С. 20–27.

Историческая необходимость и предпосылки военной доктрины. — Подходы к созданию военной доктрины в России в конце XIX — начале XX вв. — Сущность военной доктрины в понимании русских военных профессоров. — Отражение положений военной доктрины в уставах Красной армии. — Отсутствие единства взглядов на военную доктрину и ее сущность. — Военная система.

265. *Жекулин Н.* Военное значение пятилетки // Часовой. — 1933. — № 100–102, 106, 108, 109.

Общая характеристика первой пятилетки с военной точки зрения. — Проблемы мобилизации народного хозяйства в войне. — Госкапитализм в СССР. — Характеристика промышленности, транспорта, рабочего вопроса, сельского хозяйства. — Новая промышленная военная база СССР.

266. *Жиховский Г.* Кризис дисциплины во Французской армии // Часовой. — 1938. — № 204. — С. 11–12; № 207. — С. 5–6; № 211.

Причины и поводы кризиса дисциплины во французской армии в 1917 г. — Процесс военных бунтов.

267. *Завротский А.* Армия III Интернационала // Армия и Флот. — 1933. — № 10. — С. 36–47; № 11. — С. 50–59.

Система комплектования и воинская повинность. — Командный состав и его особенности. — «Политическая работа» в армии. — Настроения. — Милитаризация гражданских учебных заведений.

268. *Зайцев И.М.* Почему казачество безмолствовало в 1917 году? // Армия и Флот. — 1932. — № 8. — С. 25–32.

Всеобщая неподготовленность и восприятие революции. — Отсутствие всеказачьего единомыслия. — Отражение Февральской революции на фронте среди казаков. — Провал попыток казачества к объединению.

269. *Зайцев И.М.* Современная казачья идеология // Армия и Флот. — 1932. — № 7. — С. 51–57.

Возникновение казачества на закате Средних веков как уникальное явление социально-политической жизни Европы. — Роль казачества в укреплении и расширении Русского государства. — Фундамент духовного единения казачества. — Причины инертности казачества в 1917 г. — Поддержание некоторых казачьих традиций в Красной армии. — Главнейшие тезисы казачьей идеологии.

270. *Зайцев К.* Армия как явление национальное // Вестник галлиполийцев. Юбилейный выпуск. — 1924. — С. 8–9.

Русская армия на чужбине и политика эмиграции. — Армия и политическое самоопределение России. — Армия и борьба за власть. — «Армия есть явление национальное; для нас высшая ценность — национальная Россия, какой она выйдет из горнила революции» (с. 9).

271. *Зайцов А.А.* Атомная бомба // Возрождение. — 1949. — Тетр. I. — С. 140–144.

Атомная бомба как новый вид оружия, в корне изменяющий приемы вооруженной борьбы. — Возможности атомного оружия и увеличение их с разработкой ракетной техники. — Защита от ядерного оружия,

272. *Зайцов А.* В Красной армии. Реформа военных академий // Вестник галлиполийцев. — 1937. — № 43. — С. 2–7.

Новые сроки и условия приема в академию. — Методы обучения. — Учет успеваемости. — Присвоение имен военным академиям. — Проблема подготовки военно-научных кадров.

273. *Зайцов А.А.* Красная армия // Армия и Флот. — 1932. — № 9. — С. 31–34.

Противоречивость мнений о Красной армии. — Краткое описание истории возникновения и развития Красной армии. — Командный состав — главная проблема Красной армии. — Система комплектования армии. — Оснащение современным стрелковым вооружением.

274. *Зайцов А.* Красная армия // Часовой. — 1931. — № 54. — С. 10–12.

Противоречивость мнений о Красной армии. — Краткая история ее создания. — Реорганизация и развитие Красной армии. — Военные уставы и военная наука. — Качество и состояние армии. «И организационно и технически она не уступает соседям... Не в этом ее слабость. Ахиллесова пята Красной армии — ее командный состав... Он не на высоте тех требований, которые ему предъявит война. Советская “самокритика”, доносы, отсутствие авторитета его подтачивают... У верхов нет смены. Низы не подготовлены» (с. 12).

275. *Зайцов А.А.* Мысли о Гражданской войне // Русский инвалид. — 1930. — № 10. — С. 2–4; № 11. — С. 1.

Предмет теории Гражданской войны. — Принципы ее ведения и особенности. — Импровизации в устройстве армии. — Характер связи политики и вооруженной борьбы. — Отсутствие в Гражданской войне мирного населения. — Абсурдность положения «армия вне политики» применительно к Гражданской войне. — Необходимость политаппарата войск. — Анализ технической стороны Гражданской войны в России.

276. *Зайцов А.* Причины побед и поражений // Часовой. — 1940. — № 253. — С. 4–5; № 254. — С. 5–6.

Анализ причин побед фашистской Германии и поражений Польши, Норвегии, Бельгии, Франции в войнах 1939–40 гг. в Европе.

277. *Зайцов А.* Разгром в Красной армии или разгром Красной армии? // Русский инвалид. — 1937. — № 105. — С. 2–4.

«Чистка» верхов Красной армии. — Характеристики личностей Ворошилова, Гамарника, Егорова, Федько, Буденного, Дыбенко.

278. *Зеньковский В.В.* По поводу книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силой» // Современные Записки. — 1926. — Кн. 29. — С. 289–307.

Критический анализ положений книги Ильина. — Об отношении церкви к войне.

279. *Зинкевич М.* Военная доктрина // Галлиполийский вестник. — 1940. — № 80. — С. 1–4.

Затруднения в понимании военной доктрины. — Доктрина по Головину. — Примеры военных доктрин. — Доктрина войны, ведущейся между Германией и Польшей. — Военная доктрина как воспитывающий фактор.

280. *Зинкевич М.* Мысли о военной муштре // Галлиполийский вестник. — 1940. — № 83. — С. 8–10.

Необходимость для армии военной муштры, или военной привычки. — Ее суть в современном понимании.

281. *Иванов Н.П.* Итоги мировой войны // Часовой. — 1932. — № 75. — С. 4–8.

Трудности подсчета «трагических статей в балансе мировой истории». — Людские потери. — Расходы на ведение войны. — Финансовая ликвидация «кровавого наследия». — Потери морально-социального порядка и их следствия. — «Все эти красные косоворотки, черные и коричневые рубашки стремятся... так или иначе вызвать новую войну народов и добиться: одни — мировой революции, другие — расширения своих великодержавных границ до “исторических пределов”, третьи, всепокрушающего реванша» (с. 8).

282. *Иванович Ст.* За что кровь проливали? // Новый Журнал. — 1943. — Кн. 4. — С. 201–218.

О цели войны обороняющегося государства. — Отрицательные последствия Первой мировой войны с точки зрения демократии. — Искажение идеи свободы в послевоенных «социалистических» режимах. — Опасения относительно подобных результатов «мировой войны № 2». — Проблема «изжития войны». — Война и демократия.

283. «Ильи Муромцы» в войну 1914–1918 гг. // Русский военный вестник. — 1926. — № 59.

И. Сикорский и его самолеты. — Первый полет «Ильи Муромца». — Отряды по обслуживанию самолетов. — Совершенствование модели. — Первые боевые успехи. — «Военные заслуги» «И. Муромцев»

«Будем утешать себя мыслью, что война, революция с ужасами Гражданской войны, и, наконец, тяжелый крест эмиграции научили нас кое-чему, а прежде всего научили любить и уважать Родину и ее лучших представителей».

284. *Ильин И.А.* Белая идея // Белое дело. — 1926. — Т. 1. — С. 7–15.

Многовековые корни «белого дела». — Необходимость летописи белой борьбы. — Выстраданность идеи белой борьбы. — Религиозный смысл белой идеи. — Взгляд на будущую Россию.

285. *Ильин И.А.* Борьба с денационализацией // Русский Колокол. — 1928. — № 5. — С. 72–77.

Национальное как источник особенного и гениального. — Опасность национального обезличивания русских. — Национальное воспитание детей. — Факторы и опоры национального воспитания: язык, песня, молитва, сказка, жития святых и героев, поэзия, история, армия, остальные искусства.

286. *Ильин И.А.* Возрождение русской государственности // Часовой. — 1938. — № 211. — С. 26–28.

Сущность зреющей в русских душах на родине и в эмиграции идеи возрождения русской национальной государственности. — Необходимость в послебольшевистской России нового правосознания.

287. *Ильин И.А.* Государственный смысл белой армии // Русская мысль. — 1923–1924. — Кн. 9–12. — С. 231–243.

Победа духа «белой армии». — Революция — испытание душ и духовное бесстыдство. — Духовная жертвенность белой армии. — Дело Добровольческой армии — дело русской национальной чести. — Религиозно-государственный смысл белой армии. — Сущность революции и «красноты». «Начало Родины соответствует в жизни правосознания тому, что есть котика в научном знании, красота в искусстве, добро в нравственном делании, Божество в религии» (с. 240). — Патриотизм белой армии и уверенность в обновленной России.

288. *Ильин И.* Историческое бремя России // Русский Колокол. — 1927. — № 2. — С. 70–76.

Величина «исторического бремени», возложенного на русский народ. — Российская статистика: пространство и границы, население, национальный состав... — Условия расцвета России.

289. *Ильин И.А.* Наша государственная задача // Русский Колокол. — 1927. — № 1. — С. 32–40.

Революционное крушение России — крушение духовное. — Задача восстановления и укрепления русского правосознания. Отрицательные уроки революции. — Религиозное обоснование государства. — Свобода и вера как условия государственного возрождения.

290. *Ильин И.А.* О власти и смерти // Русский Колокол. — 1928. — № 4. — С. 20–25,

Волевая природа государства и государственной власти. — Драматизм государственной власти. — Призвание власти. — Власть — лучшим! — «Стать у власти значит стать возле смерти». Идея воинского долга и воинской чести — прообраз гражданской чести и гражданского долга.

291. *Ильин И.А.* О завоевании мира // Часовой. — 1939. — № 238–239. — С. 39–40.

Мировая история как учитель политиков и полководцев. — Бессмысленность идеи мирового господства. — Уроки истории.

292. *Ильин И.А.* О нашем политическом лике // Вестник галлиполийцев. Юбилейный выпуск. — 1924. — С. 10–14.

Духовная связь автора с белой армией. — Понятие политической белизны. «Белизна определялась с самого начала и будет определяться до самого конца — чистотой движущего мотива и религиозным напряжением патриотической воли. Где этого нет, там нет и белого»

(с. 10). — Соотношение понятий «белый» и «монархист». — Царь в России. — Вера в Россию.

293. *Ильин И.А.* О рыцарском духе // Русский Колокол. — 1928. — № 6. — С. 3–7.

Необходимость духа рыцарского служения. — Люди «личного успеха» и люди «дела». — Нужда России в людях «служения». Традиция религиозно ускоренного государственного добровольчества.

294. *Ильин И.А.* О христолюбивом воинстве // Часовой. — 1939. — № 232–233. — С. 32–33.

Почему русское воинство христолюбивое? — Что есть воин без нравственных устоев. — Необходимость жизненных компромиссов и их понимание. — Необходимость укрепления христолюбия в душе воина.

295. *Ильин И.А.* О частной собственности // Русский Колокол. — 1929. — № 8. — С. 14–21.

Историческая неизбежность нового осмысления и обоснования частной собственности. — Органичность природы частной собственности. — Обоснование частной собственности.

296. *Ильин И.А.* Православие и государственность // Русский Колокол. — 1927. — № 2. — С. 44–49.

Смысл аполитичности церкви. — «Государственность» церкви и «церковность» государства: государство правит, церковь учит.

297. *Ильин И.А.* Спасение в качестве // Русский Колокол. — 1928. — № 4. — С. 3–7.

«Объем и количество» России как факторы затруднения ее развития. — Спасение России — в «качестве»: людей, культуры, служения.

298. *Иордан К.* О мировой революции // Вестник общества галлиполийцев. — 1936. — № 39. — С. 6–8.

Мировая революция — задача большевиков. — Опасность снисходительного отношения к этой идее. — Нравственность и мировая революция. — Хомяков и Достоевский как «иллюстраторы» мистических глубин революции. — Мировая революция — апофеоз нравственного разложения народов.

299. *Карпов Б.* Значение моря и флота в Гражданской войне // Вестник военных знаний. — 1932. — № 2 (15). — С. 13–16.

Значение морских путей во время войн. — Особенности этого значения в России в годы Гражданской войны.

300. *Карпович М.* Генерал Деникин // Новый Журнал. — 1947. — Кн. 17. — С. 320–321.
Оценка личности Деникина А.И. Его патриотические и гражданские качества.

301. *Карсавин Л.П.* Армия и Революция // Евразийская Хроника. — 1927. — Вып. 9. — С. 40–46.

Война как исторический факт. — Необходимость изучения истории войны и военного дела. «Война приобретает подлинный смысл исторического факта, и для понимания ее становится необходимым сотрудничество военных специалистов с историками и философами» (с.40). — Война как самораскрытие культуры. — Существо войны и армии. — Война как факт русской истории. — Армия — хранительница «народной» идеологии. «...своею обращенностью к прошлому армия обращена к реальному будущему народа... В силу своей консервативности армия истинно прогрессивна» (с. 42). — Армия и непрерывность русского исторического процесса.

302. *Келчевский А.* Две доктрины // Война и Мир. — 1922. — № 3. — С. 25–39.

Аналитическое сравнение военных доктрин Германии и Франция в первой мировой войне. — Две доктрины — два учения о войне. — Немецкая доктрина как «неудержимый ... полет мысли и олицетворение воли и силы в достижении ясно поставленной цели». — Французская доктрина как «неподвижность в смертельном томлении и в отгадывании, чего захочет противник». — Жертвенная функция России в Первой мировой войне и хищнические устремления остальных основных стран-участниц.

303. *Келчевский А.* Краткие итоги мировой войны и вероятные перспективы ближайшего будущего // Война и Мир. — 1923. — № 7. — С. 27–51.

Подготовка мира к новой мировой войне. — «Борьба за уничтожение милитаризма Германии привела к всеобщему милитаризму». — Уроки мировой войны с военной точки зрения: стратегической и тактической. — Будущая война как война «техническая».

304. *Керенский А.Ф.* О границах и прочем // Новый Журнал. — 1944. — Кн. 7. — С. 168–185.

Кулуарные разговоры мировых стратегов о третьей мировой войне. — Книга Д.Ю.Далина «Россия и Европа после войны». — Противостояние России и Запада. — Эмиграция должна оставаться в России. — Завоевательные интересы США и Англии. — Справедливость претензий России на новые границы. — Боязнь большевизма Западом.

305. *Керсновский А.* Военизация страны // Царский вестник. — 1928. — № 1. — С. 2–3; К 2. — С. 3.

Основные принципы военизации страны как условие ведения современной войны. — Мобилизация тыла. — Допризывная подготовка и система комплектования.

306. *Керсновский А.* Военно-политические итоги 1927 года // Русский военный вестник. — 1928. — № 126. — С. 2–3.

Краткая характеристика внутренней и внешней политики, обзор итогов развития армий Франции, Великобритании, Италии, США, Германии, Польши, Румынии, Японии. — Анализ итогов развития СССР и хода политических событий. «Нетрудно предугадать, что оппозиция будет раздавлена, и с нею исчезнут последние коммунисты... лишь слепой не видит, что от коммунистов в России уже ничего не осталось, кроме красного знамени. Красная армия существует главным образом на бумаге» (с. 3).

307. *Керсновский А.* Воспоминания ген. Брусилова // Царский вестник. — 1929. — № 62. — С. 2–3.

Краткое изложение изданных во Франции мемуаров ген. А.А. Брусилова и комментарии к ним.

308. *Керсновский А.* Доктрина Рейхсвера // Царский вестник. — 1931. — № 136. — С. 2.

Теоретическое обоснование германскими военными мыслителями перехода государств к профессиональным армиям. — Три фазиса в развитии военной доктрины Германии в 1918–1931 гг.

309. *Керсновский А.* Ко второй Гражданской войне // Царский вестник. — 1930. — № 116. — С. 3.

Открытие «Семинария Гражданской войны» с военной точки зрения. — Каким должен быть «Семинарий Гражданской войны».

310. *Керсновский А.* Наш будущий офицерский корпус // Царский вестник. — 1930. — № 100. — С. 3–4.

Роль офицерского корпуса во всякой армии. — Состав будущего офицерского корпуса послебольшевистской России. — Характеристика «краевых командиров». — Возможный путь создания хорошего офицерского корпуса. — Социально-воспитательная роль отслуживших офицеров. — Роль унтер-офицеров.

311. *Керсновский А.* Наша будущая малая армия // Царский вестник. — 1931. — № 194. — С. 2–4.

Кризис политики и военных систем «массовых армий». — Уроки для создания будущей русской армии. — Три элемента будущей Российской армии и их назначение. — Комплектование армии. — Пути решения проблемы офицерских кадров.

312. *Керсновский А.А.* О нашем близком служении // Часовой. — 1939. — № 240–241. — С. 28–31.

О восстановлении военного дела и военной профессии после падения большевистского режима в России.

313. *Керсновский А.* Разоружение Франции // Царский вестник. — 1931. — № 222. — С. 1–2.

Анализ военно-политической обстановки в Европе накануне всемирной конференции по разоружению. — Тщетность затеи и приближение войны.

314. *Керсновский А.* Сущность французской военной реформы // Русский военный вестник. — 1927. — № 88. — С. 2–3.

Обусловленность реформы. — Настоящее положение дел. — Изменения организационной структуры вооруженных сил. — Организация колониальной армии. — Совершенствование допризывной подготовки и изменение в системе призыва. — Опора на технику.

315. *Керсновский А.* Тенденции армий мира // Царский вестник. — 1928. — № 10. — С. 23.

Краткая характеристика «общей тенденции вооруженных сил главнейших военных держав».

316. *Керсновский А.А.* 1870–1914–1940 // Часовой. — 1940. — № 253. — С. 5–7.

Неспособность Франции вести в одиночку войну с Германией. Анализ военной политики и стратегии Франции в конце XIX — первой половине XX века.

317. *Керсновский А.* Французские монархисты // Царский вестник. — 1929. — № 26. — С. 2–4.

Роялисты. — Вожди Французского монархического движения. — Их внутренняя и внешняя программы. — «Роялисты — враги великой России».

318. *Керсновский А.* Хартия поражений // Часовой. — 1941. — № 261. — С. 6–8.

Критика полевого устава Французской армии как документа потенциально содержащего положения, ведущие к военным поражениям.

319. *Керсновский А.* Царьград или Стамбул // Царский вестник. — 1929. — № 58. — С. 2–3.

Из истории отношений России с Турцией и войн между ними. — Взгляд на дальнейшие русско-турецкие отношения.

320. *Керсновский А.А.* Чем нам быть? // Часовой. — 1939. — № 238–259. — С. 19–20.

Военная профессия, положение о ней в Советской России и России будущей.

321. *Кизиветтер А.* Крестьянство в русской научно-исторической литературе // Крестьянская Россия. — 1923. — Кн. V–VI. — С. 23–45.

Ученый спор западников и славянофилов о крестьянской общине и крепостном праве. — Литература по этим вопросам.

322. *Киященко Г.Т.* Религия и идеалы народовластия // Царский вестник. — 1930. — № 92. — С. 2–3; № 93. — С. 2–3.

Виды власти. — Связь верховной власти авторитета с религиозными верованиями в него. — О.Конт о государственности. — Луначарский о государственности. — Большевизм и государственность в России.

323. *Ключников Ю.* Международное значение России // Смена вех. — 1921. — И» I. — С. 8–И.

Послевоенный кризис Европы. — Потенциальные новые коалиции государств и Россия. — Три перспективных России. — Реально-революционная Россия. — Необходимость для России в мировом общении.

324. *Ковалевский П.* Военные поселения // Военно-исторический вестник. — 1956. — № 7. — С. 27–31.

Происхождение и цель военных поселений в эпоху Александра I. — Идея Павла I и «оборонительный характер» военных поселений. — Забвение этой идеи. — «Наступательные» военные поселения Аракчеева. — Кризис политики военных поселений и его причины.

325. *Ковалевский П.* Храмы военного ведомства и храмы, связанные с военной стариной в С.-Петербурге // Военно-исторический вестник. — 1953. — № 1. — С. 39–42.

Описание военного содержания соборов, бывших в ведении протопресвитера Военно-морского духовного и других соборов, «связанных с военной стариной».

326. *Колесников Н.В.* Евразия // Армия и Флот. — 1932. — № 9. — С. 49–52.

Взаимоинтересы СССР, Германии, Японии и потенциальное изменение политической ситуации в мире. — Политическая линия Японии. — Идеи, охватившие человечество. — Коммунисты и капиталисты как два противостоящих лагеря и их общая уязвимость. — Политическая картина и тенденции мира.

327. *Колесников Н.В.* Пауза // Армия и Флот. — 1933. — № 10. — С. 64–69.

Анализ политико-стратегической обстановки на Дальнем Востоке осенью 1932 г. — Взгляды на методологию подобного анализа.

328. *Колесников Н.В.* Россия // Армия и Флот. — 1933. — № 6. — С. 15–18.

Историческая миссия России. — Враждебность остального мира по отношению к России. — Русская революция и безучастность окружающих стран. — Современное положение СССР.

329. *Колесников Н.В.* Стратегия духа ... (Стратегические этюды наших дней) // Армия и Флот. — 1936. — № 1. — С. 60–68.

Религия идей и ее вожди. — Ленин и Муссолини. — Идеология Муссолини и итальянский фашизм. — Нацизм Гитлера как воскресение германского духа.

330. *Колесников Н.В.* Сфинкс // Армия и Флот. — 1932. — № 7. — С. 39–44.

Идентичность причин поражений белой армии и русской армии в конце XIX — начале XX в. — Красная армия — «загадочный сфинкс». — Неадекватность оценок Красной армии и ее недооценка русской эмиграцией. — Критика воспитательной и духовной работы в царской армии. — Дело пропаганды в Красной армии. — Высокая боеспособность Красной армии.

331. *Колесников Н.В.* Япония // Армия и Флот. — 1935. — № 5. — С. 58–64.

Статистика и итоги: выводы относительно советско-японских отношений и их дальнейшего развития. — Армия и народ в Японии. Их «однотипность».

332. *Корф С.А.* Возможна ли в России федерация? // Современные записки. — 1921. — Кн. III. — С. 171–190.

Распад Российской империи. — Характер центробежных сил. — Отношение между центром и окраинами. — Финансово-экономический вопрос. — Государственный строй федерации. — Тактика будущего федеративного движения.

333. *Краинский Н.В.* Психика и техника // Вестник Союза офицеров — участников войны. — 1932. — № 11. — С. 3–10.

Соотношение психических и технических сил. — Психика и дисциплина. — Идеология войны и дух армии. — Политика и дух армии. — Методика разложения противника.

334. *Краснов П.Н.* Армия // Русский Колокол. — 1928. — № 3. — С. 8–13.

Необходимость воспитания армии. — Моральная стойкость и дисциплина армии — условие ее победы. — Армия — «школа для народа» и «рыцарский орден». — Отбор в армию «лучших» в новой России.

335. *Краснов П.Н.* Две книги о великой войне // Новое время. — 1929, 21 и 22 ноября.

Анализ и сравнение двух книг о Первой мировой войне: Э.М. Ремарка «На западном фронте бее перемен» и К. Попова «Воспоминания кавказского гренадера» с точки зрения духовных ценностей, всесторонности отражения войны и ее исторического смысла.

336. *Краснов П.Н.* Навеки, их прошлое, настоящее и возможное будущее // Русский Колокол. — 1928. — № 4. — С. 8–18.

Россия сегодня — «дом в огне». — Государственная сущность казачества. — История казачества и его служения Российскому государству. — Казачество в Гражданской войне. — Уверенность в необходимости казачества для новой России.

337. *Краснов П.Н.* Опасные методы ведения войны // Часовой. — 1936. — № 163. — С. 6–7.

Война не с войсками противника, а с мирным населением. — Осуждение агрессий против мирного населения. — Необходимость «метода христианских войн».

338. *Краснов П.Н.* Сибирские казаки // Часовой. — 1934. — № 121. — С. 6–12.

Размышления об истории покорения Сибири Ермаком. — Кто покорял Сибирь? — Воспоминания автора о командовании 1-м Сибирским казачьим полком. — Трагедия Сибирского казачества в Гражданскую войну и эмиграция.

339. Красные маршалы // Вестник Общества Галлиполийцев. — 1936. — № 31. — С. 4.

Первое присвоение званий маршалов Советского Союза. — Интриги, предшествовавшие этому. — Замысел Сталина в этой акции.

340. *Куракин А.М.* Вооруженные Силы Советского Союза.// Часовой. — 1933. — № 110, 111, 116–119, 123–126, 141, 142.

Характеристика Вооруженных сил СССР и их особенности.

341. *Курганов И.* Революция и офицерские кадры // Часовой. — 1972. — № 553, 555, 556. — 1973. — № 559, 560, 561.

I. Старая армия. — Армия и марксизм. — Коммунистическая пропаганда и борьба с ней. — Гонения на офицеров. — Конец старой армии.

II. Красная армия. — Необходимость ее создания и трудности организации. — Прием царских офицеров и подготовка красных офицеров. — Красная армия под командованием царских офицеров.

III. белая армия. — Политическая администрация и пропаганда. — Поддержка со стороны населения. — Политические настроения в стране. — Настроения городского и сельского населения.

342. *Куц В.* Дух или материя? // Война и Мир. — 1924. — № 11. — С. 15–23.

Огромное значение техники в Первой мировой войне. — Столкновение технического и духовного факторов в войне. — Определяющая роль духовного начала в войнах прошлого. — «Ослепление техникой» в современную эпоху. — Решающая роль человека и в современной войне. — Средства поднятия духа армии.

343. *Ландау Г.* Военный максимализм и демократия // Русская мысль. — 1921. — Кн. X–XII. — С. 178–199.

Трагедия революционной Европы. — Духовные оболочки разных целей войны. — Пацифизм как цель Антанты в Первой мировой войне, ложность этой цели и ее жертвы. — Ответственность за максимализацию целей войны. — Недоразумения с пониманием демократии. — Наивность политически некультурного общества. — Перенос психологии, подготовленной войной, на социальную сферу.

344. *Лебедев Вл.* Новая стратегия — новая дипломатия // Проблемы. Угроза войны. Защита страны. Сборник. — Париж. — 1935. — Вып. II. — С. 5–56.

Начало войны — «неожиданное нападение». — Основной принцип новой стратегии — быстрота. — Время — основной элемент воздушной стратегии. — Цель возможной антирусской коалиции. — Роль сепаратизма в войне против России. — Психологическая подготовка к нападению на Россию. — Силы антирусской коалиции. «...сочувствовать и активно помогать делу защиты России, такой, какая она есть... по крайней мере, не мешать делу обороны России» (с. 54).

345. *Лебедев Вл.* Россия и Япония // Проблемы. Угроза войны. Защита страны. Сборник. — Париж, 1934. — Вып. 1. — С. 5–38.

Разногласия России и Японии на Дальнем Востоке. — Роль Японии на азиатском континенте. — Нацеленность Японии на Китай и СССР. — «Национальная зараженность» Японии. — Отношение русской эмиграции к возможной войне.

346. *Лукомский А.С.* О мобилизации и несколько слов о подготовке к снабжению армии во время войны // Часовой. — 1934. — № 135–136; 137–138; 141–142.

Понятие мобилизации армии. — Проблемы и планы мобилизации армии в России в конце XIX — начале XX в. — Работа по организации мобилизационных мероприятий в русской армии после русско-японской войны.

347. *Лукомский А.* Опыт войны как материал для подготовки войск // Военный сборник. — 1923. — Кн. 4. — С. 177–212.

Опыт и наследие У.И. Драгомирова. — Обучение в воспитание войск. — Полевые уставы и отношение к ним высшего командования. — Анализ элементов военной подготовки.

348. *Львов Л.* Ложь и не ложь в войне // Борьба за Россию. — 1927. — № 39.

Война — «в порядке дня» большевиков. — Внутрипартийная борьба в ЦК ВКП(б). — Подготовка большевиками военной авантюры.

349. *Любаневич О.Н.* Воспитание демократии // Знамя России. — 1936. — № 11. — С. 9–11.

Наиболее типичные ошибки демократического управления. — Коренной недостаток демократий. — Политическое воспитание народа. — Религиозная эволюция масс.

350. *Макинтош Малькольм.* Солдаты партии // Часовой. — 1962. — № 438. — С. 3–5. Перевод из журнала НАТО «Новости О.Т.А.».

Военная сила в мышлении «правоверного коммунизма». — Сталин и армия. — Хрущев и армия. — Непрерывность идеологического воздействия на армию в СССР. — Обязательства высших офицеров в отношении партийной политики. — Выбор высших начальников в вооруженных силах. — Надзор за армией. — Изменения в военной стратегии.

351. *Маклаков М.А.* Еретические мысли // Новый Журнал. — 1948. — Кн. 19. — С. 141–163; кн. 20. — С. 131–149.

Назначение представительства: установление отношений между государством и личностью. — Проблема выражения государственных интересов в парламенте. — Структура представительства. — Государственная власть. — Взаимоотношения государственной власти и представительства: принцип взаимнезависимости. — Оптимальная система законодательства. — Возрастающая «аморальность» политических войн.

352. *Маништейн Э.* Эволюция Красной армии // Часовой. — 1961. — № 425. — С. 6–10. Перевод с немецкого.

Анализ эволюции Красной армии с 1942 по 1945 гг. — Причины поражений гитлеровской армии. — Освещение основных сражений на советско-германском фронте в годы Второй мировой войны.

353. *Мариюшкин А.* Техника и дух народа // Вестник военных знаний. — 1930. — № 4. — С. 15–18.

Использование технических достижений в Первой мировой войне. — Отражение психологии тыла на психологии армии. — Роль духовного фактора в современной войне. — Военная подготовка населения.

354. *Марков Н.Е.* Армия и «аполитичность» // Царский вестник. — 1931. — № 202. — С. 1–2.

Может ли быть армия без государства. — Что есть Родина? — Армия и государственный переворот.

355. *Масловский Е.* Значение духовной сущности боя // Часовой. — 1932. — № 76. — С. 8–9.

На примере эпизода войны в 1914 г., связанного с генералом Юденичем, проводится параллель между решением тактической задачи в поле в мирное время и решением ее в боевой обстановке. Подчеркивается «превосходство духа над материей» и значение морального элемента в бою.

356. *Махин Ф.* Военная мощь России // Проблемы. Угроза войны. Защита страны. Сборник. — Париж, 1935. — Вып. 11. — С. 57–149.

Сложность современной обороны страны. — Техническая неподготовленность России к Первой мировой войне. — Снабжение русской армии во время Первой мировой войны. — Беззащитность прежней России.

357. *Махин Ф.* Стратегическая обстановка на Дальнем Востоке // Проблемы. Угроза войны. Защита страны. Сборник. — Париж, 1934. — Вып. 1. — С. 39–76.

Цели войны. — Общая характеристика театра военных действий. — Экономические базы России и Японии. — Вооруженные силы России и экономика. — Возможные планы действий сторон.

358. *Мельгунов С.* Героизм белой борьбы // Борьба за Россию. — 1926. — № 2. — С. 2–6.

Идея добровольчества. — Сущность «белой» борьбы. — Белые и красные знамена. — Насилие красных и насилие белых. — Героизм белого движения.

359. *Месснер Е.* Армия и политика // Знамя России. — 1937. — № 3.

Законодательное включение в Советском Союзе армии в сферу политики. — Партийность в армии как угроза Гражданской войны. — Зависимость обороноспособности от характера политической жизни в стране. — Франко- и германофилы в Красной армии.

360. *Месснер Е.* Война между континентами // Вестник военных знаний. — 1930. — № 6. — С. 27–30.

Войны между континентами как смена войнам между государствами и коалициями. — Будущие межконтинентальные войны как борьба за выживание на перенаселенной планете. — Долг России — быть крепкой между пан-Европой и пан-Азией.

361. *Месснер Е.* Вспыхнет ли война между СССР и Японией? // Армия и Флот. — 1934. — № 4. — С. 44–49.

«Доклад генерала Головина о положении на Дальнем Востоке». — СССР и Япония готовятся к войне. — Силы противников. — Высокий моральный дух японцев. — Шансы на победу у Японии.

362. *Месснер Е.* Декадентство в военном искусстве // Военный сборник. — 1928. — Кн. 9. — С. 139–161.

Исчезновение гармонии военного искусства. — Футуризм, кубизм, импрессионизм в военном искусстве. «Война не только стала дорогой к самоубийству — она стала совершеннейшим абсурдом, так как современная военная система приняла абсурдные формы и размеры» (с. 144). — Сущность военного декаданса. «...увлечение реальными элементами войны в ущерб нереальным. Это увлечение проявляется в преклонении перед количеством, массой и в засорении умов рационализмом» (с. 146). О будущей военной доктрине. — Соотношение военной науки в искусства.

363. *Месснер Е.* Мысли о Генеральном Штабе // Военный сборник. — 1925. — Кн. 7. — С. 36–56.

Генеральный штаб как генератор «милитаризации» государственного механизма. — Дифференциация и специализация в Генштабе. — Роль и функции начальников штабов всех уровней. — «Фронт и тыл», «армия и страна» — поле деятельности «офицеров-академиков». «Генеральный Штаб не управляет страной, он лишь направляет работу военной машины, заботясь о боевой готовности страны» (с. 47). — Программа Академии Генштаба. — Противоречия военной доктрины, «...единая доктрина может направить обучение и воспитание армии по ложному пути, ибо она устраняет обсуждение и критику, а ведь только в критике, в обсуждении... выявляется истина» — Значение корпуса «академиков».

364. *Месснер Е.* О Гражданской войне // Вестник военных знаний. — 1930. — № 7. — С. 22–24.

Различия в восприятии гражданской войны «белыми» и «красными». — Возможность перерастания обычной войны в гражданскую. — Необходимость изучения Гражданской войны. — Обязательность политических и социологических знаний для офицера. — Алгоритм изучения Гражданской войны.

365. *Месснер Е.* О стратегии Гражданской войны // Вестник военных знаний. — 1930. — № 8. — С. 13–16; 1931. — № 10. — С. 10–13.

Генезис военной науки. — Изучение Гражданской войны большевиками. — Общий характер стратегических действий в Гражданской войне. — Фазы Гражданской войны.

366. *Миллер* (генерал). Доклад «О Русской Армии» на конференции РНК 13.09.24 г. // Вестник Русского Национального Комитета. — 1924. — № 10.

Основы воспитания Добровольческой армии. — Трудности армии на чужбине. — Современное состояние русской армии. — Дух армии и ее организация. — Борьба эмиграции за влияние на армию. — Вера в русскую армию.

367. *Милуков П.Н.* Положение накануне войны // Новый Журнал. — 1943. — Кн. 6. — С. 186–202.

Атмосфера угрозы войны в 30-х годах XX столетия. — Роль Лиги Наций в этот период. — Гитлер и Сталин. — Планы Гитлера. Изворотливость советской власти. — Эволюционирование России.

368. *Морозов В.* Военная доктрина Красной армии // Вестник Общества галлиполийцев. — 1935. — № 22. — С. 6–8; № 23. — С. 6–9.

Понятие военной доктрины. — Пути создания военной доктрины Красной армии и ее стадии. — Пятилетний план создания военной мощи государства. «...во исполнение воли вождя закипает во всей стране энергичная работа по созданию военной техники. В жертву ей были принесены положительно все остальные стороны государственной жизни» (№ 22. — С. 7). — Чистка высшего командного состава и подготовка новых кадров. — Выражение доктрины в уставах. — Составные части советской военной доктрины. — Учение о «социальной войне». «Красную Армию необходимо вдумчиво научать, потому что она живет идеями совершенно чуждыми нормальной европейской психологии» (№ 23. — С. 9).

369. *Муз В.* Война с Наполеоном в русской музыке // Часовой. — 1962. — № 437. — С. 16–18.

Отражение русскими композиторами в различных музыкальных жанрах Отечественной войны 1812 года.

370. *М.Ц.* Власть и война // Новый Журнал. — 1944. — Кн. 8. — С. 390–593.

Степень заслуг государственной власти в победе на войне. — Роль власти в странах современной диктатуры. — О причинах советского русского патриотизма. — Героизм в форме терпения. — Война — тяжелое испытание народа.

371. *Незнамов А.* «Неповоротливость» // Армия и Флот. — 1933. — № 6. — С. 43–44.

«Неповоротливость» управления в русской армии как одна из причин ее неудач.

372. *Николаевский Б.* Как Япония вошла в войну // *Новый Журнал.* — 1945–1946. — Кн. 11–12.

Анализ внутривосточной обстановки в Японии в 30-х годах XX столетия. — Милитаризация страны и ее экономики. — Дипломатическая деятельность Японии в США и СССР. — Сближение с Германией. — Основные причины и детали вхождения Японии во Вторую мировую войну.

373. *Николаевский Б.* Пораженчество 1941–1945 годов и генерал А.А. Власов (Материалы для истории) // *Новый Журнал.* — 1948. — Кн. 18. — С. 209–234; кн. 19. — С. 211–247.

Из истории «пораженчества» в России. — Пораженчество 1941–1945 гг. и его особенности (массовый характер). — Пораженчество в первый период войны. — Политика Германии в этом вопросе. — Генерал А.А. Власов: биография и боевой путь. — Командование Власовым армией и обстоятельства пленения. — Власов и центр Русского Освободительного движения. — Создание Русской Освободительной Армии.

374. *Николаевский Б.* Смещение фельдмаршала Браухича // *Новый Журнал.* — 1942. — Кн. 2. — С. 224–249.

История карьеры Браухича и причины его смещения в связи с внутренней и внешней политической жизнью Германии и войной.

375. *Николаевский Б.* Советско-японские отношения // *Новый Журнал.* — 1943. — Кн. 5. — С. 198–240.

Из истории русско-японских отношений. — Анализ отношений в начале XX века и в годы установления советской власти. — Роль США и Китая в этих отношениях. — Политика СССР на Дальнем Востоке при Сталине.

376. *Никольский Б.* Войны России // *Русский Колокол.* — 1928. — № 3. — С. 65–72.

Бесконечность и постоянство войн в русской истории. — Характер и цели войн до Петра I. — Войны России как историческая неизбежность и защита государственных интересов. — Количественная характеристика войн и их геополитическая классификация.

377. *Никольский Б.* Конница в армии III рейха // Часовой. — 1935. — № 152–153. — С. 6–8.

Роль конницы в Первой мировой войне, использование ее немцами. — Выводы о коннице в будущей войне.

378. *Новицкий К.* К 30-летию Общества Ревнителей Военных Знаний // Военный сборник. — 1929. — Кн. 10. — С. 140–154.

История создания Общества. — Руководители и организаторы. — Основные принципы Общества. — Роль в развитии военного искусства.

379. *Нольде Б.Э.* Имперские судьбы России // Возрождение. — 1949. — Тетр. 1. — С. 17–26.

Эта публикация — начало большого незавершенного труда. Завоевание Иваном IV Казани. — Строгановы и Ермак. — Их реальное значение и заслуги.

380. *Носков А.А.* Интервенция // Смена вех. — 1921. — № 3. — С. 10–13.

Новый клич правой эмиграции к интервенции России. — Изменившиеся реальности внутри и вне России. — Бредовость планов интервенции.

381. *Носков А.А.* Командный состав Красной армии // Смена вех. — 1921. — № 2. — С. 11–15.

Необъективная оценка военными эмиграции кадров Красной армии. — С.С. Каменев: качества, характеристика, эпизоды боевой деятельности в годы революции и Гражданской войны. — Генштаб Красной армии. — Меры по повышению качества командного состава Красной армии.

382. *Носков А.А.* Красная армия // Смена вех. — 1921. — № I. — С. 14–17.

Состояние Красной армии как фактор живучести советской власти. — Необъективность антибольшевистских оценок Красной армии. — Изменение типа красноармейца. — Бесплодность попыток возврата Красной армии к духу предреволюционной армии. — Собственная ценность Красной армии.

383. *Н.Н.Р.* Зарубежные высшие военно-научные курсы генерала Головина в Париже // Военная быль. — 1962. — № 53. — С. 40–42; № 54. — С. 38–40.

Замысел курсов. — Содержание и авторство курсов. — Система обучения и особенности. — История курсов.

384. *Обручев А.* Граф Д.А. Милютин, П.С. Ванновский и Н.Н. Обручев на службе у четырех императоров // Военно-исторический вестник. — 1959. — № 13. — С. 13–16.

Д.А. Милютин: вехи жизни и военной биографии. — Суть реформаторской деятельности на посту военного министра. — П.С. Ванновский: жизненный путь и деятельность в должности военного министра после Милютина. — Генерал Н.Н. Обручев: его сотрудничество с Милютиным и Ванновским.

385. *Ольховский П.* Воинское воспитание // Военный сборник. — 1925. — Кн. 7. — С. 3–35; 1926. — Кн. 8. — С. 113–114; 1928. — Кн. 9. — С. 47–79.

Задачи воинского воспитания. — Воспитательное значение внутреннего порядка. — «Значение муштры и сомкнутого строя». Пример начальника. — Меры поощрения. — Близость офицера к солдату. — Товарищество. — Патриотизм. — «Обряды и символы». Авторитет начальника. — Традиции. — Дисциплинарный устав Красной армии. — Взаимоотношения начальников и подчиненных. — Суть воинского воспитания. — Приложения (из воспоминаний автора).

386. *Ольховский П.* Николай Николаевич Обручев // Русский инвалид. — 1930. — № 11. — С. 3.

К 100-летию со дня рождения генерал-адъютанта Н.Н. Обручева. — Описание жизненного пути и заслуг Обручева перед русской армией и Россией.

387. *Орехов В.* Реформа в Красной армии // Часовой. — 1935. — № 156–157. — С. 3.
Отзыв на «введение чинов» в Красной армии.

388. *Осинов А.* Армия и Религия // Часовой. — 1964. — № 465. — С. 8–11.

Функции религии в армии. — Религиозное воспитание воинов и будущих воинов (допризывников). — Гуманизация армии. — Место и роль военного духовенства в армии.

389. Основы Русского Военного Искусства // Часовой. — 1963. — № 439–440. — С. 21–26.

Исторический обзор и краткая характеристика, особенности русского военного искусства.

390. *Павлов Б.* Кадеты в белом движении // Кадетская переключка. — 1976. — № 16. — С. 16–26.

Краткий очерк об участии кадетов в действиях белой армии, их боевых отличиях.

391. *Пасманик Д.* Рыцари России // Борьба за Россию. — 1927. — № 27. — С. 2–3.

Галлиполи и необходимость создания российского рыцарства. — Качества, необходимые для него. — Идеалы рыцарства.

392. *Патронов И.* Старая и новая дисциплина // Военный сборник. — 1922. — Кн. 2. — С. 221–243.

Основания воинской дисциплины. — Примеры из жизни русской армии и выводы для построения будущей армии России. — «Нынче в некоторых органах печати попадаются ... упоминания о новой дисциплине, которая в противоположность старой должна быть основана на каких-то новых демократических началах. Для избежания повторения путаницы 1917 года нам следует ответить на вопрос: что такое воинская дисциплина, каковой она была... и каковой должна быть?» (с. 222).

393. *Пеликан Б.* Черносотенство // Русский Стяг. — 1926. — № 13, 14.

Истоки черносотенства. — Черносотенство в других странах. «По существу своему черносотенство есть не что иное, как чистейшая реакция, но реакция не сверху, а снизу... ее не надо бояться... она спасает государство, общество и семью. Революция — болезнь, реакция — выздоровление». — Социальный состав черносотенства. — Критика Белого движения. — Критика Столыпина и реформаторов России. — Союз Русского Народа.

394. *Передельский А.* Мысли военного врача об устройстве санитарной части в будущей Российской армии // Военный сборник. — 1926. — Кн. 8. — С. 145–176.

Роль «Военно-санитарного корпуса». — Изменения в подготовке военных врачей. — Руководство военно-санитарной подготовкой. — Значение военного образования для военного врача. — Структура военно-медицинской службы.

395. *Петров П.П.* Красная армия // *Голос России*. — 1931. — № 1. — С. 2–5; № 2. — С. 3–7; № 3. — С. 6–9.

Подход к изучению Красной армии. — Этапы военного строительства: добровольческая армия, принудительный набор, реформы в условиях НЭП (переход на мирное положение). — Техническое оснащение армии на четвертом этапе. — «Создалось такое положение, при котором вопросы боеспособности отодвинуты в сторону одним, наиболее важным для Советской власти вопросом превращения армии в окончательно послушное орудие «при проведении внутренней политики» (№ 1. — С. 5). — Военная система, организация и снабжение. — Политический аппарат в армии и войска политической охраны. — Командный состав. Военная подготовка.

396. *Полянский В.* Основной порок Красной армии // *Часовой*. — 1930. — № 27. — С. 17–20.

Совершенствование военной организации Красной армии. — Цель существования. — Роль армии в проведении политики партии. — Невнимание к вопросам боевой подготовки. «Совершенно непонятно... Красная армия в настоящий момент то ли ... организованная боевая силы для защиты от внешнего врага, то ли... солдатский университет для изучения вопросов коллективного земледелия» (с. 19).

397. *Попов А.* Понятие о воинской дисциплине // *Военный сборник*. — 1924. — Кн. 5. — С. 142–168.

Воинская дисциплина — душа армии. — Дисциплина в армиях разных исторических эпох. — Традиционное определение, варианты определений и принципы воинской дисциплины. — Категории нравственности и совести в содержании воинской дисциплины. «Воинская дисциплина есть воинская нравственность, как один из видов общечеловеческой нравственности ... совокупность живущих в войске понятий о воински добром и злом, честном и бесчестном...» (с. 134). — Воинская дисциплинированность. — Содержание и характер воинской нравственности. — Чувство самоотречения. — Воспитательные меры в деле воспитания войск.

398. *Попов Н.А.* Русская национальная идея и роль русского офицера // *Часовой*. — 1934. — № 127. — С. 20.

Проблема русской национальной идеи. — Русский офицер как «гонимый Божий избранник» «переломного» времени. — Предстоящая борьба за русскую правду и русскую идею.

399. *Переделов Н.* Красная армия // Воля России. — 1928. — № 1. — С. 128–136.

Советская Россия — источник новых военных конфликтов. Идеология в Красной армии. — Характеристика армии. — Армия и пропаганда.

400. *Пронин В.* Генерал Лавр Георгиевич Корнилов // Военный сборник. — 1921. — Кн. 1. — С. 5–30.

Роль полководца в русской армии. — Страницы биографии и портрет Корнилова. — Эпизоды боевой практики. — Деятельность на постах командующего Петроградским В.О. и Верховного Главнокомандующего в 1917 г. — Корнилов — Керенский. — «Корниловский мятеж». — Корнилов и Добровольческая армия. — Борьба с большевиками. — Гибель Корнилова. — Оценка его роли в истории России и ее армии.

401. *Пятницкий Н.В.* Красные командиры // Часовой. — 1931. — № 56. — С. 4–5.

Роль дореволюционного офицерства в создании Красной армии. «Как ни парадоксально, но Красная армия создана дореволюционным офицерством» (с. 4). — Институт комиссаров. Партия в армии. — Уровень образования командного состава.

402. *П.А.* О работе среди красноармейцев // Борьба за Россию. — 1927. — № 58. — С. 11–12.

Недовольство крестьян и рабочих властью и необходимость совершения переворота Красной армией. — Ведение противобольшевистской агитации и пропаганды.

403. *П.Б.* Нация. Происхождение, основание и сущность // Галлиполийский вестник. — 1939. — № 72. — С. 14–23; № 73. — С. 19–26.

Определение нации. — Признаки нации. — Образование наций и исторические границы. — Русская нация. — Факторы образования нации. — Российская государственность. — Проблема Украины.

404. *Рихтер Владимир.* Русская военная медалистика // Военная быль. — 1954. — № 9–11; 1955. — № 12–14.

Хронологическое описание медалей русской армии с XVII в. по начало XX-го.

405. *Рклицкий Ник.* Наш Генеральный Штаб // Царский вестник. — 1931. — № 51. — С. 1.

Критика Генерального штаба дореволюционной России и необходимость подготовки нового Генштаба будущей России с учетом уроков старого.

406. *Рклицкий Ник.* Русская проблема // Царский вестник. — 1929. — № 33. — С. 1.

Взгляд на проблему возрождения России. — Настроения русского населения и творческая организация народных масс.

407. *Рклицкий Ник.* Самодержавие или диктатура // Царский вестник. — 1930. — № 117. — С. 1.

Размышления об основах, особенностях русской государственности и ее формах в будущей России.

408. *Розеншильд-Паулин А.* Будущей русской пехоте // Военный сборник. — 1925. — Кн. 7. — С. 97–110.

Боевая подготовка личного состава. — Значение унтер-офицерского состава. — Организация рот и «мелкой единицы». — Роль холодного оружия в пехоте. — Стрелковая цепь. — Принцип эшелонирования и протяжения по фронту. — Выводы о будущей пехоте.

409. *Розеншильд-Паулин А.* Спорт как связь армии с народом // Военный сборник. — 1923. — Кн. 4. — С. 296–300.

Укрепление народного здоровья как фактор поднятия народного духа и обороноспособности страны. «...чем лучше, чем воспитаннее народ, тем совершеннее его армия» (с. 297). — Возрастание роли допризывной подготовки при коротких сроках службы. «В общей системе учебных заведений государства армии должно быть уделено самое почетное место» (с. 298). — Армия — сила созидаящая и воспитывающая вооруженный народ. — Участие воинских частей в воспитании допризывников. — Принципы организации спортивного дела и физического развития.

410. *Рошефор* (граф де Рошфор). Первый Георгиевский кавалер 1-й степени бывший кадет Первого Кадетского Корпуса фельдмаршал граф П.А. Румянцев-Задунайский // Часовой. — 1931. — № 69.

Учреждение «ордена для военных Святого Великомученика и Победоносца Георгия», боевой путь и заслуги П.А. Румянцева и увековечение его памяти.

411. *Руднев В.* Армия и революция // Современные Записки. — 1922. — Кн. 9. — С. 315–329.

Отзыв на т. 1 «Очерков Русской омути» А. Деникина. Роль Деникина в событиях революционной эпохи. — Об объективности очерков. — Плюсы и минусы книги. — Неспособность Деникина к историческому беспристрастию. — Обвинение Деникиным демократов в развале армии. — Роль Временного правительства в решении вопроса войны и мира. — Характеристика предреволюционной армии. — Противоречия книги.

412. *Русин А.И.* Императорский Российский Флот в великую войну // Часовой. — 1935. — № 148–149. — С. 11–13.

Необходимость флота для России. — Государственные вопросы флота между русско-японской и Первой мировой войной. — Стратегические и тактические задачи, возложенные на флот во время Великой войны 1914–1917 гг. — Начало боевых действий флотом. — Господство нашего флота на Балтике, Черном море и его следствия.

413. *Рысс П.* Под славными знаменами // Борьба за Россию. — 1926. — № 1. — С. 6–8.

Скорый конец «коммунистической тирании». — Программа русских патриотов в лицо «Борьбы за Россию» — Лозунг «За Россию». — Положение в Советской России. — Воссоединение и воссоздание России.

414. Работа Германии в Советской России // Голос России. — 1931. — № 2. — С. 10.

Революция в России — результат тайных операций Германии. — Взаимоинтерес сотрудничества. — Тесная связь германской и Красной армий. — Использование Германией промышленного потенциала России. — Обмен опытом военных специалистов.

415. *Савченко П.* Генерал Духонин (к 20-летию гибели) // Часовой. — 1937. — № 202–203. — С. 12–13.

Краткое повествование о последнем Верховном Главнокомандующем русской армией на фоне его писем к жене.

416. *Сагацкий И.* Генерал Барон Жомини // Военная быль. — 1966. — № 78. — С. 6–9. Жизненный путь военного теоретика XIX в. Жомини и его служение России.

417. *Свидерский В.* На распутье (о военной доктрине) // Вестник военных знаний. — 1933. — № 1 (17). — С. 28–30.

Разница понимания военной доктрины до Первой мировой войны и после. — Характеристики трех довоенных доктрин: русской, германской, французской.

418. *Своеземец.* Самодержавие и самоуправление по учению славянофилов // Царский вестник. — 1930. — № 119.

Круг славянофилов. — Принцип самодержавия и его противоречия. — Приемлемая структура государственной самодержавной власти.

419. *Сейфулин Леонид.* Держава Российская // Часовой. — 1963. — № 439–440. — С. 4–17.

Текст «книжицы», изданной в царствование Императрицы Елизаветы Петровны. — Перечисление родственных связей царствовавших в России великих князей и царей. — Влияние Русского государства на судьбы Европы.

420. *Сербинович К.И.* Тактика Красной армии // Армия и Флот. — 1932. — № 7. — С. 17–23; № 8. — С. 48–51.

Управление войсками. — Связь. — Огонь и управление им.

421. *Симанский П.* Паника в войсках // Вестник военных знаний. — 1953. — № 1 (17). — С. 1–10; № 2 (18). — С. 17–26; № 21. — С. 9–17; № 22. — С. 16–20; № 23. — С. 14–21.

Определение паники. — Неизбежность случаев паники на войне и закономерность ее проявлений. — Паника в будущей войне. — Классификация случаев паники и ее основания. — «Психологические центры» боя. — Паника личности, группы. — Примеры паники среди русских войск, германских в Первой мировой войне.

422. *Смирнов М.И.* Краткий очерк влияния морской силы на историю Государства Российского // Морской журнал. — 1936. — № 100. — С. 2-34.

Недостаточное осознание в России значения морской проблемы. — Изложение фактов из истории русского флота и указание на влияние морской силы на историю Российского государства.

423. *Смирнов М.И.* Российский Флот во время великой войны // Часовой. — 1939. — № 240–241. — С. 17–24.

Стратегия, боевые действия русского флота на Балтийском и Черном морях. — Значение этих действий для исхода войны.

424. *Соболев А.* Военная доктрина Красной армии // Часовой. — 1932. — Кн. 73. — С. 4–7; № 74. — С. 8–9.

Ясность цели и неясность средств — основная особенность политики «коммунистической партии». — Военная доктрина в представлении дней Гражданской войны. — «Массовые армии» пролетариата и «профессиональные армии «капитализма». — Здоровые начала в Красной армии. — Теория г. Булова и индустриализация СССР. — Движение к «окоммунистичеванию» армии. «Основной целью Красной армии становится защита режима и защита не только вне границ “государства-базы”, но и внутри ее...» (№ 74. — С. 9).

425. *Соболев А.* «Краскомы и борьба с коммунизмом»// Часовой. — 1934. — № 118–119.

Особенности сознания «красных» командиров.

426. *Соболев А.А.* Красный флот настоящего дня // Часовой. — 1931. — № 48, 50, 52, 54, 55, 57.

Идеи коммунистической партии и флот. — Двойная природа Вооруженных сил СССР. — Кадры армии — арена классовой борьбы. — Военная доктрина Красной армии. — Высшее руководство Военно-Морскими силами. «Технические ... вопросы решаются почти всегда людьми мало компетентными и заинтересованными прежде всего в сохранении партийной линии и партдисциплины» (№ 48. — С. 19). — Создание комсостава флота и его «пролетаризация». — Генеральная линия во флоте и ее последствия. Общая организация морских сил и места флота в ВС. — Командование настоящего дня.

427. *Соболев А.* Через пятнадцать лет. Мысли и понятия в Красной армии // *Часовой*. — 1933. — № 103–104. — С. 9–12.

Раздел армии на «партийцев» и «спецов». — Извращения «партии». — Борьба между «партийцами»-командирами и комиссарами. — Влияние этого фактора на военную науку и боеготовность. — Роль политработников.

428. *Современник.* Вооруженный социализм // *Армия и Флот*. — 1932. — № 7. С. 23–28.

Несостоятельность революционной армии. — Роль старого офицерства в Красной армии. — Красная армия и пятилетка. — Индустриализация и вооружение. — Прагматизм вооруженного государственного «социализма».

429. *Солодков Н.П.* О неизменности основных принципов военно-морской идеологии // *Часовой*. — 1961. — № 424. — С. 13–15.

Задачи флота в различные исторические эпохи. — Идеология относительного господства на море. — Сравнение американской и советской морских школ.

430. *Сорокин П.А.* Население, класс, партия // *Крестьянская Россия*. — 1923. — Кн. V–VI. — С. 86–99.

Понятие социального класса. — Человек — «абонент» множества разнородных объединений. — Общественное значение класса. — Партии, их анализ и болезни. — Положительность социальных перемещений индивида. — Опасность социальной кастовости.

431. *Сорокин П.А.* Письмо другу о России // *Борьба за Россию*. — 1927. — № 53. — С. 2–7.

Взгляд на «подъяремную» и «эмигрантскую» Россию. — «Культурные бриллианты России». — Влияние русской культуры на мировую. — Моральная сила эмиграции. — Уверенность в будущем России.

432. *Сорокин П.А.* Причины войны и условия мира // *Новый Журнал*. — 1944. — Кн. 7. — С. 238–251,

Главная основа внутреннего и международного мира. — Системы высших ценностей как центральный момент основы мира. — Несовместимость противоположных ценностей

как путь к войне. — Войны международные и гражданские. — Следствия войны. — Рост войн в период радикальных изменений высших ценностей в человеческом обществе. — Условия длительного мира. — Осуществим ли такой план.

433. *Сорокин П.А.* Россия после нэпа. (К пятилетнему юбилею октябрьской революции) // Крестьянская Россия. — 1923. — Кн. II–III. — С. 140–159.

Основные этапы пятилетия. — Состояние населения. — Изменения в структуре общества. — Экономика. — Дегенерация коммунизма. — Власть и политические группировки. — Духовная жизнь в России.

434. *Сорокин П.А.* То, что часто забывается... // Крестьянская Россия. — 1923. — Кн. II–III. — С. 14–31.

Скептицизм в политическом вопросе относительно возрождения России. — Люди — это главное. — Наследственные качества и среда существования человека. — Задача сохранения и увеличения лучшего человеческого материала. — Требования к социальной среде. — Устройство и роль семьи. — Проблемы воспитания. — Размещение населения в социальной пирамиде по его способностям.

435. *Стогов Н.Н.* Парагвай и русские офицеры // Часовой. — 1936. — № 174. — С. 14–16; № 176. — С. 14–16.

Участие русских офицеров в войне Парагвая с Боливией на стороне Парагвая и их роль в этой войне.

436. *Струве П.Б.* Героическая воля. Речь в память генерала Л.Г. Корнилова 13.04.23 // Вестник Русского Национального Комитета. — 1923. — № 3. — С. 7–12.

Корнилов как легенда. — Сущность личности. — Краткие характеристики М.В. Алексева, А.М. Каледина, А.В. Колчака. — Историческое значение личности Корнилова.

437. *Струве П.Б.* Русь Святая и Россия Вековая. (Несколько изречений) // Вестник галлиполийцев. Трехлетие общества. — 1924. — С. 113–114.

Четырнадцать изречений-афоризмов о любви к России и вере в нее.

438. *С.Т.* Морское разоружение // Часовой. — 1935. — № 146–147. — С. 12–14.

Международные договоры о морском разоружении 1922 и 1933 годов и иллюзия разрешения данного вопроса — Анализ состояния флотов ведущих держав.

439. *Тарусский Е.* Армия и Церковь // Часовой. — 1939. — № 230. — С. 25–26.

Проблема Церкви и армии в великой войне. — Разрыв с Церковью в тоталитарных государствах. — Связь Российского государства с Православной Церковью.

440. *Тарусский Е.* Какую армию и как должна построить будущая Россия // Часовой. — 1938. — № 224–225. — С. 27–29.

Возможные пути построения новой русской армии.

441. *Тарусский Е.* О христианском управлении // Часовой. — № 222–223. — С. 28–29.

Отбор «управленцев» Петром I. — Признак высшей духовной качественности как критерий отбора людей-управителей.

442. *Татаринов В.Е.* Армия и политика // Знамя России. — 1936. — № 11. — С. 3–5.

Внеполитичность армий демократических государств. — Иллюзорность мнения, что армия всегда стремится к войне. — Армия не есть реакция. — Армия тоталитарных режимов. — Выводы о взаимовлиянии политики государства и армии.

443. *Терещенко С.* Возникновение и развитие Германской подводной войны // Русский инвалид. — 1930. — № 11. — С. 4–5.

Проблема подводной войны в связи с рецензией на книгу начальника исторического отдела морского министерства Франции капитана 2-го ранга Лоренса о действиях флота в Великую войну.

444. *Терещенко С.* Гений Русского Флота. Адмирал Сенявин и его значение в русском флоте // Часовой. — 1936. — № 167–168. — С. 10–12; № 173. — С. 13–16; № 176. — С. 9–10; № 178. — С. 10–11; № 192. — С. 3–4; № 184. — С. 10–12.

Биография Сенявина Д.Н. — Сенявин и Ушаков. — Победы Сенявина в первой половине XIX в. — Значение Сенявина для русского флота.

445. *Терещенко С.* Задачи Краснознаменного флота в войне за III Интернационал // Часовой. — 1933. — № 105. — С. 9–13.

Взгляды «пресного» командования на источник будущей войны. — Краткий анализ возможного соотношения сил на международной арене. — «Балтийский блок» как наиболее вероятный противник России в будущей войне. — Анализ возможностей Балтфлота и его задачи в укреплении обороны на Балтике.

446. *Тимашев Н.С.* Война и религия в Советской России // Новый Журнал. — 1943. — Кн. 5. — С. 182–197.

Зачем религия понадобилась советскому правительству? — Послереволюционные гонения на Церковь. — Количество верующих в России и манипуляции властей этими данными. — Заигрывание Гитлера с Православием. — Использование Церкви в начальный период войны Сталиным. — Книга «Правда о религии в России» и что за ней стоит.

447. *Тимашев Н.С.* Как возникают войны // Новый Журнал. — 1968. — Кн. 90. — С. 205–212.

Краткий обзор теорий возникновения войн. — Краткое изложение теории возникновения войн по Тимашеву и ее обоснование.

448. *Тимашев Н.С.* Обречена ли Россия? // Новый Журнал. 1947. — Кн. 17. — С. 159–166.

Возражения пессимистическим прогнозам Р. Федотова о неизбежном распаде России — СССР после большевизма. — Силы единения России и их возможное преобладание.

449. *Тимашев Н.С.* О целях войны // Новый Журнал. — 1943. — Кн. 6. — С. 203–214.

Формирование целей войны воюющих сторон. — Различия в целях России и ее союзников.

450. *Тимашев Н.С.* Перестройка Советского Союза // Новый Журнал. — 1944. — Кн. 8. — С. 236–251.

Постановление Верховного Совета СССР о конституционной реформе от 01.02.44 г. — Смысл реформы и ее сущность.

451. *Тимашев Н.С.* Плановое хозяйство и демократии // Новый Журнал. — 1946. — Кн. 13. — С. 155–167.

Свободное и плановое хозяйства. — Понятие демократии. Вариантность планового хозяйствования. — Плановость и демократия в состоянии совместимости. — «Россия может демократизироваться, не отказываясь от планового хозяйства...»

452. *Тимашев Н.С.* Сила и слабость России // Новый Журнал. — 1942. — Кн. 2. — С. 192–205.

Парадокс силы и слабости России и проявление этого в начальный период войны с фашизмом. — Сравнение потенциала России и Германии. — Факторы силы России. — Обновленная фикция советской демократии. — Плюсы советской мобилизационной системы. — Факторы слабости России. — Сталинские репрессии. — Уверенность в победе России.

453. *Тимашев Н.С.* Центр и места в послереволюционной России // Крестьянская Россия. — 1923. — Кн. V–VI. — С. 44–58.

Проблема федеративного устройства России. — Схема распределения функций между центром и местами.

454. *Тимашев Н.С.* Церковь и Советское государство // Путь. — 1928. — № 10. — С. 53–85.

РКП как власть и социальное образование по типу религиозной секты, исповедующей марксизм. — Советское государство как идеолог и церковь как его неравный оппонент. — Определение положения религии в советском государстве. — Отсутствие юридической возможности существования церкви. — Стеснение всякой публичной религиозной жизни.

455. *Тимашев Н.С.* Что может перейти в грядущую Россию из советского строя // Борьба за Россию. — 1928. — № 76. — С. 4–6.

Положительные моменты советской власти. — Проблема народного представительства и ее разрешения.

456. *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество // Русский военный вестник. — 1926. — № 67, 68, 70.

Позиция европейцев по национальному вопросу. — Шовинизм. — Космополитизм. «Всякий национализм есть как бы синтез элементов шовинизма и космополитизма...» — «Общероманогерманский шовинизм». — Психология восприятия европейцами «дикарей» и

«дикарями» европейцев. — Соотношение культур. — Возможность приобщения культуры одного народа к культуре другого.

457. *Трубецкой Н.С.* Идеократия и армия // Русский военный вестник. — 1928. — № 151. — С. 1–2; № 152. — С. 2–3.

Понятие идеократии. — Армия в аристократическом типе государства. — Армия в государстве демократического строя. — Армия в условиях идеократии. — Преимущества идеократического строя для военной организации. — Значение идеократии для военной теории.

158. *Унишевский Вл.* Рассказ об армии Сталина // Часовой. — 1938. — № 216. — С. 3–6.

Материальное положение чинов РККА. — Наблюдение над Красной армией. — Специальные политические части Красной армии. — Комплектование армии. — Настроение и пропаганда в армии.

459. *Федотов А.* Тактика по опыту настоящей войны. // Галлиполийский вестник. — 1940. — № 87. — С. 2–6.

Анализ причин военных успехов Германии в Европе в 1939–40 гг. — Особенности и новизна организации и вооружения немецкой армии на примере тактического звена и оптимальность такой организации, ее эффективность. — Новые тактические приемы немцев.

460. *Федотов Г.П.* Загадки России // Новый Журнал. — 1943. — Кн. 5. — С. 161–181.

Противоречивая суть России. — Выявление войной ошибок эмигрантов в оценках Советской России. — Судьба послевоенной Европы. — «Интернациональный коммунизм или национальная государственность?» — Вливание Сталиным в сознание народов России русского национализма и сращивание партии с народом. — К вопросу об агрессивности и миролюбии России. — Опыт Москвы в насаждении коммунизма.

461. *Федотов Г.П.* Как бороться с фашизмом // Новый Журнал. — 1943. — Кн. 6. — С. 291–306.

Будет ли победа над Германией победой над фашизмом? — Демократия не может рассчитывать лишь на пушки. — Политическая суть фашизма. — Борьба с фашизмом — это борьба с крайне «левым» и крайне «правым». — Проблема власти и свобода. — Проблема нового социального строя. — Проблемы культуры и духа.

462. *Федотов Г.П.* Новое отечество // Новый Журнал. 1943. — Кн. 4. — С. 182–200.

Противоречие между интернационализмом целей войны и национализмом сражающихся народов. — Основное противоречие войны. — Идея разоружения народов. — Опасность эгоизма национального государства.

463. *Федотов Г.П.* Между двух войн // Новый Журнал. — 1947. — Кн. 14. — С. 154–169.

Подавленность мира войной прошедшей и ужас перед будущей — атомной. — Неспособность человечества самоорганизоваться. «Кризис роста и кризис гибели?» — «Фашизм как самая ключевая проблема эпохи». — Демократия и фашизм.

464. *Федотов Г.П.* Народ и власть // Новый Журнал. — 1949. — Кн. 21. — С. 237–252.

Отношения народа к власти вообще и в Советской России в частности. — Власть, народ и государство. — Степень ответственности народа за власть. — Элементы марксизма, делавшие его популярным и соблазнительным для русского народа. — Характеристика этапов советской власти и «всемирность» коммунистической идеи. — Вина России в ней самой.

465. *Федотов Г.П.* Рождение свободы // Новый Журнал. — 1944. — Кн. 8. — С. 198–218.

Социальная свобода. — Борьба в истории за социальную свободу и ее этапы. — Условия для новой победы свободы.

466. *Федоров Н.Ф.* Из посмертных рукописей // Путь. — 1929. — № 18. — С. 4–6.

Несколько мыслей о причинах и устранении войн. — Устранение войн — дело международное. — Войска в борьбе с силами природы. — Главные причины войн. — Примирение военной повинности с наукой и искусством.

467. *Флуг В.* О высшем командном составе // Русский военный вестник. — 1927. — № 110, 112–114.

Опыт в суждении по данному вопросу. — Значение нравственного, волевого элемента для начальника на войне. — Дух нации и его упадок — причина поражений и хаоса. —

Мысли об этом А.Н. Куропаткина. — Зависимость командного состава от общего уровня духовных сил нации. — Сила характера и мужество. — «Военная энергия». — Воспитание и подбор командного состава. — «Излишняя гордость».

468. Флуг В. О подборе командного состава армии // Русский военный вестник. — 1928. — № 154–155.

Задачи подбора высшего командного состава. — Особенности русской нации как затрудняющий элемент в подборе высшего комсостава. — Факторы успешного подбора высшего комсостава. — Принципы подбора на командные должности: «лучше иметь мало офицеров, но... превосходного качества, и вообще небольшую, проникнутую патриотическим духом, подвижную, активную, полную самоуверенности и дерзновения армию, чем огромные, равнодушные, пассивные, лишенные веры в себя и в успех “полчища”» (№ 155. — С. 3).

469. Флуг В. Путь к победе // Царский вестник. — 1928. — № 4. — С. 2–3.

Записка генерала Флуга барону П.Н. Врангелю, написанная в январе 1920 г., о способе практического восстановления самодержавия в России.

470. Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого» // Числа. — 1930–1931. — Кн. 4. — С. 128–142.

Что такое «правое» и «левое». — Исторически обусловленный смысл этих понятий. — Формализм их употребления. — Конкретно-политическое их содержание. — Философские основания «правого» и «левого» — Взаимопереход «правого» и «левого» при конкретных политических ситуациях. — «Левое» и «правое» «красное», «белое» и «черное».

471. Ф.Г. Россия как защитница славян // Царский вестник. — 1931. — № 159. — С. 3–4.

Исторический обзор войн России в защиту славянских государств.

472. Хвольсон К.В. Основные идеи организации западноевропейских армий // Армия и Флот. — 1939. — № 8–9.

Офицерские кадры. — «Второочередные войска». — Армия и политика.

473. *Хитров Д.* Теория и жизнь // Царский вестник. — 1930. — № 93. — С. 1–2; № 94. — С. 2–3; № 95. — С. 2.

Критика неудач русской армии в Японской войне. — Причины расхождения на войне теории и практики. — Научные и прикладные стороны военного дела. — Противоречия их соотношения. — Порочность долгого «сидения» в штабах высшего командного состава русской армии. — Создание популярности «многих современных кабинетных полководцев». — Причины расхождения между теорией и жизнью в армии.

474. *Цуриков Н.* Советское правительство, иностранцы, война и позиция эмиграции // Вестник Общества галлиполийцев. — 1936. — № 24. — С. 4–7.

Советское правительство и отношение к нему. — Характер власти в России. — Советское правительство и иностранцы. — Советское правительство и война. — Возможные результаты будущей войны. — «... победа Красной армии и неизбежное ... возникновение коммунистического строя в Европе или на Востоке или даже во всем мире ... опаснее для России, так как отдалит на более долгий срок освобождение России» (с. 6). — Война и русская эмиграция.

475. *Чернавин В.* К вопросу об офицерском составе старой Русской армии к концу ее существования // Военный сборник. — 1924. — Кн. 5. — С. 213–230.

Анализ изменений в офицерском составе и элементов, его составлявших, в течение мировой войны. «В будущих войнах... черта массового сплошного истребления станет еще заметнее. Военной теории придется серьезно задуматься над этим вопросом и заняться выработкой мер сохранения армии, а в особенности тех незаменимых элементов ее, которыми являются кадры мирного времени».

476. *Чернов В.* Ленин // Воля России. — 1924. — № 3. — С. 30–38.

Факт смерти Ленина. — Общая характеристика Ленина. — Ленин — теоретик классовой борьбы. — «Благоразумное неблагоразумие «вождя». — Ошибки. — Ленин «не творец, а толкователь». — Преобладание воли над умом у Ленина. — Отсутствие будущего у его партии.

477. *Чижов П.Н.* Содержание и развитие тяжелой артиллерии в Российской Императорской Армии // Военная быль. — 1963. — № 58. — С. 30–41.

Значение и роль тяжелой артиллерии на войне. — Из истории тяжелой артиллерии. — Принципы тяжелой артиллерии. — Формирование ее в русской армии и первое использование.

478. *Чириков Н.С.* План войны, подготовка и мобилизация флота в 1914 году // Военная быль. — 1965. — № 75. — С. 12–18.

Причины мировой войны с точки зрения морского вопроса. — Состояние флота России накануне войны и дух личного состава. Замысел мобилизации и флота. — Судостроительные программы и их воплощение как фактор высокой боевой способности русского флота.

479. *Чухнов А.* Мысли об устройстве Русской Государственности // Царский вестник. — 1931. — № 131, 132, 140.

Идея самодержавной монархии и народного царя. — Недостатки прежней российской государственной системы и необходимость подготовки государственного кадра для будущей России. Примерное устройство государственной власти России после большевиков. — Вопросы административно-политического управления.

480. *Штейфон Б.А.* Военный рационализм // Вестник военных знаний. — 1929. — № 1. — С. 16–19.

Наполеоновские принципы войны и их применения в XIX в. — Военный рационализм и область духа. — Великая война как результат столетней эволюции военного искусства. — Потеря человеческих идеалов после войны и духовное обнищание. — Армия — зеркало совести нации.

481. *Штейфон Б.А.* Возрождение военных идеалов // Часовой. — 1941. — № 255. — С. 3–5.

Критика французской военной доктрины и школы. — Причины возрождения германской мощи. — Воскресение немецкой армией маневра «во всем его блеске и значении». — Военные успехи Германии как следствие новейших способов ведения войны.

482. *Штейфон Б.* Вооруженный народ // Вестник военных знаний. — 1930. — № 7. — С. 25–29.

Ценность мысли военных гениев. — Идея вооруженных народов и пагубность влияния ее на армию. — Упадок современного военного искусства. — Вера в «малую армию» новой России.

483. *Штейфон Б.* Галлиполи — Р.С.В.С. // Часовой. — 1937. — № 202–203. — С. 14–15.

О дисциплине военного организма и средствах ее поддержания на примере Галлиполи.

484. *Штейфон Б.* Национальная военная доктрина // Вестник военных знаний. — 1933. — № 4 (20). — С. 28–33.

Постоянная необходимость военной доктрины. — Составные части военной доктрины. — Примерная схема военной доктрины.

485. *Штейфон Б.* О малых армиях // Царский вестник. — 1931. — № 160. — С. 2; № 163. — С. 2–3.

Выдвижение военной мыслью Русского Зарубежья идеи «малых армий». — Опыт автора в организации военных формирований в Галлиполи. — Из истории русской идеи «качественных малых армий».

486. *Штейфон Б.* Оперативное искусство Гражданской войны // Вестник военных знаний. — 1931. — № 4 (12). — С. 15–21.

Особенности Гражданской войны с точки зрения военного искусства. Выводы о стратегии, закономерностях и принципах ведения гражданских войн.

487. *Штейфон Б.* Отживающая идея // Русский Колокол. — 1930. — № 9. — С. 7–12.

Роль духовного фактора армий. — Вредность «интернациональной» идеологии для армии. — Необходимость пересмотра господствующей военной системы в пользу «малых армий». — Фактор «человека» в войне как главный фактор. — Армия новой России — армия качества.

488. *Штейфон Б.* Психология Гражданской войны // Царский вестник. — 1930. — № 123. — С. 4.

Специфика Гражданской войны как войны более трудной, нежели обычная. — Отличия природы обычной и Гражданской войн.

489. *Штейфон Б.* Скобелев // Вестник военных знаний. — 1932. — № 3 (16). — С. 1–7.

Значение Суворова и забвение его учения после его смерти. — Скобелев как продолжатель дела Суворова.

490. *Шуберский.* Современные основы народной мощи // Осведомитель. — 1938. — № 5. — С. 1–5.

Пространство, сырье, раса как основы мощи любого государства. — «Мировая система государств». — Природа современной войны. — Борьба за мировое господство. — Задача восстановления России.

491. *Юзефович А.И.* Оборона Порт-Артура в русско-японскую войну 1904–1905 гг. // Военная быль. — 1965. — № 71. — С. 1–11.

Причины войны. — Периодизация военных действий и содержание периодов. — Штурмы крепости. — Героизм защитников. — Падение Порт-Артура.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЬ К АННОТАЦИЯМ¹⁰¹

История. Исторические судьбы России:

2, 3, 12, 16, 48, 56, 70, 72, 80, 81, 82, 103, 110, 114, 117, 118, 122, 123, 127, 136, 143, 150, 153, 159, 178, 249, 284, 288, 291, 297, 298, 300, 317, 318, 321, 323, 328, 343, 376, 579, 393, 406, 419, 434, 456, 460, 471.

Идеология. Политика. Русская государственность:

4, 18, 63, 88, 90, 91, 94, 96, 105, 115, 118, 120, 122, 137, 138, 158, 171, 233, 246, 248, 286, 289, 290, 295, 296, 322, 329, 332, 349, 351, 399, 407, 413, 418, 441, 453, 454, 464, 465, 469, 470, 476, 479; Национальный вопрос: 45, 50, 84, 86, 108, 110, 123, 132, 155, 179, 180, 194, 285, 403; Религия и церковь: 85, 142, 255, 296, 322, 325, 388, 439, 446, 454; Революция: 81, 82, 83, 89, 117, 133, 136, 180, 298; Российская контрреволюция и «Белая борьба»: 1, 8, 9, 11, 14, 19, 20, 26, 39, 47, 70, 97, 58, 100, 101, 121, 126, 134, 144, 249, 292, 358, 390, 436; Советская Россия. СССР. 53, 89, 130, 131, 135, 139, 157, 195, 259, 250, 265, 351, 357, 414, 428, 433, 448, 450, 451, 452, 453, 455; Казачество: 43, 54, 60, 61, 63, 116, 149, 268, 269, 336, 338.

Дух. Духовность. Этика. Психология. Воспитание. Патриотизм:

58, 59, 73, 74, 75, 95, 107, 119, 124, 140, 161, 165, 166, 172, 175, 182, 197, 201, 222, 228, 254, 266, 270, 280, 293, 294, 333, 334, 335, 337, 353, 355, 469, 391, 392, 397, 409, 421, 437, 480, 483, 487, 489.

Военная история. История военного искусства:

22, 23, 34, 35, 67, 101, 156, 160, 209, 210, 211, 213, 217, 223, 224, 234, 235, 245, 261, 262, 263, 283, 303, 307, 324, 325, 346, 356, 375, 376, 384, 386, 389, 400, 404, 410, 415, 416, 435, 473, 475, 477, 478, 482, 486, 491; История армии: 6, 17, 32, 38, 40, 42, 48, 66, 93, 112, 142, 145, 147, 341, 378, 380; «Морская проблема» в русской истории: 31, 76, 152, 188, 299, 412, 422, 423, 426, 429, 438, 443, 444, 445.

Война, армия и политика:

24, 27, 30, 36, 37, 41, 141, 182, 192, 193, 196, 198, 208, 212, 214, 215, 219, 232, 237, 241, 247, 251, 252, 253, 256, 259, 271, 275, 276, 282, 302, 303, 304, 305, 306, 308, 309, 313, 315, 316, 326, 327, 331, 344, 345, 348, 354, 357, 359, 360, 361, 367, 372, 373, 374, 375, 380, 442, 445, 457, 461, 462, 463, 472, 474, 475, 482, 490; Война и мир: 10, 15, 16, 21, 57, 64, 68, 129, 174, 176, 177, 205, 226, 227, 242, 243, 265, 278, 342, 370, 430, 432, 447, 466; Армия и революция: 13, 39, 79, 81, 89, 95, 102, 147, 301, 411.

¹⁰¹

Цифрами обозначены номера источников.

Военное знание:

7, 25, 28, 29, 44, 46, 49, 51, 113, 128, 145, 148, 162, 163, 167, 168, 169, 173, 183, 184, 185, 189, 202, 206, 207, 209, 218, 221, 229, 231, 236, 242, 256, 257, 258, 260, 263, 264, 279, 302, 314, 318, 347, 362, 363, 365, 371, 389, 405, 409, 417, 459, 467, 468, 473, 481, 484, 485.

Красная армия:

55, 65, 71, 104, 151, 152, 170, 200, 203, 204, 207, 220, 230, 231, 238, 239, 240, 244, 267, 272, 273, 274, 277, 330, 339, 340, 341, 352, 368, 381, 382, 387, 395, 396, 399, 401, 402, 420, 424, 425, 427, 458.

Будущая армия России:

25, 162, 164, 168, 169, 225, 310, 311, 312, 320, 334, 394, 405, 440, 482, 484, 485, 487.

Приложение

УКАЗАТЕЛЬ ВОЕННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ (1920–1992 гг.)¹⁰²

1. Авиационный бюллетень. Югославия. Общество офицеров Русского Воздушного Флота. 1923.
2. Александровец. Варна; Париж. Ежемесячный листок зарубежного Объединения юнкеров Александровского военного училища, издатель А.А. Курбатов. 1928–1932, 1950. (РГБ)¹⁰³.
3. Алексеевец, Болгария, Тырново. 1922–1923. (ЦГА)¹⁰⁴.
4. Армия и Флот. Шанхай. Ежемесячный военно-научный журнал под редакцией В.В. Колесникова. 1925–1936. (РГБ).
5. Армия и Флот. Париж. Вестник сухопутных, морских и воздушных сил. Редактор Е.В. Кравченко. 1938–1939. (ГПИБ¹⁰⁵, ЦГА).
6. Артиллерийский вестник. Белград. Орган всех русских артиллеристов за рубежом. 1932–1940. (РГБ, ЦГА).
7. Артиллерийский журнал. Париж. Орган Правления общества русских офицеров-артиллеристов во Франции. Редактор-издатель А.А. Андреев. 1927–1930. (РГБ, ГПИБ).
8. Архив Гражданской войны. Берлин. 1923. (РГБ, ГПИБ).
9. Белое дело. Берлин. Летопись белой борьбы: материалы, собранные П.Н. Врангелем, герцогом Г.Н. Лихтенбергским, под редакцией А.А. фон-Лампе. 1926–1933. (РГБ, ИНИОН¹⁰⁶, ГПИБ, ЦГА).
10. Белый архив. Париж. Сборник материалов по истории и литературе революции и Белого движения. Редактор Я.М. Лисовой. 1926–1928. (ИНИОН, ГПИБ).
11. Бюллетень галлиполийцев в Праге. 1928. (ЦГА).
12. Бюллетень Объединения Сумских гусар. 1939.
13. Бюллетень Объединения Л.Гв. Московского Полка. Париж. 1931–1962.
14. Вестник. Париж. Ежемесячная военно-национальная газета Обще-Кадетского Объединения. Редактор А.А. Геринг. 1950–1968. (РГБ).

¹⁰² См.: стр. 48.

¹⁰³ Российская Государственная библиотека.

¹⁰⁴ Научная библиотека центральных Государственных архивов.

¹⁰⁵ Государственная публичная историческая библиотека.

¹⁰⁶ Институт научной информации по общественным наукам.

15. Вестник военных знаний. Сараево. Орган военно-научной мысли. Редактор К.К. Семигельский (Шмигельский). 1929–1935. (РГБ).
16. Вестник галлиполийцев в Болгарии. София. 1927–1931. (ИНИОН, ЦГА).
17. Вестник Гвардейского объединения. Париж. Редактор В.В. Бутчик. 1957, 1969–1971. (РГБ).
18. Вестник кавалергардской семьи. Париж, Ежегодное издание. Редакторы К.Н. Розен, Н. Звегинцов. 1938–1966. (ЦГА).
19. Вестник кирасир Ее Величества. 1928–1931. Ред. Б.Н. Третьяков.
20. Вестник Конногвардейского объединения. Париж, ежегодное издание. Ред. А.П. Тучков 1953–1969. (ЦГА).
21. Вестник Общества взаимопомощи галлиполийцев в Лионе. 1927. (ЦГА).
22. Вестник Общества галлиполийцев. София. 1932–1937. (РГБ, ИНИОН).
23. Вестник общества русских ветеранов великой войны в Сан-Франциско. Двухмесячный военно-исторический и литературный журнал. Ред. Сергеевский Б.В., Швед, Тихонравов... 1926–1966. (ЦГА, ГПБИ).
24. Вестник объединения офицеров Генерального Штаба. Сан-Франциско. Ред. В.И. Коневега. 1931–1932. (РГБ, ГПИБ, ЦГА).
25. Вестник Первопроходника. Лос-Анжелес. Журнал Калифорнийского Отдела Союза участников 1-го Кубанского похода генерала Корнилова. 1961–1968. (РГБ).
26. Вестник Правления Общества галлиполийцев. Белград. 1923–1926. (ГПИБ, ЦГА).
27. Вестник районного правления Общества русских офицеров Генерального Штаба в Королевстве Югославия. Белград. Ред. В.И. Полтавцев. 1924–1931. (ЦГА).
28. Вестник Совета российского зарубежного воинства. Нью-Йорк. Ред. С.Н. Ряснянский. 1958. (РГБ).
29. Вестник Союза офицеров — участников войны. Париж. 1928–1933. (РГБ, ИНИОН).
30. Военная быль. Париж. Военно-исторический литературный иллюстрированный журнал общекадетского объединения во Франции. Ред.-издат. А.А. Геринг. 1952–1974. (РГБ, ИНИОН, ГПИБ).
31. Военно-исторический вестник. Париж. Издание общества любителей русской военной старины. Ред. М.Т. Голубов. 1953–1974. (РГБ, ГПИБ).
32. Военный вестник. Нью-Йорк. Орган отдела Совета Российского Зарубежного воинства в Северной Америке. 1955–1956.
33. Военный вестник. Прага. Орган русских Союзов участников великой войны в Чехословакии. 1933. (ЦГА).

34. Военный журналист. Белград. Двухнедельный орган национальной военно-общественной мысли. Ред. Е.А. Щель, К. Попандопуло. 1939–1941. (РГБ, ГПИБ).
35. Военный Сборник Общества ревнителей военных знаний. Белград. Военно-научный журнал. Ред. В.М. Пронин, Н.Ф. Петров. 1921–1930. (РГБ, ИНИОН, ГПИБ).
36. Военный сборник. Париж. Ред. А.А. Обручев. 1965–1974. (РГБ, ИНИОН, ГПИБ).
37. Война и Мир. Берлин. Вестник военной науки и техники. Ред. М.И. Тимонов, А.К. Келчевский, В.В. Колосовский. 1922–1925. (РГБ, ИНИОН, ГПИБ).
38. Всезарубежное Объединение Виленцев. Орган объединения выпускников Виленского военного училища. Ред. В.И. Шайдицкий. 1960-е годы.
39. Галлиполийский бюллетень. София, 1932. (ЦГА).
40. Галлиполийский вестник. София. (Он же «Вестник гяллиполийцев»). Ежемесячный военно-общественный журнал. Ред. И. Зинкевич. 1932–1942. (РГБ, ИНИОН, ЦГА).
41. Голос России. Шанхай. Орган Дальневосточного отдела РОВС. 1930–1932. (ИНИОН, ЦГА).
42. Грядущая Россия. Мукден — Харбин. Двухнедельный, иллюстрированный, общественно-политический и литературно-военный журнал. Орган Законопослушной манархической мысли.
43. Досуг Одесского Кадета. Париж. Издание Союза Российских кадетских корпусов. Ред. С.М. Ножин, В.С. Новиков. 1955.
44. Досуг кадета Псковича. Париж. Ред. Г.А. Бороздин. 1957.
45. Досуг Московского Кадета. 1952–1959.
46. Друг инвалида. Шанхай. Издание Союза русских военных инвалидов. Ред. Л.В. Сейфуллин. 1931–1943.
47. Егерский Вестник. Издание Объединения лейб-егерей. Ред. Буковский. 1939.
48. Жизнь Изюмских Гусар. Издание полкового Объединения. Ред. Розеншельд-Паулин. 1960-е гг.
49. Заамурец. Харбин. Издание общества заамурских офицеров. 1938. (РГБ).
50. Измайловская старина. Александрия. Египет. Ред.-издатель А.Я. фон-Бретцель. 1936–1937.
51. Информационный листок кружка любителей русской военной старины. 1946–1968
52. Информация юго-восточного отдела Общества галлиполийцев. Прага.
53. Информационный бюллетень. Издание Российской секции германского солдатского и военного союза в Баварии. Мюнхен. 1954–1967.

54. Информационный бюллетень Союза русских инвалидов в Болгарии. София. 1951–1932. (ИНИОН).
55. Информационный еженедельник. Белград, Издание Совета объединения офицеров в Королевстве СХС. 1923. (ЦГА).
56. Информационные листы. (Виллах,). Издание Главного Правления Союза участников 1-го Кубанского похода. Ред. Николаев. 1948–1962.
57. Кадетская переключка. Нью-Йорк. Периодический журнал Объединения кадетских российских зарубежных корпусов. Ред. Н.Л. Козякин. 1972–1992. (РГБ, ИНИОН).
58. Кадетский голос из провинции. Риуперу, Франция. Ред.-издатель С.Г. Двигубский. 1942–1967.
59. Кадет Сибиряк-Александровец. Белград.
60. Кадетское письмо. Аргентина. Орган Общакadetского Объединения в Аргентине. Ред. А.Г. Денисенко. 1950-е гг.
61. Кадеты. Париж. Ред. Б.Ф. Приходкин. 1948–1950.
62. Кадет. Париж. Издание Союза Российских кадетских корпусов. 1955–1959, 1965–1964.
63. Кадетская заря. Издание Объединения 3-го Московского кадетского корпуса. 1952–1953.
64. Кексгольмская быль. Военно-исторический журнал п/ред. Е.Л. Янковского.
65. Корпусник. Нью-Йорк. Ежемесячный бюллетень Союза чинов Русского Корпуса. 1962–1968.
66. Кстати. Шанхай. Литературный, военный, иллюстрированный журнал Союза русских военных инвалидов. Ред. Л.В. Сейфуллин. 1939–1944.
67. Летопись Эриванцев за рубежом. Париж. Издание Правления Союза Эриванцев. Ред. П. Брюнелли. 1931–1932.
68. На рубеже. Ред. В.М. Маркевич, К.П. Николаев. 1948.
69. Наши вести. Нью-Йорк. Ежемесячный орган Русского охранного корпуса. Ред. Д.П. Вертепов. 1945–1969. (РГБ).
70. Оборона России. Прага. Еженедельник русской национальной оборонческой мысли. Ред. Н. Твердый. 1936. (ЦГА).
71. Осведомитель. Белград. Периодический журнал военно-научного института в Белграде. Ред. Н.Н. Головин. 1936–1938. (РГБ, НПИБ, ЦГА).
72. Осведомитель лейб-егерей. Париж. Ред. В.А. Каменский. 1930-е — 1950-е гг.
73. Павловец. Париж. Периодический журнал Объединения л.-гв. Павловского полка. Ред. С.Я. Левицкий. 1928–1929.

74. Первопоходник. Белград. Газета Главного Правления участников первого Кубанского похода. Ред. А. Комаровский, В. Пронин. 1928–1938.
75. Перекличка. США. Ежемесячное издание Общества галлиполийцев в США. 1955–1968.
76. Перекличка. Брюссель. Орган текущей связи. 1935–1937. (ЦГА).
77. Перекличка Николаевцев-Артиллеристов. Франция. Ред. Н.А. Апостолов. 1960-е гг.
78. Полковое оповещение л.-гв. 1-го стрелкового Его Величества полка. Издание полкового объединения.
79. Потешный. София. Журнал русского охранного корпуса. 1942–1943. (РГБ).
80. Поход. Сан-Франциско. Журнал участников Великого Сибирского похода. 1960.
81. Преображенская хроника. Сводка Союза Преображенцев. Ред. В.З. Свечин. 1936–1959.
82. Русский военно-исторический вестник. Париж. Издание Общества любителей русской военной старины. Ред. А.К. Савицкий, В.А. Топорков. 1948–1952. (РГБ, ИНИОН).
83. Русский военный вестник. Белград. Независимый орган русской военной мысли. Ред. Н.П. Рклицкий. 1925–1928. (ИНИОН).
84. Русский инвалид. Париж. Ежемесячная военно-научная и литературная газета Главного Правления Зарубежного Союза Русских военных инвалидов. Ред. Н.Н. Баратов, С.Д. Позднышев. 1927–1930, 1930–1940, 1960–1968. (РГБ, ГПИБ, ЦГА).
85. Русский голос. Белград. Национальная, общественная и военная газета. Ред. Пронин В.М., М.В. Милич. 1930–1940. (РГБ).
86. Семеновские бюллетени. Издание Правления Общества офицеров л.-гв. Семеновского полка. 1923–1968.
87. Сигнал. Прага. Журнал Русского воинского Союза в Праге. 1935. (РГБ).
88. Суворовцы. Нью-Йорк. Журнал Объединения кадет Суворовского кадетского корпуса. Ред. А.Н. Потапов, Н.В. Главацкий. 1950-е гг.
89. Финляндец. Осведомительный листок Объединения л.-гв. Финляндского полка. 1931–1956.
90. Царский вестник. Белград. Ред. Н.П. Рклицкий. 1928–1940. (ИНИОН).
91. Часовой. Париж—Брюссель. Иллюстрированный военный журнал-памятка. Орган связи русского воинства за рубежом. Впоследствии — орган связи Российского национального движения. Ред. В.В. Орехов. 1929–1968. (РГБ, ИНИОН, ГПИБ, ЦГА).

ВОЕННО-МОРСКИЕ ЖУРНАЛЫ

92. Бюллетени Общества Офицеров Российского Императорского Флота в Америке. США. 1952–1967.
93. Вахтенный журнал. Сан-Франциско. Военно-морской, историко-литературный и профессиональный журнал. Ред. Ю.М. Горденев. 1936–1939. (РГБ).
94. Журнал Кружка Морского училища. Бизерта—Белград. 1922.
95. Записки военно-морского исторического кружка. Париж. Ред. И.О. фон-Кубе. 1931–1937.
96. Зарубежный морской сборник. Пильзен, Чехословакия. Орган Объединения русских морских организаций в Чехословакии. Ред. Я.И. Подгорный. 1928–1931. (РГБ, ГПИБ).
97. Звено. Брно, Чехословакия. Ред. П.В. Репин. 1925–1927.
98. Морские записки. Нью-Йорк. Издание Общества русских морских офицеров. Ред. С.В. Гладкий, Г.Н. Таубе. 1943–1965. (РГБ).
99. Морской журнал. Прага. Издание кают-компании в Праге. Ред. и.С. Стахевич. 1928–1942, (РГБ, ИНИОН, ГПИБ).
100. Морской сборник. Бизерта, Тунис. Ежемесячный журнал русской эскадры. Ред. Н.А. Монастырев. 1921–1924. (РГБ, ИНИОН, ЦГА).
101. Норд-Ост 23. Париж. Издание 7-го Военно-морского Очага Союза Младороссов. 1934.
102. Сигнал. Париж. Ред. Н.Цветков, А. Покотилов. 1927–1928.

Представленный перечень военных периодических изданий не полон. Работа по их поиску и описанию редакцией «Российского военного сборника» продолжается.